

Елена Борова
Неизвестные сказки няни Пушкина

Елена Борова
Неизвестные
сказки няни Пушкина

Антонова Екатерина. 11 лет. К сказке «Пропавший жених»

Антонова Софья. 11 лет. К «Святочным сказкам Арины Родионовны»

Буркеев Егор. 11 лет. К «Сказке о Петре-царевиче»

Деменчук Валерия. 11 лет. К «Сказке о Балде, бесёнке и царевне»

Филатова Надежда. 9 лет. К «Святочным сказкам Арины Родионовны»

Мельницкая Ангелина. 10 лет. К «Сказке о Петре-царевиче»

Гусева Эмма. 10 лет. К «Сказке о Балде, бесёнке и царвне»

Мирзоева Сафия. 9 лет. К «Сказке о Петре-царевиче»

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет.
Няня Арина Родионовна с Левушкой, Олей и
Сашей Пушкиными в саду

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет.
Арина Родионовна рассказывает сказку Саше Пушкину

Елена Борова

Неизвестные сказки няни Пушкина

Сказки в стихах,
рассказ, очерки

Москва — Большое Болдино
2024

Егорова Е.Н. Известные сказки няни Пушкина: сказки в стихах, рассказ, очерки. — М.: Московская областная организация Союза писателей России (литературное объединение «Угреша»); МОБОО «Общество «Семь Я»; Большое Болдино: Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2024. — 296 с., ил.

Няня Арина Родионовна рассказывала сказки Александру Сергеевичу Пушкину, его братьям и сестре, когда они были детьми. Спустя много лет, во время ссылки в сельце Михайловском, великий поэт снова слушал нянины сказки и кратко записал их. Из семи записей четыре Пушкин использовал сам. Один сюжет поэт подарил своему другу В.А. Жуковскому.

Шестая и седьмая записи няниных сказок и частично третья так и остались неиспользованными и поэтому практически неизвестными широкому кругу читателей. Именно они привлекли внимание члена Союза писателей России Елены Николаевны Егоровой. Её сказки в стихах, написанные на основе этих сюжетов няни Арины Родионовны, адресованы школьникам от 8 лет и взрослым, преимущественно родителям и педагогам. Стилизация в духе поэзии пушкинского времени поможет читателям живее почувствовать атмосферу той эпохи, когда великий поэт слушал сказки из уст няни. Сюжеты разработаны и дополнены автором в тех же традициях, как это делал сам Пушкин, сочиняя свои знаменитые сказки.

Книга также включает рассказ «Нянины сказки» из серии «Детство Александра Пушкина» и очерк о судьбе Арины Родионовны и её сказках. Очерк-исследование о сказках А.С. Пушкина и В.А. Жуковского на основе сюжетов няни даёт возможность юным и взрослым читателям узнать о других источниках этих известных сказок. В заключительном очерке автор погружает читателей в собственную творческую «лабораторию», рассказывая о своей работе над сказками по мотивам неиспользованных А.С. Пушкиным сюжетов Арины Родионовны.

Изюминка книги — прекрасные иллюстрации, созданные юными художниками в ходе Всероссийского конкурса проекта, организованного издателями книги.

Книга издана в рамках проекта, поддержанного Фондом-оператором президентских грантов (заявка № 23-2-010522) и попечителями.

ISBN 978-5-6047169-4-6

© Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2024

© Литобъединение «Угреша» им. Я.В. Смелякова

Московской областной организации СП России, 2024

© МОБОО «Общество «Семь Я», 2024

Святочные сказки Арины Родионовны

Рис. Хадж-Шейхмус Елены. 15 лет

Ильясова Камила. 11 лет. «Няня сказку начинает...»

Зажигает няня свечки,
Дети жмутся возле печки,
Сказок, обмирая, ждут.
По углам таится жуть —
Тёмны вечера на Святки,
Лишь у образов лампадки
Лик Господень освещают.
Няня сказку начинает:

«У одной крестьянки было
Два сынка. Старшой, Данила,
И послушен, и умён,
Батюшке в хозяйстве он
Помогает день-деньской.
А Ванюша, сын меньшей,
Баловник, проказник, неслух,
Ни минуточки на месте
Никогда не посидит,
Всё резвится и шалит.
Раз, проснувшись спозаранку,
Тесто ставила крестьянка.
Надо же такому быть:
Чтоб за хвост кота схватить,
Мимо пробежал сынок,
Опрокинул ей горшок.
Мать не в шутку осерчала
И вдогон ему вскричала:
«Что наделал, посмотри!
Ах! лукавый побери!»
Только это мать сказала,
Плядь — мальчика как не бывало.
Не поверила глазам,
Ищет сына по углам.
Нет нигде! Вдруг слышит: в бане
Будто громко плачет Ваня.
Мать, отчаянно крестясь,
«Да воскреснет Бог..» — молясь,
К бане кинулась. Там нет!
Сорванца простыл и след.
Снова слышит: не иначе,
В риге горько Ваня плачет.
И она скорей туда.

Пупышева Анастасия. 12 лет.
«Тесто ставила крестьянка...»

Деменчук Валерия. 11 лет.
«Опрокинул ей горшок...»

Городилова Дарья. 12 лет. «Мать не в шутку осерчала...»

Кузнецова Кристина. 14 лет.
«А кругом огни, огни...»

Попова Вера. 13 лет.
«Бесов злобные глазщици...»

Слышит: плачет у пруда.
Мать взмолилась всей душой:
«Господи, где мальчик мой?
Ты прости мне согрешение,
Не лишай нас утешенья,
Дитяtko моё спаси!»
Мать не устаёт просить,
До земли поклоны бьёт,
На челе холодный пот,
Дух не смеет перевести...
Глядь — её малютка здесь!
Перепуган мальчик сильно:
«Матушка, меня носило
В баню, в ригу и к пруду,
Я боялся — упаду.

Егорошенко Ева. 12 лет. «Добрый ангел меня спас...»

А кругом огни-огни,
Много их, страшны они —
Бесов злобные глазищи —
И за мною так и рыщут.

Зиновьева Елена. 11 лет.
«Голубком слетел с небес...»

Якимова Яна. 14 лет.
«Чудную запел мне песнь...»

Вдруг огни потухли враз —
 Добрый ангел меня спас,
 Голубком слетел с небес,
 Чудную запел мне песнь
 И поставил пред тобою».
 Принялась дитя родное
 В радости великой мать
 Обнимать и целовать,
 Благодарно воздавать
 Господу хвалу и славу.
 Зареклась с тех пор лукавых
 Поминать она — ни-ни!
 Дружно всей семьёй они
 Стали жить да поживать...
 Детки, вам пора уж спать».

Ухнул филин за окошком,
Под столом шмыгнула кошка.
Громко свиристит сверчок.
«Няня, расскажи ещё, —
Просит Саша. — Ради Бога!
Ты ведь сказок знаешь много».
«Расскажу, но вы в кровати
Лягте... Было то на Святки.
Красно солнышко зашло,
Веселилось всё село,
Жирно кушали и сладко,
Пели девицы колядки,
Всюду игрища, гулянья
И подблюдные гаданья.

Закирова Аделина. 12 лет. «Няня, расскажи ещё...»

Крикунова Валерия. 12 лет. «Веселилось всё село...»

Орлова Мария. 15 лет.
«Молодых три мужика / В крайний дом зашли...»

Абдрашитова Регина. 12 лет. «Так и быть, тебя женю...»

В ночь, под мухою слегка,
Молодых три мужика
В крайний дом зашли пустой.
А один-то — холостой —
Ради смеха стал хвалиться,
Что ничуть не побоится
У нечистого просить
В эту ночь его женить,
Не могли никак унять.
«Бес! — кричит, — жени меня!»
Грудь вперёд, расправил плечи...
Глядь — выходит из-за печи
Сам нечистый под хмельком,
Блеет тонким голоском:
«Так и быть, тебя женю,
Но не сетуй на родню!»

Бильданова Адиля. 14 лет.
«...и меня / Прокляла тогда родня...»

Махмутарзинова Диана. 14 лет.
«Вот и весь печальный сказ...»

Ухмыльнулся и исчез он.
 Перепуганный повеса
 К лавке будто бы прилип.
 Вдруг услышал горький всхлип
 И не может надивиться:
 Плачет красная девица,
 На щеке горит слеза.
 «Ой ты, девица-краса, —
 Говорит он, любя, —
 Не обижу я тебя.
 Расскажи, что приключилось,
 Как со мной ты очутилась?»
 Молвит девица, вздыхая:
 «Матушка моя родная
 И любимый мой отец
 Приказали под венец

Туманова Елизавета. 12 лет. «Плачет красная девица...»

Развеева Анна. 17 лет. «Будешь ты моей женою?..»

С женихом идти богатым,
Старым, лысым, бородатым.
До чего он мне не люб,
Безобразен, толст и скуп!
Не пошла я, и меня
Прокляла тогда родня.
Только крикнули проклятье,
Как меня в фате и платье
Вихрь огнями закрутил
И на лавку опустил
В эту избу против вас.
Вот и весь печальный сказ». —
«Ой ты, милая дивчина,
Позабудь тоску-кручину, —
Молодец ей отвечал. —
Полюбил, как увидал,

Я тебя, мою красу,
И отказа не снесу.
Будешь ты моей женою?
Под венец пойдёшь со мною?»
Девушка взглянула мило
И улыбкой одарила
Нежных ярко-алых губ:
«Молодец, и ты мне люб.
Буду я твоей женою,
Под венец пойду с тобою».
Вышла с ним во двор она.
В небе полная луна,
И светло, как будто днём.
Следом шаферы вдвоём.
Чудо! — тройка у ворот
Их нетерпеливо ждёт.

Капралова Мария. 12 лет. «Сели и помчались ходко...»

Сели и помчались ходко,
Жмётся к милому молодка,
Холодно и страшно им
По полям лететь чужим.
Скоро звёздочки померкли,
Рассвело. Они у церкви
Очутились приходской
За оградой городской.
Внутри вошли, перекрестившись,
Вместе Богу помолившись.
Поп спросонья поворчал,
А потом их повенчал.
Вышли из дверей наружу,
Молодица молвит мужу:
«Хоть лукавый нас кружил,
Но Господь соединил.
В этом городе большом
Мы в согласье заживём».

Всё сбылось, как порешили:
Дружно молодые жили,
Берегли свою любовь,
Бог послал им стол и кров,
И дочурок, и сыночков...
Девять минуло годочков.
Постучались раз в их дом
Старица со стариком —
Сгорбленны, и безобразны,
И оборванны, и грязны,
И с младенцем на руках.
Жалки речи старика:

Дремова Мария. 13 лет. «Дружно молодые жили...»

«Люди добрые, пустите,
Обогрейте, накормите
Вы старуху и меня.
Мы не кушали три дня,
А младенец — вот вам крест —
Много лет не пьёт, не ест».
Как хозяйка поглядела,
Так душой и обомлела,
Виду всё ж не подала
И к столу их позвала.
Угощала пирогами,
Щами, сладкими медами
И солёными грибами,
Парила в горячей бане

Тюлегенова София. 12 лет. «И к столу их позвала...»

Карташева Варвара. 12 лет. «Враз уснули крепким сном...»

И обоих в чистом платье
Уложила на полати.
Муж не стал перечить ей,
Принял незваных гостей.
Нищие, дивясь о том,
Враз уснули крепким сном.
А хозяйка вышла в сени
Посмотреть, как их младенец,
Там оставила его,
Не сказавши ничего.
Поутру, проснувшись раньше,
Наварила мёда, брашен
И, когда был стол готов,
Разбудила стариков.
Но они благодарят,
Много кушать не хотят,

Бадамшина Эвелина. 14 лет. «Старики молодке в ноги...»

Собираются в дорогу
И уже идут к порогу.
Вдруг хозяйка их младенца,
Развернувши полотенце,
Как ударит топором!
Щепки полетели в дом —
Там лежал не мальчуган,
А осиновый чурбан!
Старики молодке в ноги:
«Нас простите ради Бога,
Одиноких и несчастных.
Прокляли мы дочь напрасно,
И она в тот страшный час,
Плача, вдруг исчезла с глаз.
Девять лет её мы ищем,
Не имея крова, пищи.

Комарова Любовь. 12 лет.
«Там лежал не мальчуган, / А осиновый чурбан...»

Капралова Мария. 12 лет. «Ходим, каясь, по церквям...»

Но нигде Любаши нет.
Ох, не мил нам белый свет.
Ходим, каясь, по церквям,
Не видать прощенья нам.
И осиновою чурку
Мы лелеем как дочурку».
Тут хозяйка молодая
Молвит, слёзы утирая:
«Бес-чурбан вам очи застил,
Наводил лихие страсти.
Матушка моя, отец!
Узнаёте наконец?
Поглядите, я Любаша,
Дочь потерянная ваша!»
Пелена упала с глаз,
И признали в тот же час

Редина Валерия. 11 лет. «Поглядите, я Любаша...»

Дочь родную старики
И, склонясь на тюфяки,
Просят горячо прощенья.
Дочь их подняла с коленей:
«Милые мои, не нужно!
Вот, родные, Ваня, муж мой.
Он теперь вам вместо сына.
Прочь навек, тоска-кручина!
Мы давно простили вас,
Оставайтесь жить у нас,
Будете растить внучат,
Станет некогда скучать».

Лазарева Ксения. 14 лет. *«Засыпайте поскорей...»*

Сели с радости за стол,
И горою пир пошёл!
Славят все Христову милость!
Ничего не обломилось
Только бесу, ведь забыта
Здесь вражда. Грызя копыта
От бессилья и досады,
Сгинул бес в пучине ада,
Больше не войдёт в их дом,
Но ему и поделом!
А чурбан его в ночи
Весело сгорел в печи.
И на этом сказка вся,
Дальше сказывать нельзя.
Засыпайте поскорей.
Утро ночи мудреней».

Видит няня: Оля спит.
Тихо Лёвушка сопит,
Саша трёт ладошкой глазки —
До конца он слушал сказки,
Обнимает сладкий сон
Отрока со всех сторон.
Месяц всходит за окном,
Отливает серебром
Свежий снег в его лучах.
Няня, «Отче наш...» шепча,
Крестит деточек с любовью,
Поправляет изголовья.
Погасила две свечи
И уснула на печи.

Сказка о Петре-царевиче

Рис. Юхариной Варвары. 16 лет

Развеева Анна. 17 лет. Царь с царицей Алёной и коварная Каина

В государстве православном
В стольном городе державном
Жил да был когда-то встарь
С молодой женою царь.
А царица-то мила,
В царстве краше всех была:
Взор очей небесных нежен,
На щеках румянец свежий,

Косы русые до пят.
Только ножкой ступит в сад,
Кланяются ей цветки,
Прилетают мотыльки.
Запевают песни птицы
Для прекрасной молодежи,
Белки ластились у ног:
Дар чудесный дал ей Бог
Понимать язык зверей...
И наперсница у ней
Во дворце была младая,
С виду добрая такая.
Станом и лицом она
Тоже вроде недурна,
Но с Алёною-царицей
Даже близко не сравнится.
И ни коротко, ни длинно
Было имя ей — Каина.
Всё царицу ублажает,
А душонкой помышляет,
Госпожу чтоб извести
И самой на трон взойти.
Государю строит глазки
И выказывает ласки,
И готова услужить,
Ночью тайно ворожить,
Да напрасно: царь одну
Любит милую жену.
А наперсница наглеет,
С каждым днём душою злеет.
Стала клеветать она,
Мол, Алёна неверна.

Деревенская Маргарита. 12 лет.
Царица Алёна в саду

Капралова Мария. 12 лет.
«Белки ласться у ног...»

Токарева Виктория. 16 лет.
«Было имя ей – Каина...»

Фурсенко Мария. 14 лет.
«Прилетают мотыльки...»

Токарева Виктория. 16 лет.
«А царица-то мила...»

Родимова Варвара. 14 лет.
«Государыня тоскует...»

Лукоянова Лилия. 12 лет.
«А наперсница лискует...»

Говорит: «Царь, берегитесь,
По ночам к супруге витязь
Приезжает для утех,
В спальне слышала я смех».
Поначалу царь не верил,
Но когда, открывши двери,
Поутру к жене вошёл,
То перчатку там нашёл
У оконницы чужую,
В садике — чепрак от сбруи.
На царя хандра напала,
Ревность душу истерзала.
А несчастная царица
Пред иконами божится,
Что была ему верна,
Что не ведает она

Гущин Никита. 13 лет.
«То перчатку там нашёл...»

Шадыбаева Венера. 12 лет.
«Свет ты мой, не уезжай...»

И не понимает, как
И перчатка, и чепрак
Оказались вдруг у ней;
Но не верит царь жене.
Государыня тоскует,
А наперсница ликует,
За своё взялась опять,
Чтоб царя очаровать,
Да ни в чём не преуспела.
До неё царю нет дела,
Ревность гложет день и ночь,
Уж совсем ему невмочь,
Нет от страсти той лекарства.
Он решил оставить царство
На боярина старшего
И царице молвит слово:

Ракова Александра. 13 лет.
Царь даёт царице крестик

Исломова Фаришта. 11 лет.
«Стала ждать она царя...»

«Я из дому еду прочь,
Чтоб кручину превозмочь,
А когда назад вернусь,
Так во всём и разберусь».
Плачет бедная царица,
Словно в клетке голубица:
«Свет ты мой, не уезжай,
За морем, чай, жизнь не рай.
Я верна тебе, поверь». —
«Говоришь ты так теперь,
А когда мне изменяла,
Верно, и не вспоминала!
Уезжаю, прощевай!» —
«Хоть на память ты мне дай
О себе одну вещицу».
Царь тогда даёт царице

Крест нательный золотой,
Надевает сам простой,
Помолившись на дорожку.
Ко дворцу подали дрожки,
Сел в них царь, уехал спешно.
А царица безутешна
И в кручине девять дней
В горенке сидит своей.
На десятый поняла,
Что непраздною была,
Что под сердцем целый месяц
У неё дитя. Той вести
Радуетя всей душой.
«Государь вернётся мой, —
Думает она, — увидит,
И меня он не обидит,
И кровиночку свою.
Чай, поймёт, что я люблю
Лишь ребёнка и супруга.
Буду ждать милого друга,
Бога день и ночь просить
На пути его хранить».
И, Всевышнего моля,
Стала ждать она царя.

Саутина Кристина. 12 лет. «Близятся уже родины...»

Дни за днями протекают
Утомительной чредой,
Звери, птицы утешают
Грусть царицы молодой.
С яблонь, вишен и калины
Облетает вешний цвет,
Близятся уже родины,
Милого всё нет и нет..
А тем временем Каина
Власть в чертогах прибрала:
Миловала, и казнила,
И ссылала, и секла.
Срок пришёл. Царица ночью,
Мучаясь, в постель слегла
И прекрасного сыночка
Рано утром родила.
Знать столпилась у кровати,
Молвят: «Первенец с лица
Вышел в мать красой, а статью
Будет он в царя-отца».
В честь счастливого рожденья
Пушки у дворца палят,
В храмах служатся моленья
И колокола звонят.
То-то радость для царицы!
Позабыла тяжесть мук
И глядит не наглядится
На дитя, из белых рук
Ни на миг не выпускает,
Да на всё не хватит сил.
Поздний вечер наступает,
Тяжкий сон её сморил.

Якимова Яна. 14 лет. «И глядит не наглядится на дитя...»

В ночь коварная Каина
Замышляет злую месть,
Хочет маленького сына
И царицу враз извести.

Мусиенко Софья. 15 лет.
«То-то радость для царицы...»

Иванова Кира. 15 лет.
Царица Алёна с сыном

Фурсенко Мария. 14 лет. «...из белых рук / Ни на миг не выпускает...»

Якимова Яна. 14 лет. Каина крадёт новорожденного царевича

В спальню пробралась неслышно,
К колыбели подошла,
Хвать царевича под мышку —
И с собою забрала,
Прошмыгнула мимо зала,
В кухню царскую внесла,
Грозно повару сказала,
Как исчадье ада, зла:
«Сердце этого ребёнка
Завтра ты мне принеси,
Завернув его в пелёнку,
А иначе не проси
Снисхожденья никакого —
Палачам я прикажу
Заковать тебя в оковы.

Пометун Дарина. 11 лет.
«Хвать царевича под мышку...»

Фурсенко Мария. 14 лет.
«И с собою забрала...»

Принесёшь мне — награжу!»
И ушла к себе в покои.
Повар встал, ошеломлён:
Преступление такое
Совершить не в силах он.
Говорит жене: «Мы челядь,
Нас вольно сажать в тюрьму.
Что ж я тать какой аль нелюдь?
Грех на душу не возьму».
Из батистовых пелёнок
Вдруг послышалась возня,
Будто просит сам царёнок:
«Повар, пожалей меня!
Вместо моего ягнячье
Сердце завтра отнеси».

Лукоянова Лилия. 12 лет. «В кухню царскую внесла...»

Ясно слышится сквозь плачь им
Детский зов: «Спаси! Спаси!»
Повариха молвит: «Чудо!
Как такое может быть?
Мы с тобою не иуды,
Чтоб малютку погубить.
Кабы нашу-то Настёнку
Кто украл да погубил,
Каково бы нам... Пелёнку
Дай сменю — вишь напрудил...
Режь ягнёнка... погоди ты,
Хоть наперсница хитра,
Да и мы не лыком шиты.
Что скажу тебе: вчера

Разрешилась кузнечиха —
Двойню в полдень принесла,
А под вечер — ой ты лихо! —
Мёртвым одного нашла.
И никто о том не знает:
Я при ней была одна.
Плачет, бедная, стенает.
Помощь ох как ей нужна!
Ну чего молчишь? Смекаешь?
Нам с тобой она кума,
Ты мальчика у ней сменяешь...
Стой! Поеду я сама.
И не скажем, что царёнок:
Ей равно, какой малыш,
Лишь бы ладный был ребёнок.
Этот, глянь, какой крепыш!»
«Ох ты, Мань, и трындычиха! —
Повар хмуро ей сказал. —
Так скачи же к кузнечихе,
Чтоб рассвет нас не застал.
Уж, вестимо, будет рада,
Славному дитю кума.
Ну а нам с тобой награда —
Деньги, чай, а не тюрьма».

Дело сладили до света,
Отнесли в покой дворца
Мёртвым в кружевном конверте
Кузнечихина мальчика,
Но наперсница-злодейка
Не дала им ни гроша
И царице в колыбельку
Подложила малыша.

Беляева Дарья. 12 лет. «И царице в колыбельку / Подложила малыша...»

На рассвете встав, Алёна
«Сына» на руки взяла,
Развернула из пелёнок —
Как слезами залилась!
И сквозь слёзы не узнала,
Что младенец-то чужой,
Билась, плакала, кричала
По кровиночке родной,
За минуту поседела,
Жить без сына не смогла,

Махмутгарзинова Диана. 15 лет. «Не пила весь день, не ела...»

Чернышева Настасья. 9 лет. Крестины Петра-царевича

Не пила весь день, не ела,
К ночи тихо умерла.
Крестик царский с ручки белой
Вниз упал, слегка звеня,
И Каина углядела,
Повариху подмани,
Шепчет: «Вот тебе награда
И супругу твоему,
Обо всём молчи, будь рада,
Что не посажу в тюрьму».

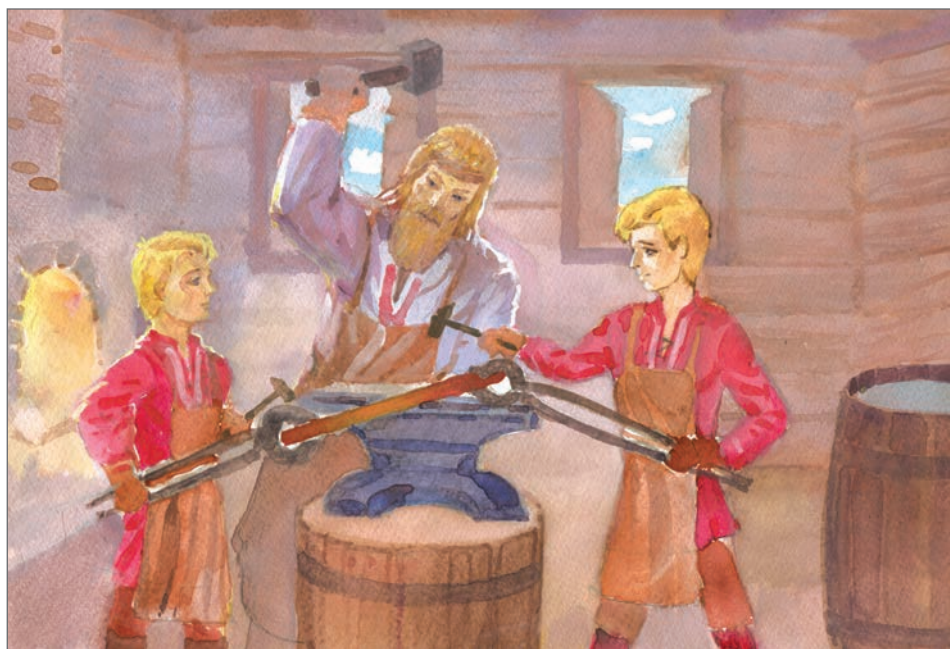
И решила повариха,
В путь последний проводя
Госпожу: «У кузнечихи
Царское крещу дитя
Этим крестиком богатым,
Пригодится он ему.
Если даст Господь когда-то,
Крест узнают по клейму».
Так и сделала. Царёнка
Окрестила тем крестом,
В честь апостола мальчонку
Иерей нарёк Петром.
Названного его брата
Иоанном нарекли.
В доме кузнеца ребята
Не разлей вода росли.

Наконец из-за границы
Царь на дрожках прискакал,
Как узнал про смерть царицы
И дитя, загоревал.
Он себя винил всем сердцем,
Долго плакал и грустил.
Нет в раю обратной дверцы,
Не вернёшь, что схоронил...
А Каина всё кружила
Курицей вокруг царя,
День и ночь ему служила,
Ворожила, ворожила,
Заклинания творя,
Ни на шаг не отходила,
Время не теряя зря.

Климова Юлия. 12 лет. Каина утешает царя

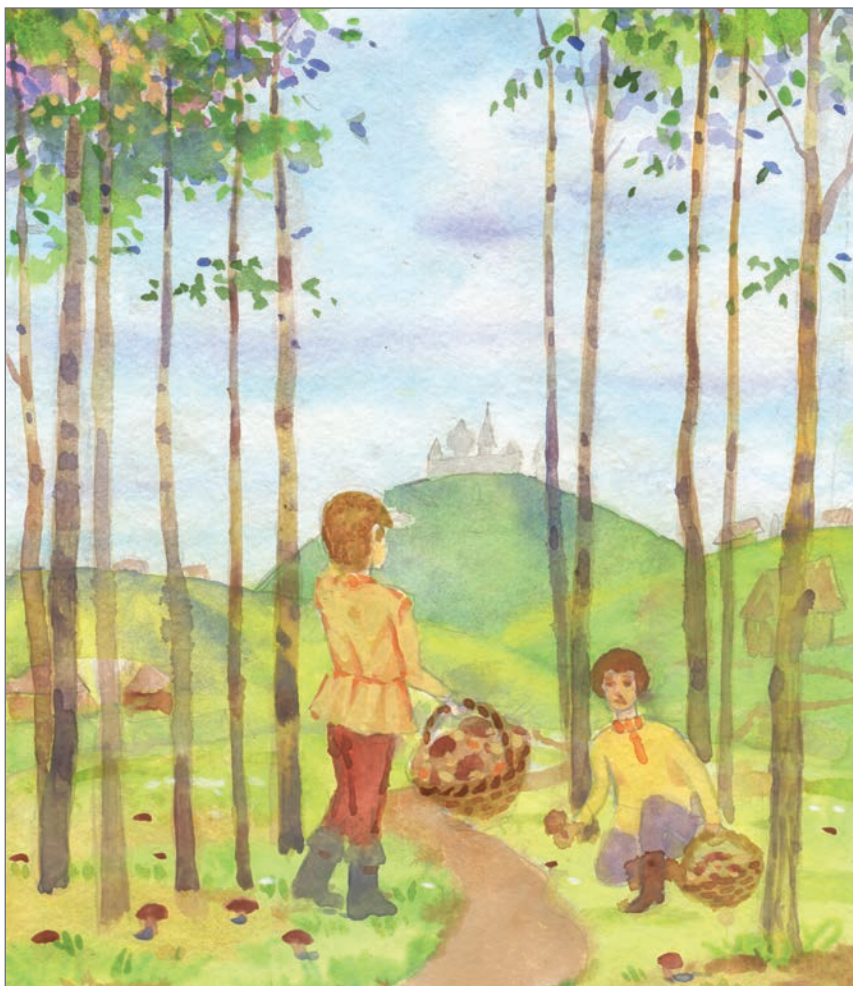
На четвёртый год женила
На себе она царя
И сама царицей стала,
Околпачила его:
С кем хотела, изменяла,
Царь не видел ничего —
В чарах был. Ему с Каиной,
Хоть молил он и желал,
Бог ни дочери, ни сына
В утешенье не послал.

Говоров Евгений. 13 лет. «Помогают батя в ковке...»

На селе у кузнеца
Недалече от дворца —
Лишь всего за девять вёрст —
С братом Пётр-царевич рос.
Минуло двенадцать лет,
Как они родились в свет.
Отроки сильны и ловки,
Помогают батя в ковке,
Не по летам всяк умён,
Русской грамоте учён.
И на радость кузнечихе
Да их крёстной поварихе

Бычков Алексей. 10 лет. «Лес обоим – дом родной...»

Помогать они горазды
По хозяйству в нуждах разных.
Нет дружней в селе ребят:
В меру возраста шалят,
В воскресенье ходят в храм,
Тешатся по вечерам
С деревенской малышней.
Лес обоим — дом родной:
За грибами, на охоту
Ходят мальчики с охотой,

Фурсенко Мария. 14 лет. Пётр знает, «о чём щебечут птицы»

Но не всем они равны.
Господом Петру даны
Драгоценные два дара.
Как когда-то понимала
Мать его язык зверей
И они ласкались к ней,
Так и Пётр-царевич тоже
Понимать с рожденья может,
Что задумала куница
И о чём щебечет птица,
Дуб шумит на ветерке
И журчит вода в реке.
Дар второй Петру был дан —
Знать любой язык славян
И заморских басурман.

Сурина Дарья. 11 лет. «Выстрелил царевич метко...»

На охоте раз царевич
Слышит зов среди деревьев:
«Помогите! Помогите!
От гибели спасите!»
Смотрит: кто-то убегает
От лисы, в траве петляет:
То ли белка, то ль зайчонок,
То ли махонький мальчонка.
Хочет Пётр ему помочь
И кричит лисице: «Прочь!»
Но не слушает плутовка,
Прыгает к добыче ловко,
Вот почти её поймала.
Вдруг стрела ей в глаз попала:
Выстрелил царевич метко.
Подошёл, откинул ветку:

Фурсенко Мария. 14 лет. Пётр и спасённый им лесовичок

Муслиенко Софья. 15 лет.
Пётр и лесовичок

Муслиенко Софья. 15 лет.
Пётр играет на рожке

Рыжая пластом лежит,
 А у лап её дрожит
 И не белка, не зайчонок,
 И не махонький мальчонка —
 Сморщенный весь, как сморчок,
 Старичок-лесовичок.
 Для него трава — что кущи.
 Молвит голосом трескучим,
 Забираясь на пенёк,
 Чтоб казаться выше мог:
 «От гибели сейчас
 Ты меня отважно спас.
 Щедро отблагодарю
 И за это подарю
 Я серебряный рожок.
 Береги его, дружок!

Дорофеева Вера. 9 лет. «И за это подарю / Я серебряный рожок...»

Заиграешь как на нём,
Так к тебе хоть ясным днём,
Хоть в глухую тёмну полночь
Все друзья придут на помощь».
Он спасибо ждать не стал
И в густой траве пропал.
Плянул отрок на пенёк,
А на нём и впрямь рожок
Серебром сверкает ярко!
И царевич рад подарку,
Он лисицу как добычу
На плечо взвалил привычно,
Думая: «Вот будет любя
Матушке обнова к шубе!»
И пошёл быстрее к дому
По тропиночке знакомой.

Говоров Евгений. 13 лет.
«Пётр-царевич не чинился, / Тоже елям поклонился...»

На вечерней зорьке тихой,
Отпросясь у кузнечихи,
Вышел с братом на лужок
Пётр-царевич и в рожок
Заиграл легко, задорно.
Со всего села проворно
Прибежали друг за другом
Отроки, сев полукругом,
Чудному рожку внимают.
Пётр затейливо играет,
А когда закончил трели,
Говорит: «Царевны-ели,
Вы зелёны круглый год,
И мороз вас не берёт,
От ветров вы не таитесь.
Мне же вместе поклонитесь!»

Говоров Евгений. 13 лет. *«Все берёзы поклонились...»*

Зашептали, зашумели
Дружно вековые ели,
Вдруг макушки приклонили
И обратно распрямили.
Пётр-царевич не чинился,
Тоже елям поклонился,
Улыбаясь им учтиво.
Ребятишкам это диво.
Он опять на лес глядит
И берёзам говорит:
«Красны девицы-берёзы,
Раскудрявые вы косы
До земли ко мне склоните,
Уваженье окажите!»
Все берёзы поклонились
И обратно распрямились.

Пётр-царевич не чинился,
Сам берёзам поклонился,
Улыбаясь им учтиво.
Ребятишкам снова диво.
Квакают в реке лягушки,
А царевич им: «Квакушки,
Уваженье окажите
И часочек помолчите».
Все лягушки на реке
Смолкли. Тихо на лужке.
Отроки загомонили,
Меж собою обсудили
И царевичу сказали:
«Мы сегодня здесь видали,
Что имеешь благодать
Ты берёзам приказать,
Елям и в реке лягушкам.
Надобно тебя нам слушать.
Будешь ты у нас царём,
Мы тебя не подведём,
Станет Ваня, братец твой,
Правою тебе рукой».
Поклонились все ему.
Пётр в ответ: «Быть по сему!
Стану я у вас царём,
Слушайтесь меня во всём.
Наш союз нерасторжимый,
Вы теперь моя дружина.
Буду я верховодить
И по совести судить.
А пока велю я вам
Расходиться по домам».

Прозвала царём Петра
На селе вся детвора,
А потом к нему на суд
Потянулся взрослый люд,
Ведь царевич-то на диво
Судит строго, справедливо:
Кого надо наказать,
Кому милость оказать,
А кому-то и помочь
Вместе беды превозмочь,
Как решить соседям спор...
Девять лет прошло с тех пор.
Пётр-царевич возмужал,
Витязем прекрасным стал.
Брат его Иван-кузнец
Тоже добрый молодец.
И искусным мастерством
Славятся они вдвоём.
Пётр-царевич в тонкой ковке
Брата превзошёл в сноровке:
Вещь по книжкам заграничным
Выкует, но, глядь, отлична
Кое в чём от чертежа
И отменно хороша!
А Иван не отстаёт,
Инструмент любой скуёт:
Борону, косу, топор
И решётку на забор.
Плянуть дорого и любо —
Ни одной засечки грубой
В их работе не встречали.
Братьев чтят односельчане
И Петра зовут притом
Не иначе как царём.

Васильева Анастасия. 12 лет. Пётр и Иван в кузне

Всю окрестность сторожили
Воины его дружины,
Витязи-богатыри,
И числом их тридцать три.
О разбоях лишь узнает
Пётр-царевич, созывает
Вмиг рожком своих ребят,
На разбойников летят.
Те, заслышав их подковы,
По добру и по здорову
Убираются подале,
Чтобы их не заковали,
И за тридевять-то вёрст
До села не сунут нос.

Братьев срок женить настал.
Пётр-царевич подыскал
По сердцу себе девицу —
Златошвейку-мастерицу.
Катя — дивная краса:
Изумрудами глаза
На лице её сияют,
Косы златом отливают,
Кудри вьются на висках
И румянец на щеках —
Словно лепесточки роз.
Пётр к венцу её повёз.
Свадьба славная была,
Только жаль, не дожила
До венчанья кузнечиха,
И встречала повариха
Матушкою посажёной
У крыльца молодожёнов.

Юхарина Варвара. 16 лет. Мастерца Катерина

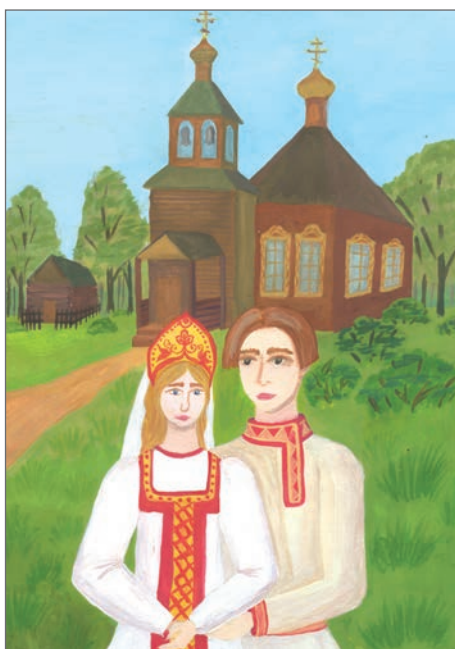
Ефимовых Артём. 8 лет. «Свадьба славная была...»

Не было в живых отца,
Алексея-кузнеца,
Тёзки самого царя.
На исходе декабря
Повар — кум его Игнат —
Года три почил назад.
Да на то ведь Божья воля:
Меньше людям жить иль доле.

Молодые после свадьбы
Зажили в своей усадьбе
Ладно, весело и дружно,
Всё имея, что им нужно.
Для супруга Катерина
Шьёт рубахи — что картины:

Пелявина Алёна. 14 лет.
Пётр-царевич, звери и птицы

Карпова Диана. 15 лет.
«Пётр к венцу её повёз...»

Златом-серебром узор
Блещет, услаждая взор,
Узелков нигде не видно —
И царю надеть не стыдно.

Ну а что ж Иван-кузнец?
Он покуда под венец
Не повёл свою зазнобу.
С ней они решили оба
Свадьбу осенью сыграть.
Настенькой невесту звать —
Поварихи дочка это.
Красотою тонкой, светлой
Отличается она,
Расторопна и умна.

Развеева Анна. 17 лет. Иван-кузнец с невестой Настенькой

Жили так да поживали
Пётр с Иваном, бед не знали.
На селе у них порядок,
В каждом доме есть достаток,
С каждым годом он крепчает;
Слушают односельчане
Мудрый суд Петра во всём
И зовут его царём.

Токарева Виктория. 16 лет. «Катя – дивная краса...»

Вот однажды летним днём
Государь узнал о том.
Возмутился он в сердцах:
Как, мол, это кузнеца,
Даже и в селе одном,
Смеют величать царём?
В государстве царь один —
Самодержец-господин.
И отправился он в путь
На «соперника» взглянуть
И смекалку испытать,
Чтоб решить: иль наказать,
Иль помиловать Петра.
Рано выехал с утра.
Видит: на селе порядок,
В каждом доме есть достаток,
Мужики давно на поле,
Всю скотину держат в холе,
Ребятишки все опрятны,
А молодушки нарядны,
На щеках у них румянец,
Днём с огнём не сыщешь пьяниц,
Бабы улицу метут.
«Хорошо они живут, —
Государь подумал. — Кабы
В половине сёл хотя бы
Люд трудился так же славно,
То в казну мою исправно,
Без сомненья, круглый год
Добрый поступал доход».

Говоров Евгений. 13 лет. «Видит: на селе порядок...»

Вот и кузница большая.
Дружно кузнецы куют,
Будто бы чечётку бьют.
Говорит царь, подъезжая
На высоком жеребце
К незамкнутым воротам:
«Кузнецы, Бог в помощь вам!»
И с достоинством в лице
Отвечает Пётр-кузнец
Поясным ему поклоном,
Как и водится исконно:
«Вам того же, царь-отец!» —
«Сколько будет стоять златых
Подковать у вас коня?» —
«Сколько ступит до меня
Конь шагов». — «Дороговато
За такой несложный труд, —

Царь подумал. — Он не промах,
Таковых в моих хоромах
Хоть поищут — не найдут».
И, спокойствие храня,
Пусть платить ему досадно,
Говорит: «Ну что же, ладно,
Вы подкуйте мне коня».
Пётр коню погладил гриву,
Что-то на ухо сказал
И копыта подковал.
Государю это в диво:
Конь стоял сам полчаса
Возле наковальни вольно,
А теперь такой довольный,
Будто съел мешок овса.
Что царю поделать? Плату
Кузнецам вручает он.
Говорит Петру: «Умён
Ты, кузнец. В мои палаты
Завтра приезжай к обеду.
Да, чур, только не верхом
И не приходи пешком».
Пётр в ответ: «Добро, приеду».
«Не забудь, как обещал ты, —
Дальше молвит государь. —
Принеси такой мне дар,
Чтоб хотел я, да не взял бы.
А ещё я пожелал,
Чтобы ты и мне, и слугам
Своего врага и друга
Непременно показал».
Пётр с поклоном: «Покажу,
Коли, государь, Вам нужно,
Это службишка — не служба».

Фурсенко Мария. 14 лет. Пётр говорит с царём

«Всё исполнишь — награжу,
Не исполнишь — накажу, —
Царь сказал, — тогда пеняй
На себя. Пока прощай».

Приближался час обеда.
Государь встал у крыльца,
Дабы встретить молодца.
На козе царевич едет,
Да упрямится коза:
То идёт она, то станет,
Слезет Пётр с неё и тянет
За собой. Во все глаза
Царь глядел и рассмеялся:
Ведь и правда, не пешком
Пётр-царевич, не верхом
До дворца его добрался.
Слез с козы, к царю идёт
И под блюдом серебрёным
С низким поясным поклоном
Дар царю свой подаёт.
Тот принять подарок хочет:
Может быть, под блюдом чудо?
Поднимает, а оттуда
Вылетает сокол-кобчик.
Царь отпрянул и хохочет:
«Твой подарочек хорош!
И захочешь — не возмёшь:
Выключет, пожалуй, очи».
«Не взыщите, царь, я тот
Дар принёс по вашей воле.
Высоко взлетел соколик», —
Жмёт плечами умный Пётр.

Фурсенко Мария. 14 лет.
«Да упрямится коза...»

Говоров Евгений. 13 лет.
«Высоко взлетел соколик...»

Васильев Елисей. 9 лет. «Может быть, под блюдом чудо?..»

Клещёва Анастасия. 13 лет. «Волка на цепи ведёт...»

«А теперь заданье третье, —
Смотрит государь вокруг. —
Где твой враг и где твой друг?»
Свистом гость ему ответил.
Ко дворцу быстрее ветра
Пёс охотничий бежит.
Пётр ему: «Дружок, служи!»
Тот служить стал беззаветно.
Пёсика хозяин гладит:
«Ай да молодец, Дружок!
Получай-ка сахарок!
Вот с царём как надо ладить!»
Молвит государь с улыбкой:
«Да, собака верный друг! —
И даёт печенье с рук. —
Ни одной пока ошибки!

Ну а кто враг лютый твой?»
К ним Иван-кузнец идёт,
Волка на цепи ведёт.
Крупный зверь, матёрый, злой —
Сразу видно по походке,
Исподлобья смотрит гордо,
В шрамах у него вся морда.
Пётр-царевич волка плёткой
Хлещет больно по спине:
«Вот, мой враг, тебе подарок!
Будешь знать, как резать ярок
И в хлевах у нас свиней!»
Хорошенько отлупил
И, схватив рукой за холку,
Властно что-то молвил волку —
Хищник голову склонил.
Государь Петра хвалил:
«Волк — опасный враг, не шутка,
И смотреть-то было жутко,
Как его ты укротил!»
Пётр-царевич отвечал:
«Будет помнить мой гостинец!»
Государь велел в зверинец
Волка поместить тотчас,
И его Иван отвёл.
Царь Петру сказал с отрадой:
«Ты исполнил всё как надо!
А теперь прошу за стол.
Приглашаю отобедать
Без бояр и без царицы».
И пошли они в светлицу
Яства царские отведают.

Может, долго, может, нет
Кузнецы с ним ели, пили.
И ответно пригласили
Государя на обед.
Говорит он: «По рукам!
Завтра в полдень еду к вам».
Наградил и после пира
Отпустил домой их с миром.

В полдень въехал царь в село,
А его встречать пришло
К церкви множество людей:
Старых, взрослых, малышей.
Всюду яркие наряды,
Всё селенье очень радо,
Что приехал к ним, как встарь,
Православный государь.
А вдоль улицы стоят
Всадники лихие в ряд —
Витязи-богатыри,
И числом их тридцать три,
В пояс все творят поклон.
Под торжественный трезвон
Храмовых колоколов
Едет царь до кузнецов.
И его встречать идёт
Катерина, у ворот
Преподносит хлеб да соль
И зовёт в избу за стол.
Царь приметил: молодица
Выступает, как царица,

Капралова Мария. 12 лет. «В полдень въехал царь в село...»

Герасимова Элина. 12 лет.
Катерина встречает царя

Мусянко Софья. 15 лет.
«Преподносит хлеб да соль...»

Плавно и неторопливо.
 Сарафан её на диво
 Златом-серебром расшит,
 Так на солнце и блестит.
 И сама она краса:
 Изумрудами глаза
 На лице её сияют,
 Косы златом отливают,
 Кудри вьются на висках,
 И румянец на щеках —
 Словно лепесточки розы,
 Строен стан, как у берёзы...
 И, любясь, царь вздохнул:
 Вспомнил прежнюю жену.

У порога кузнецы,
Жеребца взяв под уздцы,
Государю поклонились
И благодарят за милость,
Что приехал погостить
И простой их дом почтить.
А в избе всё чисто, ладно,
Блещут у икон оклады,
Занавески кружевные...
И сосуды расписные
На столе рядком стоят,
Угощеньем стол богат —
Катя не дала промашки!
А на кузнецах рубашки —
Словно шитые картины:
Постаралась Катерина.
Пётр-царевич пригласил,
В красный угол посадил
Самодержца всей державы.
Отобедали на славу:
Брашна хоть просты, да вкусны,
Приготовлены искусно,
И меды текли рекой.
После трапезы такой
Государя на кровать
Положили почивать,
А когда он пробудился,
То подаркам подивился:
Кованный Петром ларец —
Словно сказочный дворец,
Весь в орнаментах старинных.
И царю от Катерины
Шитая рубаха — в пору!
Подивился он узору:

Капралова Мария. 12 лет. «Шитая рубаха – в пору!»

Узелков нигде не видно —
Самому надеть не стыдно.
Царь в рубаху нарядился,
В путь обратный снарядился,
Кузнецов благодарит,
Службу во дворце сулит.
Пётр-царевич согласился,
С молодой женой простился:
Катя месяц как неспраздна,
Ехать ей пока опасно.
Молвит тут Иван-кузнец:
«Разрешите, царь-отец,
Мне в селе родном остаться.
Не могу пока расстаться
Я с кузнецким мастерством.
И хранить здесь буду дом».

«Ладно, так тому и быть.
Поезжай-ка проводить
До дворца, пожалуй, нас», —
Царь ответил, и тотчас
Сели на коней верхом
И поехали шажком
По царёву пожеланью:
Он задумал испытанье
Снова учинить Петру
Во сосновом во бору.

Высоки стволы, стройны.
«А на что они годны?
Лучше сделать что из них,
Этих сосен вековых?» —
Вопрошает хитро царь.
«Кузню б сделал, государь», —
Говорит Иван-кузнец.
Думает и наконец
Отвечает Пётр-царевич,
Поглядевши на деревья:
«Сделать было бы верней
Мачты царских кораблей».
Государь их похваляет
И совет на ус мотает.
Въехали в еловый лес.
Там деревья до небес.
«Лучше сделать что из них,
Этих елей вековых?» —
Вопрошает хитро царь.
«Избу можно, государь», —
Говорит Иван-кузнец.
Думает и наконец

Субеева Эльвина. 13 лет. Царь Алексей испытывает Петра

Отвечает Пётр-царевич,
Поглядевши на деревья:
«Я б из этих стройных елей
Царские палаты сделал».
Государь их похваляет
И совет на ус мотает.
Едут дальше. Глядь — на круче
Дуб раскидистый могучий,
Ствол, уж верно, в три обхвата.
Хитро царь спросил: «Ребята,
Что из векового дуба
Может выйти ладно, любо?»
«Наковальня, царь-отец», —
Говорит Иван-кузнец.
А царевич: «Нет, негоже.
Дуб сгодится помоложе
Для кузнецких наковален».
И, подумав, молвит дале:
«Это старый дуб, могучий.
Из него бы вышел лучше
Государю новый трон».
Царь ответом восхищён
И совет на ус мотает,
И обратно отпускает
Недалече от дворца
Он Ивана-кузнеца.

Отпустил и думать начал,
Кем Петра ему назначить:
«Ай да славный он детина!
Вот бы мне такого сына!
Мастер-то, видать, отличный.
Книжек сколько заграничных

Навыписывал себе —
Полки в кузне и в избе.
Наделён ещё притом
Государственным умом.
Нет, не зря его царём
Называют всем селом.
Что там думать, не иначе
Надобно его назначить
Мне боярином старшим...»
Вот на том и порешил.

Царь с Петром вошли наутро
В величавый тронный зал.
Янтарём и перламутром
Зал изысканно сверкал.
Важно думные дворяне
Полукругом там сидят,
Несмотря на час столь ранний,
Хмуро на Петра глядят.
Царь указ свой объявляет
И Петра, как порешил,
Высочайше назначает
Он боярином старшим.
А дворяне беспокойно
Шепчутся: «Простой кузнец!
Где же видано такое,
Чтобы стал старшим простец?»
Мало ли кто недоволен —
Будет так, как царь сказал,
Приказать один он волен.
Тут царица входит в зал.
Царь старшего представляет:
«Жаловать прошу, любить...»
Назначение одобряет
Та и на Петра глядит,
А узнать его не в силах.
И, бесстыжая, она
Сразу же в него влюбилась,
Но ничуть не смущена.
Ей любовники не внове:
Пётр и статен, и хорош,
Чем же не предмет любви?
Редко где таких найдёшь.

Бинявская Мария. 10 лет. «Царь указ свой объявляет...»

А ему она не любя:
Зло кривит Каина рот,
Смотрит нагло, хитро, грубо
Длинный нос везде суёт.
Возрастом уж не молодка,
Да и что там говорить:
Против Катеньки уродка,
Невозможно и сравнить!

Избегает Пётр царицы,
Катю в город не берёт,
Ведь Каина разозлится.
Сам дела меж тем ведёт
Основательно и споро:
Оживляется народ
И идёт хозяйство в гору,
А царю в казну доход,

Срыбная Софья. 15 лет.
«Из далёких стран земли / Приплывают корабли...»

И на диво всем боярам
Из далёких стран земли
За товаром и с товаром
Приплывают корабли.
И дворяне, и бояре
Стали уважать Петра:
Не сидит себе как барин,
В деле с раннего утра.
Царь в Петре души не чает,
Держит с ним всегда совет,
Жалует и привечает,
И царевич то ж в ответ.
Государю вместо сына
Стал он. Чувства всё теплей,
Да преследует Каина
Страстью грешною своей:

Бинявская Мария. 10 лет. «А иначе опорочу...»

Не даёт Петру прохода,
Так желанием горит,
Что и при честном народе
Хочет в спальню заманить.
Отговаривался всяко
Пётр. Минуло тридцать дней.
В ней терпение иссякло,
Говорит ему: «В моей

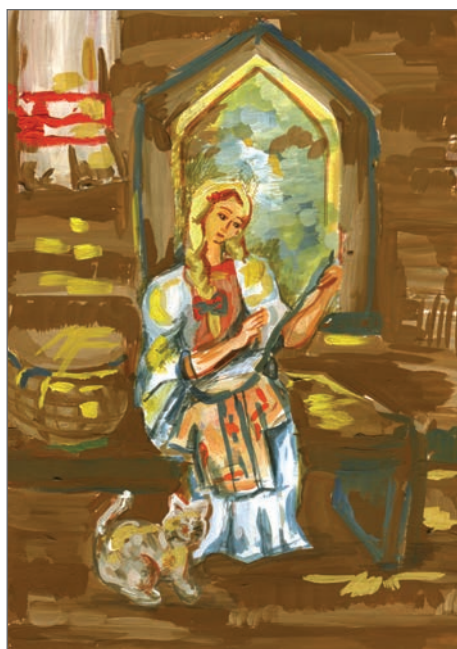

Ковалева Дария. 10 лет.
«Оседлал и полетел он / До деревни из дворца...»

Почивальне этой ночью
Ты сегодня должен быть,
А иначе опорочу
Пред царём, велю казнить!»
Пётр ушёл в большой кручине,
Думу думает, смурной:
«Неужели Катерине,
Жёнушке моей родной,
С непотребною блудницей
Мне придётся изменять?
Хоть она сама царица,
Таковому не бывать!»
И пошёл как бы по делу
На конюшню, жеребца
Оседлал и полетел он
До деревни из дворца.

Ливанова София. 13 лет.
«В ночь тебе сошью я платье..»

Суханкина Елизавета. 12 лет.
«...Из дырявого мешка...»

Катя рада несказанно,
Что вернулся к ней супруг.
Он, кручину рассказав ей,
Говорит: «Пойду на луг
Собирать свою дружину.
Мне погонь не миновать».
Молвит мужу Катерина:
«Погоди-ка воевать,
Ни к чему с царём быть в ссоре:
Вы убьёте, вас убьют..
Помогу, мой милый, в горе,
Мы применим хитрость тут.
В ночь тебе сошью я платье
Из дырявого мешка,
Как придёт царицы рать к нам,
Ты сыграешь дурака.

Узнавать тебя не будут,
Разве что начнут дразнить.
А потом, глядишь, забудут,
Станем мы, как прежде, жить».
Говорит супруг Катюше:
«Ах ты умница моя!
Воевода, хоть и ушлый,
Не признает, чай, меня.
Дурака смогу сыграть я.
А пока подай на стол...»
Утром в рваном грязном платье
На опушку он пошёл,
Своему коню гнедому
Воротиться приказал.
Прискакал рысак до дому
И в конюшне царской встал.

А царевича напрасно
Ночь Каина прождала,
Утром встала, злая страшно,
И погоню послала
Вслед ослушнику. Помчала
Стража прямо до села,
В кузнице его сначала
Поискала, не нашла.
Катя молвит воеводе:
«Знать не знаю ничего.
Я прошу вас, как найдёте,
Приведите мне его.
Не бывает в нашей веси,
Как уехал он с царём,
Глаз не кажет целый месяц.
Я соскучилась по нём».

Игнатъева Дарья. 13 лет. Катерина провожает Петра

Ковалева Дария. 10 лет. «Видят, там сидит дурак...»

Стало стражнику досадно,
Ей сквозь зубы промычал:
«Приведём, быть может. Ладно».
И к опушке вскачь помчал.

От погони взмокла стража.
Видят, там сидит дурак:
Всё лицо в грязи и саже,
И с бубенчиком колпак
Из дырявой мешковины
У него на голове.
Он сухие хворостины
Разложил на кучи две,
Из одной теперь в другую
Перекладывает их
Да ещё напропалую
Вшей на платье бьёт своих

Парфенова Ксения. 16 лет. «Ну ни дать ни взять Петрушка!»

И кладёт в худую кружку
Неизвестно для чего.
Ну ни дать ни взять Петрушка!
Стали спрашивать его,
Указав на хворостины:
«Что ты делаешь, дурак,
Безо всякой тут причины?»
Отвечает: «Как не так!
Убавляю, прибавляю,
Но богатства не коплю,
Всех врагов уничтожаю
И в кадушке их топлю».
Воевода с громким смехом
Крутит пальцем у виска:
Мол, того! И прочь поехал:
Нету спроса с дурака.

Ускакали быстро стражи,
Пыли поднимая вихрь.
Пётр вослед язык им кажет:
Околпачил ловко их.
На плечо мешок повесил.
Раз нельзя ему домой,
Он отправился по весям
Веселить народ честной.

В платье рваном и убогом
Пётр ходил по сёлам многим,
Возвращаться не спешил,
Шутками крестьян смешил,
Те приветливо встречали,
Дружно мелочь подавали
И, жалея дурака,
Подносили молока
Кружечку ему парного,
Ломтик хлебушка ржаного
Или сухарей в мешок
Насыпали щедро впрок.
Иногда в родном селенье
Пётр-царевич представленье,
Быв неузнанным, давал,
Каламбурил, танцевал
Для того лишь, чтоб Катюшу
Повидать — утешить душу.
Но минуло три недели,
Каламбуры надоели
Так ему, что нету мочи,
Да холодны стали ночи,

Фурсенко Мария. 14 лет. Пётр даёт представление на улице

Чтобы ночевать в соломе,
А нельзя в родимом доме:
Там сидит царицы стража,
На порог не ступишь даже.
Пётр-царевич долго думал
И решил идти без шума
В стольный город, втихаря
Чтоб разведать про царя,
Про дела в его чертогах,
Ну а там на волю Бога
Положиться: будь что будет,
Чай, поможет, не осудит,
Вняв Катюшиным мольбам.
Пётр пешком шёл по лесам,
Вечером он у дверей
Крёстной матушки своей
Постучал. Она открыла
И, хотя темно уж было,
Крестника узнала сразу,
Пусть и вымазан он грязью,
И в дырявом колпаке,
И с пустым мешком в руке.

Уж как рада повариха!
Затворила плотно, тихо
Дверь за ним, дала водицы,
Чтобы поскорей умыться,
Накормила сытно очень,
Пожелала доброй ночи,
Уложила почивать,
А наутро рассказать
Всё царевичу решила:
Что допрежь рожденья было,

Мусяенко Софья. 15 лет. «Пусть тебе твой крест поможет...»

Как она его спасла,
Чем Каина, люто зла,
Матушку его сгубила
И царя приворожила,
Почему у кузнеца
Рос он невдали дворца
Для отца без всякой вести.
Говорит она: «На крестик
Плянь крестильный золотой.
Оборотной стороной
Поверни-ка. Зришь царёво
Там клеймо? Нигде такого
Нету, только у царя,
И искать не стоит зря.
Пусть тебе твой крест поможет».
Удивился крестник: «Что же,

Значит, царского я рода,
Не напрасно был народом
Прозван с детских лет царём,
И дворец — родной мой дом...
Руки мне сложа негоже
Здесь сидеть. Помилуй, Боже,
Укажи достойный путь,
Чтобы царство мне вернуть.
Я за трон свой поборюсь,
Мачехи не побоюсь
И поганую породу
Выведу на чисту воду».
Он молитву сотворил,
Сутки думал и решил
Во дворец пойти шутом:
Только в образе таком
Рядом быть с царём он сможет,
Роль шута ему поможет
За злодейкою следить,
Чтоб её разоблачить.
Повариха одобряет,
Дочку Настю посылает
К Катерине на село.
Девушка, вскочив в седло,
Скачет во всю прыть верхом,
Как на встречу с женихом.
Милого раз обняла
И к жене Петра пошла,
Рассказала ей, в чём дело.
Катя за шитьё засела
И до раннего утра
Смастерила для Петра
Шутовской наряд с горбом,
С серебристым бубенцом

Васнихин Дмитрий. 13 лет.
Пётр в гриме шута

Фурсенко Мария. 14 лет.
«Пётр надел наряд Катюшин...»

Шапку, как у скомороха,
 И по поясу горохом
 Бубенцов она нашила,
 Чтобы позабавней было,
 Красных, синих и зелёных...
 Привезла костюм Настёна.
 Чисто в бане Пётр помылся
 И старательно побрился,
 Раз для звания шута
 Не годится борода.
 Стал собой опять пригож
 И на мать свою похож,
 Но никак не на шута.
 И лицо ему тогда
 Настя так размалевала —
 Повариха не узнала.

Игнатъева Дарья. 13 лет. «Зашагал он во дворец...»

Пётр надел наряд Катюшин,
Шапку натянул на уши.
И, начистив бубенец,
Зашагал он во дворец,
Говоря в дороге шутки,
Каламбуры-прибаутки.

Царь в своих хоромах тужит,
С самой той поры недужит
Безутешною душой,
Как пропал его старшой
И любимейший боярин.
Новый же сидит как барин.
Родовит он хоть без спору,
Катятся дела под гору:
Приуныл опять народ,
Не идёт в казну доход,
И уменьшился достаток,
И в селеньях беспорядок,
Перестали корабли
Приплывать со всей земли
За товаром и с товаром.
Размышляет царь: «Я старый,
Править мне уже невмочь,
Некому в делах помочь...»
Говорит дворецкий тут:
«В ворота стучится шут,
Просится его впустить,
Чтобы вас повеселить.
Он в саду смешит народ,
А собой такой урод!»
Царь и рад: «Пустить! Быть может,
Одолеть тоску поможет
Этот пришлый лицедей,
Коль он рассмешил людей».
И зашёл в его палаты
Шут, малёванный, горбатый,
Заплетает ноги криво,
Бубенцы звенят игриво,
Презабавно каламбурит.
Перестал царь брови хмурить,

Ямщиков Вадим. 13 лет. «В ворота стучится шут...»

Улыбнулся наконец
И назначил во дворец
Нового шута он сразу,
Полюбив за смелость фразы,
Уморительность гримасы,
За весёлости забав
И открытый добрый нрав.

Романова Кристина. 12 лет.
Пётр-царевич в образе шута и царь Алексей

Каламбурам царь смеётся
И с шутком не расстаётся,
Ест и пьёт с ним, а порой
Делится своей тоской.
Пётр старается в ответ
Шуткой дельный дать совет.
Царь исполнить так поручит,
Глядь — дела пойдут получше.
А Каина взревновала
Вдруг к шуту и часто стала
(Накажи её, Господь!)
Издеваться и колоть
Словом острым, как шиповник.
Вызнал Пётр: у ней любовник
Появился снова страстный.

Левина Алёна. 13 лет. Каина и купец Шелковников

Хитрый, ушлый и опасный,
Хоть собою молодец,
Тот Шелковников-купец,
Но лицом не столь красив,
Сколь в худых делах сметлив.
Ох, себе он на уме!
В душу мачехи сумел
Влезть, как будто бы сама
Та влюбилась без ума.
Стал за ними Пётр следить,
Чтоб в крамоле уличить,

Правду всю царю поведать
И честному белу свету
И поганую породу
Вывести на чисту воду.
Раз, когда уже темно,
Незаметно сквозь окно
В спальню мачехину влез он,
Спрятался за занавеской,
Шапку шутовскую снял,
Бубенцы все отвязал,
Чтоб они не зазвенели.
И прислушался. В постели
Мачеха с купцом лежала,
Развлекалась с ним сначала,
Целовалась нежно с милым,
А потом заговорила,
Как царя бы извести
И скорей на трон взойти
Ей с любовником своим.
Долго Пётр был недвижим,
Слушал их возню и смех.
Вдруг его в лоб, как на грех,
Укусил пребольно клоп.
Он клопа рукою — хлоп!
Встал купец с постели резко
И, отдёргнув занавеску,
Осветил лицо шута.
Мачеха вопит: «Беда!»
Принялась орать ужасно,
Что преступник он опасный,
Что хотел её убить,
Царство силой захватить,
Что Шелковников сейчас
От него её, мол, спас...

Жаркова Марина. 13 лет. «Так шута оклеветала...»

Прибежали в спальню стражи
И Петра скрутили сразу.
Приказала им царица
Заточить его в темницу.
Утром батюшку-царя,
Лютой злобою горя,
Разбудила, рассказала,
Так шута оклеветала,
Что смогла уговорить
Поскорей его казнить.

Рассолова Мирослава. 11 лет. «Принесла поесть ему...»

Во дворце про это лихо
Разузнала повариха
И пришла к Петру в тюрьму,
Принесла поесть ему.
Со слезами на глазах
Молвит: «Может, рассказать
Государю правду всю,
Он головушку твою,
Чай, помилует». (За дверью
Ходит страж.) «Нет, не поверят, —
Шепчет Пётр на ухо ей,
Крёстной матери своей. —
Мамушка, не побоюсь
И за царство поборюсь,
Будет в нашем доме счастье!
Приходите завтра с Настей

К эшафоту моему,
Не дивитесь ничему
И молитесь всей душой.
Вот и выйдет хорошо.
А сейчас покой мне нужен.
Принесите только в ужин
Мне Катюшину рубаху,
В ней хочу взойти на плаху».
Молвив: «Господи, помилуй», —
Крестника перекрестила
Повариха и ушла,
Дома дочку позвала,
К Катеньке её послала.
Настя ветром поскакала
И рубаху ту взяла,
В стольный город привезла,
Но зачем, не рассказала,
Чтоб жена не унывала:
Волноваться ей опасно —
Пятый месяц как непраздна.
Закатилось красно солнце,
Крёстная Петру в оконце,
Стражей обманув без страху,
Вместе с ужином рубаху
Пропихнула в узелке
И домой пошла в тоске.

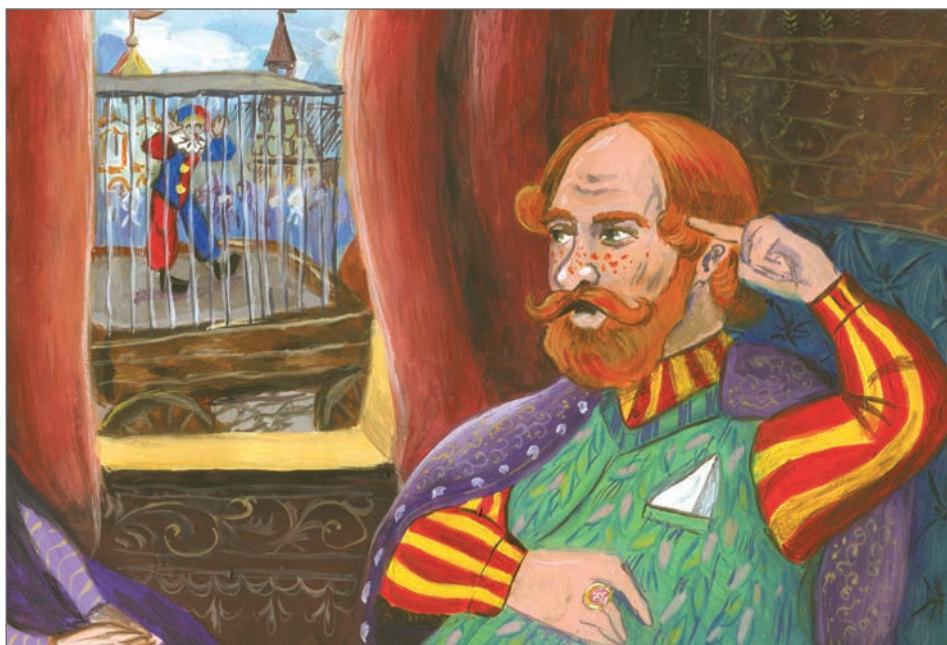

Новикова Элина. 12 лет. Петра везут на казнь

VIII

Утром холодно: не лето.
Палачи к Петру вошли,
Посадили быстро в клетку,
На телеге повезли
К месту лобному на площадь.
Не боится смерти шут.
Потихоньку едет лошадь,
Рядом стражники идут.
Горожанам не по нраву
Эта казнь, шута им жаль:
Что боярам, мол, забава,
Простолюдинам — печаль.
Недовольный и понурый,
Тащится на площадь люд,

Но, как прежде, каламбурит
И паясничает шут.
С государевой каретой
Повстречался он, глядит
Сквозь витые прутья клетки:
Принаряжена, сидит
Мачеха его Каина
На диване впереди,
Царь и молодец-купчина
Развалились позади.
А Шелковников-то важен,
Будто молвит: «Сам большой!»
Разодет и напомажен:
Стал боярин он старшой
Лишь за то, что «спас» царицу
От «коварного шута»,
Выглядит важнее принцу,
А душонкой — беднота.
До того смешон — нет мочи —
Расфуфыренный фазан!
Шут над ним как захохочет!
Слёзы смеха на глазах
Утирает, а купчина
Громко задаёт вопрос:
«Что смеёшься, дурачина?»
Молвит, вытирая нос,
Шут: «Передние колёса
Катят за лошадкой вслед!» —
«Ну и что, пень стоеросый!»
У шута готов ответ,
Говорит ему кривляка:
«Ну а задние за чем?»

Бильданова Адиля. 14 лет. «Что смеёшься, дурачина?»

А купец: «Тебе бы плакать,
Ты смеёшься ни над чем!»
Идиот, глупец, мол, — крутит
Толстым пальцем у виска.
Шут глядит сквозь сетку прутьев,
Улыбаясь свысока.
Не поймёт, умишком слабый,
Сам купец намёк простой,
Что он тащится за бабой
С государем за одной.
Вот приехали на место.
На высокий трон взошли
Царь с царицей, сели вместе,
А паяца повели
На устроенный той ночью
Деревянный эшафот.

Шут по-прежнему хохочет:
«Дурака» страх не берёт.
Он, на виселицу глядя,
Чистит грязный бубенец.
Петлю шёлковую ладит
Сам Шелковников-купец.
Пальцем у виска царь вертит,
Говорит: «Хочу узнать,
Что желаешь перед смертью?»
«Можно на рожке сыграть?» —
Громко просит шут. «Всего-то? —
Удивлённо царь сказал. —
Ну, играй, коль так охота».
И царевич заиграл.
А мотив задорен, весел,
Так выводит трель паяц,
Трудно устоять на месте:
Ноги сами рвутся в пляс.
Долго ль, коротко ль играет,
Времени потерян счёт.
Царь с улыбкою внимает,
Но безмолвствует народ.
А Иван-кузнец дружину
Кличет. Вмиг собрал ребят,
Полетели на вражину
Что есть духу в стольный град.
Скачут всадники лихие,
Витязи-богатыри,
Молодые, удалые,
И числом их тридцать три.
Конь царевича из стойла,
Слыша пение рожка,

Ямщиков Вадим. 13 лет. Шелковников ладит петлю для Петра

Выскочил и по просторам
Поскакал взять седока.
Настя с матерью в сторонке
Молят Бога за шута,
И рожок играет звонко.
Вдруг влетает в ворота
Бравая дружина тучей
И несётся во дворец,
Мчится на коне могучем
Впереди Иван-кузнец.
Вмиг достигли эшафота.
А Шелковников стоит
К ним спиной, своей работой
Занят так, что не глядит.
Стража, всадников узревши,
Загодя сбежала прочь.

Свой рожок убрал царевич
И хохочет во всю мочь.
Говорит купец с издёвкой:
«Что опять ты ржёшь, дурак?» —
Подгоняя пётлю ловко.
«Сам дурак! Не видишь, как, —
Молвит Пётр, — твою пшеницу
Голуби мои клюют?»
А купец ответу злится,
Обернулся он и тут
С перепуга пошатнулся,
Изумлённо глядя вниз,
На скамейке поскользнулся
И на той петле повис,
Что царевичу готовил,
Удавился и висит.
А царица хмурит брови,
Губы сжала, но молчит,
Не спешит на помощь, медля.
Говорит не зря народ:
Кто другому ладит петлю,
Сам в неё и попадёт.

Пётр-царевич вдруг на плаху
Скинул шутовской наряд,
А под ним чудо-рубаха —
Так узоры и горят!
И ему воды умыться
Подаёт Иван-кузнец.
Краска с грязью вниз струится,
И пригожий молодец
Предстаёт пред государем,
И «ура!» кричит народ.

Капралова Мария. 12 лет.
«Поглядела и узнала / Вдруг Алёнины черты...»

А царицу как ударом
Бес хватил, она встаёт,
Поглядела и узнала
Вдруг Алёнины черты,
Диким голосом вскричала
И, скатившись с высоты
Трона, замертво упала,
Чёрный дух в ад отлетел.

Иванова Кира. 15 лет. «Царь узнал нательный крестик...»

И никто о ней нимало
Ни минуты не жалел.

Облачился Пётр в доспехи,
Сел на своего коня,
К батюшке-царю подъехал,
Голову пред ним клоня.
Ворожба злодейки мёртвой
Испарилась в миг один.
Молвит государь нетвёрдо:
«Неужели ты мой сын?
Помоги мне, Святый Боже,
И сомненья уничтожь!
На Алёну кто же, кто же
Может быть ещё похож?»
А царевич отвечает:
«Батюшка! Да, я сын твой!»

Дмитриева Маргарита. 14 лет. «Все поведала, что было...»

Спешился и обнимает
Государя пред толпой.
Царь узнал нательный крестик
И на нём своё клеймо,
Сердце новости не вместит:
«Сын нашёлся... Боже мой!
Расскажи, царевич милый,
Как возрос и возмужал,
Чьё дитя лежит в могиле,
Над которой горевал
Столько лет я безутешно?
Бог других детей не дал.
Ты прости меня. Я, грешный,
Ничегошеньки не знал».
«Лучше выпросить у крёстной
Верной матушки моей,

Как спасла меня в час грозный.
Доверять ты можешь ей, —
Отвечает Пётр. — Недаром
Отличал её». Зовёт
Повариху к государю,
Та немедленно идёт.
Всё поведала, что было:
Как царевича спасла,
Чем Каина погубила
Матушку его со зла
И царя приворожила,
Как сама у кузнеца
Царское дитя крестила...
Рассказала до конца.
«Повариха, ты отныне,
Стало быть, моя кума.
Жалую тебя княгиней!» —
Царь, от счастья без ума,
Приказал. Он рад безмерно!
И народ возликовал:
Лучшего исхода, верно,
И никто б не пожелал.

Позади печали-беды.
Во дворце царь-государь
Речь заводит на обеде:
«Сын, послушай, я уж стар,
Править больше нету силы:
И устал, и изнемог.
Принимай престол, мой милый,
Да поможет тебе Бог!
Ты хозяйство знаешь лично,
Полюбил тебя народ.

Сурина Дарья. 11 лет. «Принимай престол, мой милый...»

Знаю, справишься отлично,
Дело в гору вновь пойдёт.
Я же воспитанье внуков
На себя теперь возьму,
Стану их учить наукам».
Пётр сказал: «Быть по сему!
На Крещение Катерине,
Даст Господь, и выйдет срок,
И родит она мне сына,
Будет у тебя внучок».
Поддержали и бояре
В том решении царя
И назвали государем
Все царевича Петра.

В государстве православном,
В стольном городе державном
Все колокола звонят,
Торжества идут три дня.
Во соборе во старинном
Свет-Петра с Екатериной
Всем народом величали
И на царство их венчали.
В этом храме наконец
Старый государь-вдовец
Сам с княгинею-кумой
Обвенчался в день второй.
Пусть она немолода,
Но невеста хоть куда:
Не толста и не худа,
Краснощёка, белолица.
Ни к чему ей быть вдовицей.
Не случайно говорится
Так в народе: в сорок пять
Баба ягодка опять.
В третий день Иван-кузнец
Вёл Настасью под венец.
Веселились, пили, ели...
Торжества все отшумели,
Как боярин он старшой
Брату правою рукой
Снова стал. Царь Пётр за дело
Взялся в государстве смело,
Основательно и споро.
И пошло хозяйство в гору,
А царю в казну доход.
Оживился вновь народ,

Махмутарзинова Диана. 15 лет.
Царь Пётр встречает
иностранцев

Махмутарзинова Диана. 15 лет.
Царь Пётр с Екатериной
на троне и Иван с Настей

В сёлах-городах порядок,
В каждом доме есть достаток,
Он крепчает каждый год,
И торговый оборот
Увеличился не даром:
За товаром и с товаром
Из далёких стран земли
Зачастили корабли.
Государь промеж забот
В кузнице своей куёт,
К удивленью заграницы,
Драгоценные вещицы,
Снаряженье всех родов
Для заводов и судов.

Янушко Валерия. 14 лет. Царь Алексей и царица Мария с внучатами

Мощный государев флот
У морских стоит ворот,
Войско стережёт границы...
Родила царю царица
Трёх здоровеньких царят,
Старому царю внучат.
И хотя они шалят,
Дед возиться с ними любит,
И балует, и голубит,
Книжки им с женой читает,
На спине своей катает
Двух царевичей с Алёнкой,
Их малюточкой-сестрёнкой.
А царица Катерина
Стала вышивать картины,
Ими залы украшать,
Иноземцев поражать.

Мусянко Софья. 15 лет. Автор сказки с царевной Алёнкой в соборе

Принимает во дворце
Всех с улыбкой на лице,
Искренне посланцам рада.
Изумляются нарядам

Все и мудрости речей
Государыни. Царь в ней,
В сыновьях души не чаёт,
Дочку лаской привечает.
Во дворце любовь и счастье,
И в любых делах согласие,
Уваженье и совет
С той поры уж много лет.

В этом царстве православном,
В стольном городе державном
Побывала я в гостях,
Танцевала на балах,
На пирах там угощалась,
На судах с царём каталась,
В окруженье статских дам
Прогулялась по садам,
Свечки с маленькой царевной
Ставила в соборе древнем
И стихи в дворцовых залах
Царским детушкам читала.
Тихим вечером в беседе
Добрый старый царь поведал
Жизни всей своей рассказ.
Записала я для вас
Эту сказку слово в слово
И поклясться в том готова,
Но была я в той стране
Только лишь в счастливом сне.

Пропавший жених

Пасхальная сказка

Рис. Янушко Валерии. 14 лет

 старину в одном селенье
Красна девица жила —
И собой на загляденье,
И радива, и мила.
По селу идёт Анфиса,
Молодцы дивятся все:
Сапожки на ней из плиса,
Ленты алые в косе,
Сарафан расшит узором,
Кружева на рукавах,
И глядит она с задором,
И улыбка на устах.
Мать с отцом души не чают —
Дочка словно маков цвет,
Вяжет, ткёт и вышивает,
От сватов отбоя нет.
Под венец она не рвётся
И согласия не даёт,
Только сердце сладко бьётся,
Как Анфим к окну придёт.
Этот молодец пригожий
Приглянулся с детства ей.
И охотник он хороший,
И в работе всех ловчей.
Он посватался к Анфисе
И с надеждой ждёт ответ,
От неё теперь зависит,
Будет счастлив или нет.
Соглашается девица,
Рад сватам её отец.

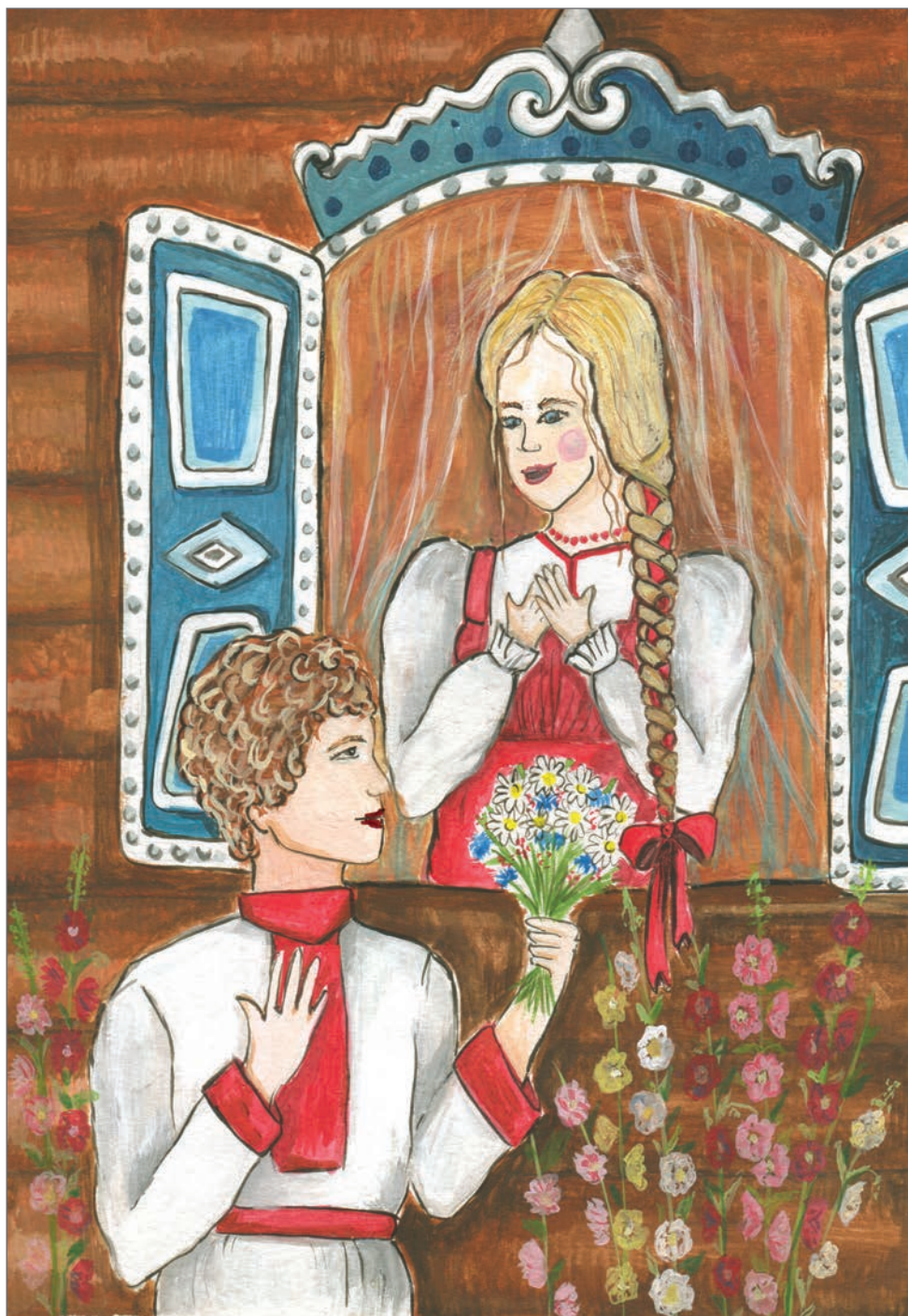
Дмитриева Маргарита. 14 лет.
«Мать с отцом души не чают...»

Дмитриева Маргарита. 14 лет.
«Дочка словно маков цвет...»

Васильева Анастасия. 12 лет. «По селу идёт Анфиса...»

Новикова Элина. 12 лет. Влюблённые Анфим и Анфиса

Дмитриева Маргарита. 14 лет.
«И охотник он хороший...»

Ханбекова Аделина. 12 лет.
«Свет мой, доброго пути...»

Положили пожениться
После жатвы. Наконец
Срок венчания уж близко.
Чтоб богаче вышел стол,
За дичиной для Анфисы
В дальний лес Анфим пошёл.
Попрощалась с ним невеста:
«Свет мой, доброго пути!»
А сама не может места
От предчувствий злых найти.
Так и есть. Три дня проходит,
Но Анфима нет и нет.
По лесам Анфиса бродит,
Отыскать не может след.

Александрова Мария. 17 лет.
«По лесам Анфиса бродит...»

Аминова Мария. 11 лет.
«Отыскать не может след...»

Байматова Айназик. 15 лет. «И аукает, и плачет...»

Пальчикова Софья. 13 лет.
«Громко милого зовёт...»

Торопчина Ксения. 10 лет.
«Грусть-печаль её берёт...»

И аукает, и плачет,
Громко милого зовёт.
И чем долее, тем паче
Грусть-печаль её берёт.
Но живой он, сердце чувствует,
Молит Бога в небесах.
Год, другой она тоскует,
Вянет девичья краса.
К ней сваты вновь поначалу
Зачастили, но она
Женихам всем отказала,
Слову прежнему верна.
«Где ты, где ты, друг мой милый,
Красно солнышко моё,
Сокол ясный сизокрылый? —
Грустно девица поёт. —

Карпова Диана. 15 лет.
Красавица Анфиса

Антонова Софья. 11 лет.
«Год, другой она тоскует...»

Пташки, вы не щебечите,
Не тревожьте сердце мне,
Вы, подружки, не зовите
В хороводы по весне.
Мне тоскливо в тёмной роще —
Одинёшеньке, одной.
Мой любимый, мой хороший,
Как нам свидеться с тобой?..»

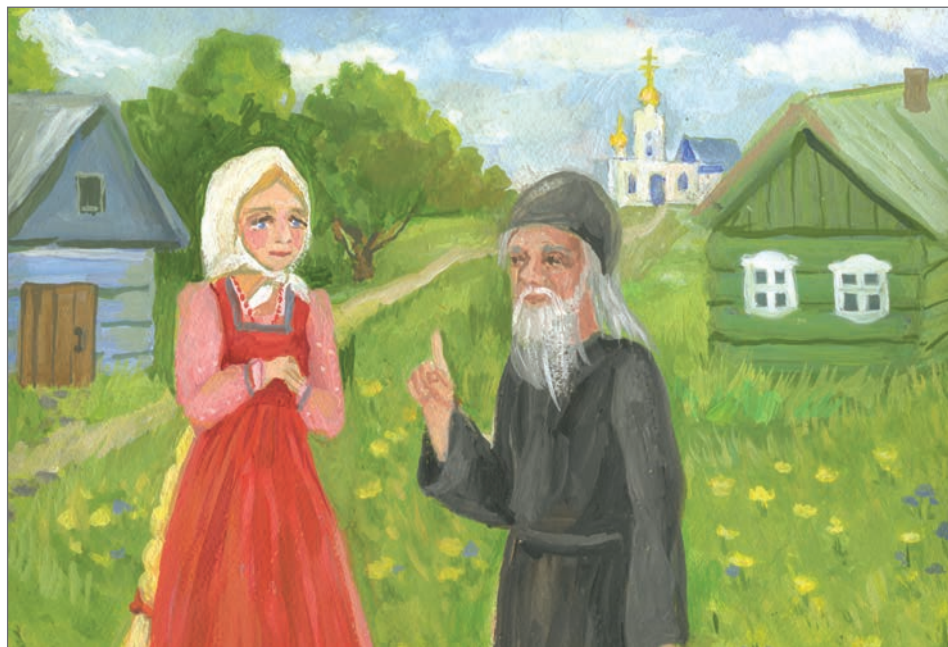
Миновал годок уж третий,
Как пропал в лесу Анфим,
Но никто его не встретил
И не повидался с ним.
Раз Анфиса отпросилась
В праздник в монастырь святой,

Иванова Кира. 15 лет.
«И в обратный путь пустилась...»

Янушко Валерия. 14 лет.
«Вот вода и просфора...»

Тюлегенова София. 11 лет. «Твой жених покамест цел...»

Там о суженом молилась,
Чтоб вернулся он домой.
До земли она поклоны
Долго клала у мощей,
Свечи ставила к иконам,
Полегчало, бедной, ей.
Верит дева в Божью милость,
Набрала воды святой
И в обратный путь пустилась
Вдоль дороги столбовой.
Не спеша идёт навстречу
Ей оборванный чернец,
Сгорблены спина и плечи.
«В помощь Бог, святой отец, —
Говорит она с участием, —
Чай, весь день в пути с утра?
Верно, голодны до страсти?
Вот вода и просфора».
И ещё дала девица
Хлеба свежего ломоть.
«Благодарствую, сестрица,
Да спаси тебя Господь», —
Отвечает старец-инок.
И продолжил, как поел:
«Ты почто глядишь с кручиной?
Твой жених покамест цел,
Он теперь у силы вражьей,
У лукавого в плену,
Если б ты была отважней,
То могла б его вернуть». —
«Без Анфима жить нет мочи.
Как мне жениха спасти,

Кудряшова Софья. 13 лет. «Сила крестная с тобой...»

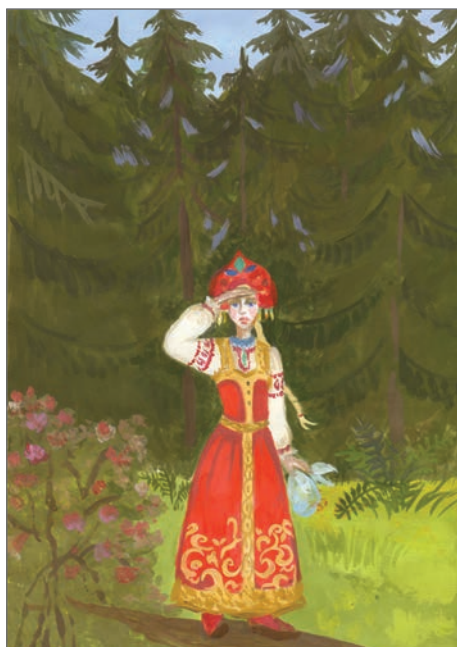
Расскажите, святой отче,
Мне иного нет пути». —
«Знать, ты смелая девица,
Только этим не шути.
Надо на Страстной седмице
В лес глухой тебе пойти.
Хижину в еловой чаще
Захолустную найдёшь.
Господу молясь почаще,
Жениха ты тем спасёшь,
Что сночуешь там три ночи,
В тёмной хижине лесной.
Только не пугайся очень —
Сила крестная с тобой.
Освящённую водицу
Завсегда носи с собой,

И топор тебе сгодится,
Когда раз пойдёшь второй.
Третий раз кота иль кошку
В помощь, милая, бери,
Яйца да кулич в лукошке». —
И, молитву сотворив,
Он благословил девицу,
Тронулся с клюкою в путь.
А она всему дивится,
Страх и радость щемят грудь.
Поблагодарить хотела,
Обернулась, но уж нет
Чернеца, лишь только белым
Облачком сияет свет
На обочине дороги.
Это инок был святой...
Постояла там немного
И отправилась домой.

В думы долгие девицу
Чернеца совет поверг,
Строго пост блюла Анфиса
И потом в Страстной Четверг
Тайн Христовых причастилась,
Помолилась, павши ниц,
В баньке с матушкой помылась
И нарасила яиц,
Испекла кулич пасхальный,
Собираясь в лес глухой,
И святой воды кристальной
Не забыла взять с собой.

Антонова Софья. 11 лет.
Анфиса отправляется в лес

Туманова Елизавета. 13 лет.
«Страшно ей в еловой чаще...»

Страшно ей в еловой чаще,
 Небо всё темней, темней.
 Вдруг неяркий свет манящий
 Замаячил перед ней.
 Ёлки малость поредели,
 К хижине она пришла.
 Ставни заперты, а двери
 Так нигде и не нашла.
 Там Анфиса слышит вроде
 Тихий голос жениха,
 Вкруг избушки бродит, бродит —
 Не попасть ей внутрь никак.
 Месяц спрятался. Девицу
 Обуял внезапно страх,

Новикова Элина. 12 лет. «Принялась она молиться...»

Принялась она молиться
Со слезами на глазах:
«Боже, грешных, нас помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»

Саутина Кристина. 12 лет.
«Видит: много малых бесов / Лихо пляшут...»

Отворились ставни с треском,
И она, прильнув к стеклу,
Видит: много малых бесов
Лихо пляшут, а в углу,
Приглядевшись, увидала:
Зачарованный Анфим
С видом грустным и усталым
На гудке играет им.
Бесенята, строя рожи,
Скачут дико и визжат,

Байматова Айназик. 15 лет.
«Зачарованный Анфим... / На гудке играет им...»

Бьют копытцами, и рожки
На макушках их торчат.
Принялась Анфиса громко
«Да воскреснет Бог...» читать.
Вдруг раздался сильный грохот,
Обернулась дева. Плядь —
Дверь избушки отворилась.
Безобразно перед ней
На полу закопошилось
Много-много мелких змей.
Девушка, их гадкий ворох
Окропив святой водой,
Внутрь вошла и видит: хворост
В хижине лежит пустой,
Нет нигде её Анфима.
Побросала хворост в печь

Якимова Яна. 14 лет.
«Побросала хворост в печь...»

Антонова Софья. 11 лет.
«Помолилась всей душой...»

И, усталостью томима,
Ночевать решила лечь.
С тихой радостью вздохнула,
Ведь жених и вправду жив,
И с молитвою уснула,
Очи ясные смежив.

Рассвело. Она умыла
Личико святой водой,
Хижину всю окропила
И пошла лесной тропой.
В церкви по пути девица
Помолилась всей душой,
Приложились к Плащанице
И вернулась домой.

Развеева Анна. 17 лет. «И топор взяла с собой...»

День прошёл. К закату солнце
Покатилось чередой.
Дева глянула в оконце:
Ей пора уж в лес глухой.
Со своей роднёй простилась,
Налила воды святой,
В дальний путь она пустилась
И топор взяла с собой.
Ей не так уж страшно в чаще,
Небо всё темней, темней.

Издали вдруг свет манящий
Замаячил перед ней.
Ёлки снова поредели,
К хижине она пришла.
Ставни отперты, а двери,
Как и прежде, не нашла.
Сквозь окно вновь поглядела:
Старых бесов хоровод
Вкруг Анфима, то и дело
Злобно рыкая, идёт.
Приказать, что хочешь, могут
Все ему. С гудком в руках
Пляшет он под дикий гогот
Барыню и трепака.
Расплясались бесы рьяно,
Чуть не стоя на рогах.

Лозенко Вадим. 15 лет.
«Пляшет он под дикий гогот / Барыню и трепака...»

Морды до чего поганы! —
Не опишешь их в словах.
Месяц спрятался. Девицу
Обуял внезапно страх,
Принялась она молиться
Со слезами на глазах:
«Боже, грешных, нас помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»
Вдруг раздался сильный стукот —
Это отворилась дверь.
Девушка топор хватить в руку! —
И туда бежит. Теперь
Видит: прямо у порога
Ядовитых толстых змей
Закишело много-много.
И святой водой скорей
Окропила их с молением,
Осенила их крестом,
Смотрит: на полу поленья
В хижине лежат пустой.
Их в поленницу сложила,
Расколола топором,
Печку жарко истопила,
Щепки убрала кругом,
От усталости зевнула,
Дверь плотнее затворив,

Дмитриева Маргарита. 14 лет. Анфиса идёт освящать кулич

И с молитвою уснула,
Очи ясные смежив.

Рассвело. Она умыла
Личико святой водой,
Хижину всю окропила
И пошла к себе домой.
Накануне Светлой Пасхи
День субботы был Страстной.
Освятила в церкви Спасской
Яйца и куличик свой

Забродина Дарья. 15 лет. «Ей пора уж в лес глухой...»

И с сердечною молитвой
Свечи ставит на канон,
Словно воин перед битвой,
За того, кто был пленён.

День прошёл. К закату солнце
Покатилось чередой.
Дева глянула в оконце:
Ей пора уж в лес глухой.
Со своей роднёй простилась,
Налила воды святой,
В дальний путь она пустилась,
Кошку позвала с собой:
«Киса, кисонька, кошурка,
Мне сегодня послужи».

Забродина Дарья. 15 лет. *«Кошку позвала с собой...»*

Поняла как будто Мурка
И вперёд неё бежит.
Девушка несёт лукошко
С яйцами и куличом,
В чаще ей не страшно с кошкой,
К хижине пришли вдвоём.
Ставни настезь все открыты,
Вот и дверь, но заперта,
И замки от взора скрыты,
Не войти никак туда.
Слышится похабный гогот.
И в окошко сквозь стекло
Плянула Анфиса: много
Баб-бесовок внутрь нашло.

Попов Даниил. 16 лет. «В чаще ей не страшно с кошкой...»

До чего они бесстыжи
В неприкрытой наготе!
Так глаза огнём и брызжут,
Словно угли в темноте.
Вертятся вокруг Анфима,
Он с гармошкою стоит
И, как истукан, всех мимо
Зачарованно глядит.
Думает Анфиса: «Милый,
Сколько ты изведаль мук,
Как измотан вражьей силой
Неизвестно почему!»
Две бесовки на гармошке
Поиграть ему велят,
На него наводят рожки,
Источая гадкий смрад.

Сафронова Елизавета. 13 лет. «До чего они бесстыжи...»

И от вони той девицу
Обуял внезапно страх,
Принялась она молиться
Со слезами на глазах:
«Боже, грешных, нас помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»
Вылетела дверь со свистом,
На траву упала вниз.
Смотрит девица: там крысы —
И зовёт: «Кис-кис, кис-кис!»
Зыркают глазами злыми
Крысы и хотят бежать,
Мурка храбрая за ними —
Им пощады не видать!
Тварей всех переловила
И к порогу принесла,
В три ряда в траве сложила
И безгласно отошла.
Умываясь, увидала
Крысу рыжую в кустах,
Два прыжка — и растерзала
У Анфисы на глазах.
Благодарна та кошурке,
Что её не подвела.
Ласково погладив Мурку,
Дева в хижину вошла.

Забродина Дарья. 15 лет. Мурка поймала рыжую крысу

Байматова Айназик. 15 лет. «Где, Анфиса, мы с тобой?»

В жёлтом лунном свете ровном
На полу лежит Анфим,
Сном тяжёлым зачарован,
Очень бледен, недвижим.
Девушка над ним склонилась,
Окропила раз водой,
Вмиг румянцем засветился
Жениха лик молодой.
Три раза перекрестила
Суженого, ещё раз
Лик водою окропила.
Он, не открывая глаз,
Приподнялся. Вновь невеста
Милого кропит водой,
И, очнувшись, встал он с места,
Спрашивает, сам не свой:

«Это ты, моя зазноба?
Где, Анфиса, мы с тобой?
Не пойму, что за хвороба
Приключилась со мной?»
А она поцеловала
Нежно милого в уста
И ему порассказала,
Где он был, в каких местах,
Как она его искала
И от нечисти спасла.
Удивился он нimalo,
Что побыл во власти зла,
Вспоминать стал понемногу,
Как, охотясь за лисой,
СбилсЯ с правильной дороги,
В роще заблудясь густой,
Как коварная лисица,
Что мелькала меж ветвей,
Обернулась вдруг девицей
С рожками между ушей,
На него впотьмах взглянула,
Насылая тяжкий сон,
Взором огненным сверкнула...
Дальше не припомнил он.
«А за что к нечистой силе
Ты, мой свет, попал в полон?» —
Дева жениха спросила.
Отвечает грустно он:
«За лисой когда я гнался,
Всё стрелял, не попадал,
И отчаянно ругался,
И лукавых поминал.

Ерошенко Ева. 12 лет. «...и в обнимку / Из избушки вышли прочь...»

Всей душой о том жалею.
Господи, прости мне грех,
Милости просить не смею —
Я на свете хуже всех!» —
На колени опустился,
Низкий положил поклон,
Широко перекрестился...
И услышал дивный звон.
Он готов был побожиться,
Что нисходит звон с небес.
Молвит жениху девица:
«Милый мой, Христос Воскрес!»
Отзывается невесте
Он: «Воистину Воскрес!
Нынче небо благовестит!
Это чудо из чудес!»

Жилинская Александра. 16 лет. «С милой он пошёл домой...»

Разговелись и в обнимку
Из избушки вышли прочь.
В розовой нежной дымке
Постепенно тает ночь.
У порога крыс уж нету —
Все исчезли до одной,
Расцветает на рассвете
По фиалке голубой
Вместо каждой. К дому ближе —
Вот какие чудеса! —

Агашина Анастасия. 12 лет. «Повстречался им чернец...»

Вытянув хвост длинный рыжий,
Мёртвая лежит лиса.
Как бы им не искуиться...
«Нечисть, сгинь!» — Анфим сказал,
Осенив крестом. Лисица
Вдруг пропала на глазах.
И, пустое взяв лукошко,
С милой он пошёл домой,
И за ними Мурка-кошка,
Важно хвост подняв трубой.

Оглянулись на избушку,
А её в помине нет.
Только вышли на опушку,
Повстречался им чернец.
Старца лик красив и светел,
Как у малого дитя.
«Вас благословляю, дети!» —
Троеперстием крестя,
Молвил тихо добрый старец.

Байматова Айназик. 15 лет. «Вас благословляю, дети...»

Тут Анфиса и Анфим
На колени рядом встали,
Головы склонив пред ним.
Поблагодарить хотели,
Поднялись с колен, а нет
Чернеца, лишь только белым
Облачком сияет свет
На обочине дороги.
Это инок был святой...
Постояли там немного
И отправились домой.

Свадебку на Красну горку
Праздновало всё село,
Молодым кричали: «Горько!» —
Чтобы сладко им жилось.
И, не ведая печали,
В единении сердец
Жить Анфим с Анфисой стали.
Тут и сказочке конец!

Сказка о Баяне, Бесёнке и царевне

Рис. Развеевой Анны. 17 лет

Городилова Дарья. 12 лет. «С котомкой Балда идёт...»

Получив от попа расчёт,
С котомкой Балда идёт,
Довольный всем и весёлый.
Ночует в деревнях, сёлах
И в кабаках придорожных.
Чем может, с утра поможет
Хозяевам за ночлег,
За кашу, за соль да хлеб
И снова пустится в путь.
Куда? А куда-нибудь.
Долго ль идёт? Бог весть.
Дошла до Балды весть:
Беснуется царская дочь.
Тому, кто сможет помочь
И девочку исцелит,
Царь золота повелит

Полный дать кошелёк,
Коня да овса мешок,
В придачу — конскую сбрую,
Расшитую, дорогую.
Затылок чешет Балда:
«Пойду, пожалуй, туда.
Помочь царевне возьмусь
Да золотом разживусь —
Для добрых дел пригодится».
Умывшись святой водицей
И помолившись Богу,
Пускается в путь-дорогу.

Вот наш Балда в столице
Хоромам барским дивится,
На церкви-соборы крестится.
Крыльцо золотое светится:
Знать, близок царский дворец.
Спешит к нему молодец.
А там у самых дверей
Стоит толпа лекарей.
Слуги царя выходят,
По лекарю внутрь заводят,
Но все выбегают прочь,
Не берутся помочь.
Остался один Балда.
Идёт с поклоном туда.
На троне сам царь сидит,
Дочурка его глядит
На гостя безумным взглядом,
Вопит: «Не надо! Не надо!»

Кравченко Ева. 12 лет. «То плачет, то вдруг смеётся...»

То плачет, то вдруг смеётся,
То рожи корчит, то бьётся
Она на руках у царицы,
Никак не утомонится.
Балда на неё взглянул
И тотчас себе смекнул,
Что в девочке бес засел,
С которого он сумел
Некогда взять оброк,
И думает: «Будет прок!
Бесёнок хоть и хитёр,
Да умом не востёр.
Выгоню нечисть прочь,
Смогу царевне помочь».

Царь Балде говорит:
«Коль сможешь ты исцелить
Мою любимую дочь
Хотя бы на третью ночь,
Дам золота кошелёк,
Коня да овса мешок,
В придачу — конскую сбрую,
Расшитую, дорогую.
А не сможешь, тогда
Повешу тебя, Балда!»
Тот в ответ: «Ну, лады.
Велите нести сюды
Колоду игральных карт —
Бесёнка введу в азарт.
Да три железных ореха —
Уж будет ему не до смеха!
Да ещё молоток —
Задам бесёнку урок!
Завтрак, обед и ужин
За четверых мне нужен».
Царь согласен. И вот
Первая ночь настаёт.

Балда, отужинав сытно,
В спальню царевны скрытно
Заходит. Та спит, не слышит,
Только со всхлипом дышит.
Карты Балда раскинул.
Бес вылез и пасть разинул,
Сверкают его зрачки.
«Давай играть в дурачки!» —

Попова Вера. 13 лет. «Буду с тобой для потехи / Играть на эти орехи...»

Просит Балду. — «Ну ладно. —
Отвечает тот. — Не бесплатно!
Буду с тобой для потехи
Играть на эти орехи.
Кто проиграет, пусть тот
Три ореха сгрызёт
Либо сегодня в ночь
Сгинет из царства прочь».
Бесёнок и рад. Азарт
В нём разыгрался от карт.
Колоду шустро тасуя,
Отчаянно бес плутует,
Но в игре не мастак —
Трижды подряд дурак.
Совсем ему не до смеха:
Железных три сгрыз ореха,

Круглянина Софья. 10 лет. «Отчаянно бес плутует...»

До крови изранил губы,
Переломал все зубы,
А уходить не хочет.
Прокукарекал кочет.
Бесёнок, хитрый пострел,
К царевне прыгнуть успел.
«Ну, погоди же до завтра!» —
Сказал Балда — и на завтрак.
Наевшись на кухне вволю,
Пошёл погулять на волю
И там у лесной поляны
Нашёл чурбан деревянный
Да куклу с секретом сделал.
Игрушка эта умела

Глазами быстро вращать
И «ма-ма!» пропищать.
А нажмёшь на пружину —
Рот свой могла разинуть,
Подразнить язычком
И захлопнуть щелчком.

Вторая настала ночка,
Уснула царская дочка.
Устала за день бедняжка:
То лаяла, как дворняжка, —
Котёнка она дразнила, —
То разлила чернила,
Кукол своих раздела,
Капризничала без меры...
Балда в царевниной спальне
Стол разложил игральный,
Раскинул призывно карты.
Выходит бес и с азартом
Играть с ним просит. «Ну ладно.
Да только, чур, не бесплатно, —
Молвит ему Балда. —
На куклу сыграем тогда.
Плянь, как глазами вращает,
Как рот широко разевает».
Бесу забавно, он рад,
А ходит-то невпопад.
Рожи корчит, смеётся:
Балда ему поддаётся
И третий раз «дурачок».
Бес высунул язычок

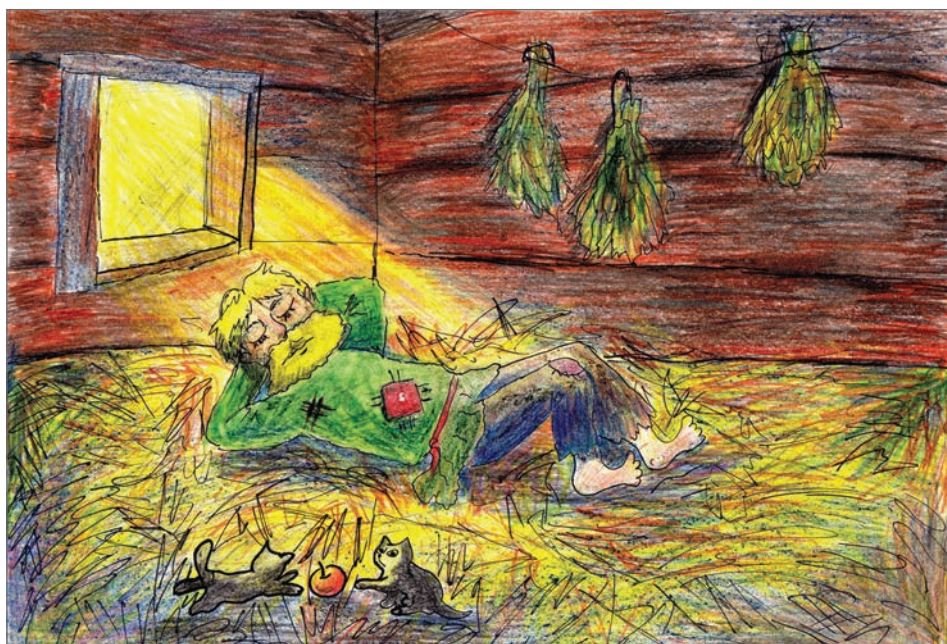

Макаров Глеб. 10 лет. «На куклу сыграем тогда...»

И куклу дразнит, играет,
К морде поднёс... Щелчок!
Зажат его язычок
Во рту у куклы. Бесёнок,
Как резаный поросёнок,
От боли громко визжит,
Как лист на ветру, дрожит,
Не видит совсем от слёз.
Балда хватъ его за хвост
И молотком стал бить.
Явил тут нечистый прыть:
Так яростно он брыкался,
Что хвост его оторвался.
Но выбрал бесёнок миг
И ловко к царевне — прыг!

Ахмадуллина Амелия. 12 лет. «...хвост его оторвался...»

Колчанова Олеся. 13 лет. «И до заката спал...»

Имханицкая Таисия. 13 лет.
Царевна капризничает

Тямаева Эльвира. 11 лет.
«Швырнула под стол букварь...»

Пружину нашёл, нажал
И куклу всю разломал.
«Ну, погоди же до завтра», —
Сказал Балда — и на завтрак.
Наевшись на кухне вволю,
Не вышел гулять на волю,
Отправился на сеновал
И до заката спал.

Балда отужинал сытно,
Медового выпил сбитня,
Пред образом помолился,
Господу поклонился.
Дождался он третьей ночи.
Сомкнула царевна очи.

Шими́на Улья́на. 16 лет. «Играть с Балдой напросился...»

Вконец она умурилась:
Весь день дралась и бранилась
Со слугами, горничной, няней,
Всех обрызгала в ванной,
Швырнула под стол букварь,
Разбила ночной фонарь...
Балда у неё сел в спальне
И на столе игральном
Выложил снова карты.
Бес аж вспотел от азарта,
Забыл про больные зубы,
Хвоста поджимал обрубок
От страха, но всё ж решился,
Играть с Балдой напросился,
Едва шевеля притом
Пораненным языком.
Балда отвечает: «Ладно.
Играем почти бесплатно:

Игнатъева Дарья. 13 лет. «И игра закипела...»

Логвинова Елена. 14 лет. «Авось проиграет Балда...»

По лбу на три щелчка». —
«Плата невелика.
Авось проиграет Балда», —
Думает бес. «Да! Да!» —
Он отвечает смело.
И игра закипела.
Колоду шустро тасуя,
Отчаянно бес плутует,
Да в игре не мастак —
Трижды подряд дурак.
В полу увидавши дырку,
Хотел сбежать, да за шкурку
Балда схватил его мигом.
Копытцами он задрывал
И тут, получив щелчок,
Весь съёжился, как сморчок,

Дмитриева Л.В. «И тут, получив щелчок...»

На пол мешком свалился,
О пощаде взмолился.
Балда второй дал щелчок —
Вертелся бес, как волчок.
Третий щелчок подряд
Вогнал нечистого в ад.
И больше в царский чертог
Бес воротиться не смог.
Балда тут перекрестился,
Святой водицей умылся,
Отправился на сеновал
И до рассвета спал.

Царевна утром проснулась
И солнышку улыбнулась,
С матушкой обнималась,
К батюшке приласкалась,

Раджабова Самира. 11 лет.
«Под музыку танцевала...»

Кравченко Ева. 12 лет.
«С матушкой обнималась...»

Кушала кашу, прянички,
 Слушала сказки нянечки,
 Учила по книжке буквы,
 Своих наряжала куколок,
 Под музыку танцевала
 В новом платьице алом,
 Песенки пела звонко,
 Играла в саду с котёнком,
 Здорова, резва, весела
 И краше, чем прежде была.
 Как царь и царица рады!
 Балда получил награды:
 Коня да овса мешок,
 Да золота кошелёк,
 В придачу — конскую сбрую,
 Расшитую, дорогую.

Фурсенко Мария. 14 лет. «Пустился он в путь-дорогу...»

Балда говорит царю:
«Покорно благодарю».
В пояс ему поклонился,
Коня оседлал, простился.
И, помолившись Богу,
Пустился он в путь-дорогу.
Куда же скачет Балда?
А Бог лишь знает, куда.

Нянины сказки

Из серии рассказов «Детство Александра Пушкина»

Прохладным сентябрьским вечером дождь мерно стучит в окно, барабанит по крыше, а ветер в саду разгулялся, срывает с деревьев начавшие желтеть листья. В горнице тепло и уютно: заботливая Параша протопила печку. Крошка Лёвушка спит в своей комнатке под присмотром горничной. Старшие дети сидят тихо вокруг няни и слушают. Напевный голос Арины Родионовны звучит негромко, душевно, погружая маленьких слушателей в волшебный мир народной сказки:

«В некотором царстве-государстве жил-был царь Султан Султанович турецкий. Задумал он жениться, да не нашёл по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трёх сестёр. Старшая хвалилась:

— Была бы я царицей, одним зерном бы всё царство накормила.

Вторая посулила одним куском сукна всех одеть. Третья, прекрасная собой, говорит:

— А я бы с первого года родила царю тридцать три сына.

Царь и женился на меньшей. Уехал он воевать, а мачеха его, завидуя своей невестке, решила её погубить. После трёх месяцев разрешилась царица благополучно тридцатью тремя мальчиками, а тридцать четвёртый уродился чудом: ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, на затылке месяц. Послала царица гонца известить о том царя, а мачеха задержала гонца на дороге, пьяным напоила и подменила письмо, в коем написала, будто царица разрешилась не мышью, не лягушкой, а неведомой зверушкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки: одну для тридцати трёх царевичей, а другую

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет.
Няня рассказывает сказку юным Пушкиным

Николаева Анастасия. 15 лет.
«Долго плавали царица с царевичем в засмолённой бочке...»

для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделали...»

Дети затаили дыхание. Николенька забрался к няне на колени. На подушке рядом с Олей сладко дремлет Омфала. Саша не шелохнётся на стуле, живо представляет он сказочные события, о которых повествует няня:

«Долго плавали царица с царевичем в засмолённой бочке. Наконец море выкинуло их на остров. Сын заметил это и говорит:

— Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет.

— Господь благослови тебя, дитятко.

Сын поднатужился, обручи лопнули, и вышли царевич с царицей на свет. Сын избрал место, с благословения матери выстроил город и стал в оном жить да править.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Плывёт мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, обратился в муху и полетел вслед.

Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке: ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: у моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт.

Царевич прилетел домой и с благословения матушки перенёс к дворцу чудный дуб...»

Детям интересно узнать, что дальше было. Как сквозь сон слышат они: кто-то начал скрестись в дверь. Потом снизу показалась когтистая лапка, потянула дверь на себя, и в горницу проскользнул довольный, сытый Васька. Кот зевнул, потянулся и подошёл к детям, выбирая, у кого бы устроиться на коленях. Омфала приоткрыла один глаз

и тихо заворчала. Васька отошёл от Оли, мягко вспрыгнул на Сашины колени, потоптался и улёгся клубком. Саша тихонько поглаживает Ваську, тот умиротворённо урчит, а мальчику чудится, будто кот вместе с няней сказку рассказывает.

«Плывёт мимо другой корабль, — продолжает Арина Родионовна. — Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, снова обратился в муху и полетел вслед. Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха опять хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве, о чудесном отроке: ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц.

— А перед дворцом, — говорят корабельщики, — стоит дуб, на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки рассказывает, вниз идёт — песни поёт.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: за морем стоит гора, а на той горе два борова грызутся, а меж ними сыплется золото да серебро.

Царевич прилетел домой и с благословения матушки перенёс чудных боровов к своему дворцу.

Скоро сказка рассказывается, да не скоро дело делается. Плывёт мимо третий корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, в третий раз обратился он в муху и полетел вслед.

Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха пуще прежнего хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке: ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц, о дубе с золотой цепью, по которой ходит кот, рассказывает сказки и песни поёт.

— А на горе за дворцом, — говорят корабельщики, — два борова грызутся, и меж ними сыплется золото да серебро.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: из моря выходят тридцать три отрока, точь-в-точь равны: и голосом, и волосом, и лицом, и ростом. А выходят они из моря только на один час.

Царевич прилетел домой и рассказал матушке о тридцати трёх отроках.

— Это братья твои, — говорит царица, печалась об остальных своих детях.

— Не тужи, матушка, — говорит царевич. — Благослови меня отыскать их.

— Господь благослови тебя, дитятко.

— Нацеди ты, матушка, своего молочка да замеси тридцать три лепёшечки.

Царица так и сделала. Взял царевич лепёшечки, пошёл к морю и положил их на берегу. Всколыхнулося море, вышли тридцать три юноши и с ними старик. Один из юношей съел лепёшечку.

— Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знал я материнского молока, а теперь узнал.

Тут старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, остальные съели все по лепёшечке и узнали брата своего. Старик опять погнал их в море. А на третий день вышли без старика, и царевич привёл всех братьев к своей матушке. Царица обрадовалась, детей расцеловала, и стали они все вместе жить, городом править.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Снова плывёт мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, наказал им звать царя на свой остров в гости.

Приплыли корабельщики, пошли к царю и рассказали о новом государстве, о чудесном отроке: ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц, о дубе с золотой цепью, по которой ходит кот, сказки рассказывает и песни поёт, и о двух боровах.

— А во дворце, — говорят корабельщики, — живут ещё тридцать три отрока, точь-в-точь равны: и голосом, и волосом, и лицом, и ростом.

Бряузова Кира. 17 лет.
«Узнал царь свою жену и детей, обрадовался...»

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

Мачехе сказать нечего. Собрался царь Султан Султанович и поехал на остров. Царевич принял его как гостя дорогого и ведёт к матушке. Узнал царь свою жену и детей, обрадовался и воротился с ними домой. А мачеха как увидела их, так и померла со злости. Ну, вот сказка и вся, больше сказывать нельзя. А детушкам спать пора», — заканчивает няня, поднимается со стула и несёт к постели задремавшего Николеньку, напевая:

*Ой, люли-люлюшеньки,
Баиньки-баюшеньки.
Сладко спи по ночам,
Да расти по часам...*

Старшие дети тоже идут укладываться. И кот за ними. Устроился у Саши в ногах и замурлыкал. В полусне мальчик явственно видит сказочный остров с чудным городом, прекрасного царевича с тридцатью тремя братьями, царя Султана Султановича с молодой царицей...

Очерки о сказках

Няня Арина Родионовна и её сказки

Судьба Арины Родионовны

У Александра Сергеевича Пушкина были две няни. В раннем детстве за ним ухаживала няня Ульяна Яковлева, и, возможно, она же его вскормила. А потом, как известно со слов его сестры Ольги Сергеевны Павлищевой, «няня сестры Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата. <...> Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками».

Фамилию Арины Родионовны мы достоверно не знаем, а может, её и не имелось, как у многих крепостных и дворовых крестьян до отмены крепостного права в 1861 году. В документах XVIII—XIX веков она именуется Ириной (Ириньей) Родионовой, то есть по своему православному имени и отчеству без суффикса, как тогда было принято в отношении крестьян.

Арина — это народный вариант имени. Она родилась 10/21 апреля 1758 года близ Гатчины, в селе с двойным названием — Суйда и Воскресенское (по церковному престолу), в семье крепостных крестьян Родиона Яковлева и Лукерьи Кирилловой, как гласит метрическая запись в церковной книге. По отчеству отца Арине Родионовне приписывают фамилию Яковлева, но это, строго говоря, неверно, хотя такая фамилия в пушкиноведении за ней закрепилась и часто присутствует даже в солидных справочных изданиях. Ириной она была наречена в честь сестры матери Ирины Кирилловой, а её крёстным отцом был брат матери Ларион Кириллов. А у Ульяны, первой няни А.С. Пушкина, Яковлева — это отчество без суффикса. Её отец был тёзкой деда Арины Родионовны, родственницами две няни великого поэта, скорее всего, не являлись.

Через год после рождения Арины Суйдинскую мызу с приписанными к ней селом Воскресенским и соседними деревнями у графа Фёдора Алексеевича Апраксина приобрёл генерал-аншеф и кавалер Абрам Петрович Ганнибал, прадед А.С. Пушкина.

Родители Арины собственного дома не имели и жили у приёмного отца мужа Петра Полуэктова. У них родилось семеро детей, Арина была третьим ребёнком. Её отец умер в 1768 году, и десятилетняя девочка, её братья и сёстры осиротели. Брат Симеон, который был на три года старше Арины, служил в доме Ганнибалов в Суйде конюхом, а позднее кучером. Он-то, скорее всего, и поспособствовал тому, чтобы юную сестру взяли в услужение в усадьбу. Смышлёная, бойкая, старательная девочка, скорее всего, именно там обучилась мастерству рукоделия — вязанию, вышиванию и плетению кружев. И в усадьбе, и дома, и в селе она слушала и на всю жизнь запоминала народные сказки и песни, поверья, пословицы и поговорки. Санкт-Петербургская губерния быстро заселялась при императоре Петре I людьми из разных мест, поэтому народный фольклор был здесь очень разнообразен и богат.

Выдали замуж Арину Родионовну довольно поздно по меркам того времени — в неполные 23 года, хотя для дворовых девушек такое практиковалось: хозяева хотели, чтобы они подольше послужили им до замужества. 5/16 февраля 1781 года, как записано в метрической книге Воскресенской церкви, Ирину Родионову обвенчали с крестьянским сыном Фёдором Матвеевым из соседней деревни Кобринно, куда и переехали новобрачные. Своей избы они там не имели, жили с родственниками.

Вскоре скончался Абрам Петрович Ганнибал. Кобринно унаследовал его сын Осип Абрамович, женатый на Марии Алексеевне, урождённой Пушкиной. В 1775 году у них в Суйде родилась дочь Надежда, будущая мать великого поэта. И, возможно, уже тогда 17-летняя Арина помогала её нянчить.

Осип Абрамович Ганнибал повёл себя недостойно: в 1776 году бросил жену, промотав её приданое и оста-

вив почти без средств к существованию, вёл разгульную жизнь. В начале 1779 года он незаконно женился на вдове Устинье Ермолаевне Толстой, причём на венчании пара предъявила священнику подложное письмо о кончине М.А. Ганнибал. Но Марии Алексеевне при содействии крёстного и родного дяди дочери, прославленного генерала Ивана Абрамовича Ганнибала удалось отстоять свои права на воспитание ребёнка и имущество после длительного разбирательства. Скандальное дело дошло до императрицы Екатерины II, указом которой в 1784 году четвертая часть деревни Кобрينو с угодьями была передана в опеку с выплатой доходов на воспитание малолетней Надежды Осиповны Ганнибал. Так крепостная семья Арины Родионовны поступила в распоряжение М.А. Ганнибал. Кобринские крестьяне были на стороне своей барыни и поддерживали её в это трудное время. В 1792 году, когда у Арины было уже трое детей (десятилетний Егор, пятилетняя Надя и трёхлетняя Маша), Мария Алексеевна отдала её в няни к своему племяннику Алексею Пушкину, сыну брата Михаила, и настолько была довольна её служением, что в 1795 году поселила её семью в отдельную избу.

В 1796 году в Суйдинской Воскресенской церкви обвенчались Сергей Львович Пушкин и Надежда Осиповна Ганнибал. В конце 1797 года, когда у них родилась старшая дочь Ольга, Арину Родионовну взяли к новорожденной как опытную няню. Тогда же у неё родился четвертый ребёнок, сын Стефан, и она стала кормилицей Ольги, которую называла «занавесной барышней»: в семье было принято прикрывать (занавешивать) глазки младенца во время кормления, поскольку считалось, что так ребёнок спокойнее сосёт грудное молоко.

Няней у родившегося спустя 1 год и 5 месяцев Александра Пушкина стала Ульяна Яковлевна, а Арина Родионовна начала исполнять эти обязанности позже. В 1801 году она овдовела. Когда в 1805 году родился в семье Пушкиных Лев, ей было поручено ухаживать и за ним. Так она сделалась старшей няней в семье Пушкиных. Дети её очень любили, с интересом слушали её сказки, поговорки,

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет. Саша Пушкин с няней и бабушкой в саду

пословицы и песни, которых она знала великое множество. Отношения Арины Родионовны с Марией Алексеевной Ганнибал, её дочерью и зятем были очень близкими, тёплыми, почти родственными. Няня любила всех своих воспитанников и пользовалась их взаимностью. Она имела привилегию принимать пищу за одним столом со своими господами.

Юным Пушкиным очень повезло, потому что и дядька будущего великого поэта Никита Тимофеевич Козлов, позднее его камердинер, тоже рассказывал сказки и, более того, старался их переложить в стихи и записать. Отметим, что дядьку, как и няню, называли именем с полным отчеством, что было знаком большого уважения к верным слугам. По свидетельству Ольги Сергеевны, переданному её сыном Львом Николаевичем Павлищевым, *«Никита Тимофеевич <...> состряпал нечто вроде баллады, переделанной им из сказок о “Соловье-разбойнике, богатыре широкогрудом Еруслане Лазаревиче и златокудрой царевне Милитрисе Кирбитьевне”*. *Безграмотная рукопись Тимофеевича, в конце которой нарисован им в ужасном, по его мнению, виде Змей Горыныч, долгое время хранилась у моей матери...»*. К сожалению, при переезде Ольги Сергеевны в 1851 году из Варшавы в Петербург рукопись потерялась.

Рассказывала детям семейные предания и сказки ещё бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, она же была их первой учительницей письма и русского языка.

Няня Арина Родионовна, несомненно, сыграла важную роль в воспитании детей в семье Пушкиных, но всё же не определяющую. Воспитывали и учили детей, формировали их мировоззрение бабушка, родители, родственники, учителя и всё окружение, сама атмосфера московской и подмосковной культурной и народной жизни, поэтому преувеличивать роль няни не надо, но и преуменьшать тоже.

После продажи М.А. Ганнибал в 1800 году части деревни Кобрينو, по свидетельству О.С. Павлищевой, Арина Родионовна с четырьмя детьми получила вольную. Но либо она от неё отказалась, либо сведения ошибочны.

В действительности Арина Родионовна была исключена из купчей и осталась с детьми у М.А. Ганнибал и потом в семье Пушкиных в крепостной зависимости, которая, впрочем, её совсем не тяготила. В ноябре 1804 года Мария Алексеевна приобрела подмосковное село Захарово. Весной 1805 года няня переехала туда с младшей дочкой Марьей, а остальные её дети поселились там спустя два года. Марья в том же 1805 году была выдана замуж за зажиточного захаровского крестьянина Алексея Никитича, а старшая дочь Надежда, по свидетельству Ольги Сергеевны, была замужем за Никитой Тимофеевичем Козловым. Сохранилось его трогательное письмо к жене из Кишинёва, написанное в 1823 году, где он обращался к ней по имени-отчеству. После продажи Захарова в 1811 году сыновья Арины Родионовны переехали в Михайловское, главой семьи в ревизской сказке 1816 года именовался старший сын Егор Фёдорович, при нём жили его мать, неженатый брат Стефан, жена Агриппина Ивановна и малолетняя дочь Екатерина.

Незадолго до поступления А.С. Пушкина в Царскосельский лицей умерла его первая няня Ульяна Яковлевна в возрасте около 44 лет. После отъезда Александра в Петербург Арина Родионовна продолжала жить в семье Пушкиных, бывала с ними в Михайловском, куда они приезжали на лето, и в разные годы постоянно там жила. Скорее всего, она стала и няней младших детей Пушкиных Михаила и Платона, которые умерли в младенчестве.

По воспоминаниям Ольги Сергеевны о няне, «Александр Сергеевич, любивший её с детства, оценил её вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском». По сути, няня разделила с ним михайловскую ссылку 1824—1826 годов, выполняла в доме разные хозяйственные обязанности, скрашивала дни поэта своими неистощимыми рассказами, сказками и песнями. Довольно часто она упоминается в письмах Пушкина, написанных из Михайловского. В начале ноября 1824 года поэт пишет брату Льву в Петербург: *«Знаешь мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю*

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет. Юный Пушкин с Ариной Родионовной

сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

В следующем месяце Пушкин сообщает Д.М. Шварцу: *«Уединение моё совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством и то вижу его довольно редко — целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз её видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно»*. Прототипом няни главной героини романа в стихах «Евгений Онегин» Арина Родионовна была, конечно, не столько по фактам биографии, сколько по близости и теплоте своих отношений с воспитанниками, любви к ним, доброте и беззаветному служению.

25 января 1825 года из Михайловского в Москву Пушкиным отправлено письмо П.А. Вяземскому, где говорится: *«Жду к себе на днях брата и Дельвига — покамест я один-одинёшенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни»*. Тогда же Пушкин делает в своей рабочей тетради семь конспективных записей народных сказочных сюжетов, скорее всего, со слов своей няни. Это та самая тетрадь в чёрном кожаном переплёте, с которой великий поэт летом 1825 года приходил в гости в соседнее имение Тригорское и читал поэму «Цыганы» в присутствии хозяев усадьбы и гостившей у них Анны Петровны Керн, вдохновительницы шедевра «Я помню чудное мгновенье...». Кстати, она считала, что Пушкин «никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры».

О тесном душевном общении с Ариной Родионовной в период михайловской ссылки свидетельствуют и произведения великого поэта. Так в XXXV строфе IV главы «Евгения Онегина» есть строки:

*Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей...*

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет. Пушкин читает няне новые стихи

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет. Няня поёт Пушкину народные песни

Поэт называл её мамушкой и даже мамой. Всем известны чудесные строки стихотворения «Зимний вечер»:

*Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?*

*Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.*

Арина Родионовна и пела (в числе других песни «Синичка за морем не пышно жила...» и «Шла девица за водой...», которые имеются в виду в этом стихотворении), и пряла, и вязала, и следила за работой дворовых девушек, и на стол подавала, и рассказывала Александру Сергеевичу и его друзьям много интересного. «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» — писал о ней поэт Николай Михайлович Языков, приходивший тогда к Пушкину с друзьями из соседнего имения Тригорское, где гостил в семье своего друга Алексея Николаевича Вульфа. Стихотворение Языкова «К няне А.С. Пушкина» проникнуто большой теплотой и любовью:

*Как сладостно твоё святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!*

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет.
 Няня потчует Пушкина и Языкова в Михайловском

*Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И лёгкие часы летели беззаботно!*

Арина Родионовна скрашивала досуг поэта и его друзей в Михайловском, порой бражничала с ними за компанию. Выпить она любила, но в меру.

Как же расплакалась няня, когда в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года в Михайловское прискакал офицер с письмом псковского гражданского губернатора и она узнала, что Пушкину предписано немедленно ехать в Псков и потом в Москву! Няня и поэт не могли предвидеть, что сулит этот неожиданный вызов. Пушкин успокаивал Арину Родионовну как мог, но сам на всякий случай сжёг некоторые свои рукописи. В 5 часов утра он ускакал с офицером в Псков, а встревоженная няня побежала в Тригорское к друзьям поэта и, горько плача, рассказала им о его неожиданном отъезде. Уже 8 сентября Пушкин был в Москве в Чудовом дворце Кремля на аудиенции у императора Николая I. Ссылка поэта закончилась.

Няня очень скучала по нему и ждала его. На этот раз разлука была недолгой и сменилась большой радостью всей дворни, когда 8 ноября 1826 года Пушкин приехал в Михайловское и пробыл там две недели — до 23 ноября. Тёплая встреча Арины Родионовны очень растрогала великого поэта.

В том же 1826 году Пушкин писал в неоконченном стихотворении «Няне», проникнутом любовью и заботой:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.*

*Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,*

Дорофеева Мария. 15 лет.
«...на всякий случай сжёг некоторые свои рукописи...»

Дорофеева Мария. 15 лет.
«В 5 часов утра он ускакал с офицером в Псков»

*И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.*

*Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...*

Точная дата сочинения этих стихов неизвестна, но, судя по описанному пейзажу («чёрный отдалённый путь»), это произошло поздней осенью, до снега.

В начале 1827 года няня ездила в Петербург, жила у родителей поэта, но не застала там А.С. Пушкина, который находился тогда в Москве. Вернувшись, она по договорённости отправила ему из Михайловского 134 книги с дворовым Архипом Курочкиным.

Великий поэт заботился о няне, о её здоровье, отправлял ей деньги и подарки. Арина Родионовна прислала поэту два письма, которые с её слов написал кто-то из её окружения: сама она грамоты не знала. Вот отрывки из её письма от 6 марта 1827 года: «Любезный мой друг Александр Сергеевич <...> За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме и только, когда засну, забуду вас. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшко Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила — поживи, дружёчик, хорошенько, — самому слюбится. Я, слава богу, здорова — целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна...». Это письмо даёт основание предположить, что она была и прототипом Орины Егоровны, няни Владимира Дубровского, героя известной повести: Пушкин использовал стиль и некоторые фразы из письма своей няни во включенном в текст повести письме няни Орины.

В начале августа 1827 года Александр Сергеевич вновь приезжает в Михайловское и живёт там почти 2,5 месяца — до 13 октября. Конечно, это было радостное и одно-

Хадж-Шейхмус Елена. 15 лет. Няня ждёт Пушкина в Михайловском

временно хлопотное время для Арины Родионовны. В Петербурге Пушкина догоняет письмо из Тригорского, где хозяйка имения и друг поэта Прасковья Александровна Осипова посылает ему стихотворение Николая Языкова к няне, цитированное выше. Это стихотворение было сразу же передано Пушкиным А.А. Дельвигу для публикации в альманахе «Северные цветы». Александр Сергеевич поправил только отчество, потому что Языков его не запомнил и написал неверно, ведь в узком кругу они звали няню просто по имени.

Примерно в марте 1828 года Арина Родионовна приехала в Петербург и поселилась в семье сестры великого поэта Ольги Сергеевны, незадолго до этого вышедшей замуж за издателя и переводчика Николая Ивановича Павлицева. Няня хотела помочь неопытной Ольге в ведении домашнего хозяйства. Здесь их навещал Александр Сергеевич. Современный адрес таков: ул. Марата, 12/120. Здесь 29 июля / 10 августа 1828 года после непродолжительной болезни 70-летняя няня умерла. Пушкин сделал помету об этом в своей рабочей тетради в черновике стихотворения «Волненьем жизни утомлённый...». Скорее всего, он был на отпевании своей няни 31 июля / 12 августа во Владимирской церкви и на её похоронах. В записи об отпевании Арина Родионовна указана как крепостная женщина. 6 сентября, в 40-й день кончины, великий поэт поминал её. Вскоре вышел альманах «Северные цветы на 1829 год», где были опубликованы стихи Николая Языкова, обращённые к няне.

В 1835 году в одном из ранних вариантов стихотворения «Вновь я посетил...» Пушкин вспоминает:

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора.
Не буду вечером под шумом бури
Внимать её рассказам, затвержённым
Сыздетства мной — но всё приятным сердцу.*

*Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит.*

К сожалению, достоверного портрета Арины Родионовны не сохранилось, имеются только предполагаемые её портреты и краткие слова Прасковьи Александровны Осиповой о её внешности в старости — полная лицом, совершенно седая. Один из предполагаемых портретов начертил своей рукой А.С. Пушкин в рабочей тетради на следующем листе после черновика стихотворения «Волненьем жизни утомлённый...», на котором сделал помету «Няня†». А рядом изобразил молодую крестьянку в кокошнике. Возможно, это портрет няни в молодом возрасте.

Могила Арины Родионовны на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга давно затерялась. Однако память о главной пушкинской няне жива до сих пор, и мы с интересом перечитываем сказки А.С. Пушкина, написанные с использованием её сюжетов.

Сказки Арины Родионовны, записанные А.С. Пушкиным

Русские народные сказки — это жанр устного прозаического творчества русского народа. Важную роль в них играют вымысел, фантазия: есть сказки волшебные и бытовые, сказки о животных и людях и даже сказки с авантурными приключениями героев. Сказки веками передавались из уст в уста. Конечно, они не были застывшими, бытовали в разных вариантах, сказители вносили в них некоторые детали от себя, но в целом сюжеты коренным образом не меняли. Именно такие сказки расска-

Пушкин А.С.
Предполагаемые портреты
Арины Родионовны в молодости
и в старости в черновике
стихотворения «Волненьем
жизни утомлённый...» 1828 г.

зывала А.С. Пушкину, его сестре и брату няня Арина Родионовна.

Одним из первых начал записывать фольклорные произведения уральский музыкант и сказитель Кирша (Кирилл) Данилов, работавший молотовым мастером на Демидовских заводах. Его записи былин, песен, стихотворений относятся к середине XVIII века и содержат 71 произведение. Впервые изданы они были в 1804 году (26 произведений), затем в 1818-м (61 произведение). А.С. Пушкин читал эту книгу и сам одним из первых начал записывать народные сказки и песни.

По совокупности записей А.С. Пушкина и его писем из Михайловского одни исследователи приходят к уверенному выводу, что великий поэт сделал все семь записей народных сказочных сюжетов со слов именно няни Арины Родионовны. Другие специалисты, в частности М.К. Азадовский и В.И. Чернышёв (фольклорист, записавший сказки и легенды пушкинских мест в 1920-е годы), сомневаются в этом, полагая, что со слов няни могла быть записана лишь часть сказок, а другая часть принадлежит иным неизвестным сказителям, хотя поэт о них нигде не упоминает.

С точки зрения формальной логики Пушкин, коротая вечера с няней, действительно мог записать по памяти сказочные сюжеты и других сказителей, слышанные им как у себя дома, так и ранее в гостях или, скажем, на ярмарке. Однако при внимательном прочтении писем и конспективных записей великого поэта создаётся впечатление, что всё-таки сказитель был один, а именно няня Арина Родионовна. Попробуем разобраться, что роднит записанные сюжеты и какие косвенные аргументы можно привести для подкрепления такого впечатления.

Сведём в таблицу характеристики записанных Пушкиным сюжетов, основываясь на исследовании Р.В. Иезуитовой «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836 (история заполнения)» и книге «Сказки и легенды пушкинских мест», составленной В.И. Чернышёвым в 1920-х годах. Датировка записей сделана исходя из расположения их в тетради,

особенностей изготавливаемых тогда вручную чернил, почерка А.С. Пушкина и его писем.

Важно следующее. Записи 1 и 2 сделаны подряд в течение одного дня и вскоре сделана запись 3. Запись 5 начата в один день или на следующий после записи 4, но продолжена спустя небольшое время. Практически одновременно произведены записи 6 и 7.

№	Условное название сюжета	Время записи	Использование	Родственные сюжеты в книге «Сказки и легенды пушкинских мест»
1	О царе Султане Султановиче	Ноябрь 1824 г.	«Сказка о царе Салтане...», пролог «У лукоморья...»	«Царь Салтан» «Иван-царевич и три девицы»
2	О долге-ребёнке	Ноябрь 1824 г.	Отдан В.А. Жуковскому («Сказка о царе Берендее...»)	«Про Киянь-море» «Про Орла»
3	О Балде (два сюжета)	Ноябрь 1824 г.	«Сказка о попе и работнике его Балде» (первый сюжет)	«Ванюшка и черти»
4	О Кащее Бессмертном	Декабрь 1824 г.	Пролог к поэме «Руслан и Людмила» («У лукоморья...»)	«Про Кащея»
5	О царевиче-кузнеце	Декабрь 1824 г.	—	«Про Соломона»
6	О прокляньшах (три сюжета)	Январь 1825 г.	—	«Проклятая невеста», «О прокляньше», «Ребёнок, отданный чертям»
7	О заблудившейся царевне	Январь 1825 г.	«Сказка о мёртвой царевне...»	«Самоглядное зеркало»

Таким образом, Пушкин сделал записи в три приёма, причём дважды он принимался записывать сказки в ноябре и декабре 1824 года и один раз в январе 1825 года и

писал о том, что слушает народные сказки, своим друзьям и брату, причём Шварцу в декабре написал, что слушает именно сказки своей старой няни, а в других письмах упоминает тесное общение с ней, а не с кем-то другим. Всем записанным сюжетам есть более-менее родственные в книге «Сказки и легенды пушкинских мест».

Четыре записи из семи великий поэт использовал сам в той или иной мере для трёх сказок в стихах и пролога «У лукоморья...», одна им отдана В.А. Жуковскому, который в ходе царскосельского «сказочного» состязания с Пушкиным летом 1831 года написал на её основе «Сказку о царе Берендее...», по сюжету близкую к исходному тексту сказительницы. Неиспользованными остались записи 5 и 6, за исключением, может быть, упомянутой во 2-м сюжете 6-й записи образа хижины без дверей, напоминающей в прологе «У лукоморья...» избушку без окон и дверей, которая, правда, ещё и на курьих ножках. Из записи 3 не использован второй сюжет о том, как Балда изгонял из одержимой царевны бесёнка, которого он в своё время заставил заплатить оброк попу. Далеко не полностью использован и сюжет записи 4.

Конечно, не всё многообразие сказок Арины Родионовны отражено в записях А.С. Пушкина, который наверняка конспектировал только те сюжеты, которые хотел взять на заметку, использовать в своих произведениях. И, разумеется, михайловские записи — это не единственный источник перечисленных в таблице сказок Пушкина. Великий поэт привлекал и собственный художественный вымысел, и другие фольклорные источники, причём не только русские, но и европейские, и восточные, а также заимствовал некоторые сюжетные линии сугубо авторских произведений, видоизменяя их. Этим-то и отличаются авторские литературные сказки от народных.

Сравнение сказочных сюжетов, записанных Пушкиным и Чернышёвым, даёт интересные результаты, хотя научная запись исследователя воспроизводит особенности и стиль речи сказителей, а великий поэт писал

конспекты для себя, где эти особенности почти нивелированы.

Так, числительное 30 регулярно встречается в разновременных записях Пушкина: № 1 (30 братьев-отроков и 30 лепёшечек соответственно), № 2 (30 уток-девиц) и № 6 (30 лет), тогда как в «Сказках пушкинских мест..» с родственными сюжетами оно не встречается, а вместо него фигурируют 3 и/или 12. Отметим, что в записи № 1 идёт перескок числительных — вначале упоминаются 33 отрока, а потом 30. Такие повторы числа 30 наводят на мысль об одном и том же источнике разновременных записей Пушкина. Таким источником и была няня Арина Родионовна, родившаяся в севернорусском селе Суйда, принадлежавшем некогда древнему Новгороду, потом Швеции и затем снова России. Исследователь В.И. Меркулов в статье «Древнее русское предание, ожившее в сказке Пушкина» привёл аргументы в пользу того, что запись № 1 и сама «Сказка о царе Салтане...» А.С. Пушкина имеют именно севернорусские истоки.

Обращает на себя внимание отсутствие в записях великого поэта сюжетов, родственных «Сказке о рыбаке и рыбке» (основной источник — немецкая сказка братьев Гримм «О рыбаке и его жене») и «Сказке о золотом петушке» (литературные источники: произведения Вашингтона Ирвинга и другие). Но есть некоторые моменты, роднящие их со сказками, записанными в Михайловском. Число 33 переходит в «Сказку о царе Салтане...» и в форме «тридцать лет и три года» в «Сказку о рыбаке и рыбке» (в её основном источнике — сказке братьев Гримм — этого числа нет). Характерно, что в сказках Пушкина, материалом для которых послужили его михайловские записи, нет упоминания тридесятого, то есть 30-го, государства. Выражение «тридевяť земель», то есть 27, встречается в «Сказке о царе Салтане...», «тридесятое государство» — только в «Сказке о золотом петушке».

В более поздних записях В.И. Чернышёва есть два сюжета «Сказки о рыбаке и рыбке», но они практически полностью совпадают с сюжетом одноимённой сказки Пуш-

кина, пересказ которой и представляют собой. Эта сказка великого поэта поистине «ушла в народ», что наглядно показывает: устное народное творчество и литературные сказки взаимосвязаны.

Интересно сравнить развязки сказочных сюжетов, записанных А.С. Пушкиным и В.И. Чернышёвым. Не все пушкинские записи содержат сюжеты полностью, некоторые из них являются фрагментами или очень краткими конспектами сказок, заканчивающимися словами «и проч.». Тем не менее в пяти сюжетах из семи сравнимых в записях Пушкина финал по отношению к отрицательным героям более гуманный, чем в «Сказках и легендах...», а в двух — примерно одинаковый (подробности см. в комментарии автора). Это тоже косвенный аргумент в пользу одного источника сказочных сюжетов, записанных в разное время. Им и была Арина Родионовна, прямо упомянутая Пушкиным в письме Д.М. Шварцу как рассказчица народных сказок.

Комментарий по поводу сравнения развязок сказочных сюжетов

Вот какой финал уготован отрицательным героям в записях Пушкина по их номерам:

1. Злая мачеха умерла естественной смертью.
2. Подземельный царь после неудачной погони вернулся восвояси.
3. Жадный поп топит попадью в мешке вместо Балды, далее нет данных, но, скорее всего, сказка заканчивается тремя щелчками попу в лоб.
4. Скорее всего, Кашей умирает, когда добытое яйцо с его «жизнью» разбивают.
5. Сводника (любовника неверной царицы) купца Шелковникова вешают.
6. Проклятая родителями невеста избавлена женихом от власти нечистой силы и нашла отца и мать. Попавший к бесам (из-за ругательства матери с упоминанием нечистой силы) мальчик возвращён родительнице после её молитвы. Наиболее вероятно, и невеста выручила жениха из бесовского плена.
7. Точно неизвестен, но, скорее всего, героиня оживает и выходит замуж за королевича.

Сравним финалы в родственных «Сказках и легендах пушкинских мест»:

1. «Царь Салтан». Ничего не говорится об участии отрицательных героев.

«Иван-царевич и три девицы». Царь казнит злодеек-колдуний — тещу и жену.

2. «Про Киянь-море». Киянь-море (подземный царь вроде Кашея) опивается и умирает.

«Про Орла». Водяной царь опивается, объедается и умирает.

3. «Ванюшка и черти». Работник одурачивает чертёнка.

4. «Про Кашея». Кашей умирает, когда яйцо с его «жизнью» разбивают.

5. «Про Соломона». Коварные тесть, теща и жена Соломоном повешены.

6. «Проклятая невеста». Выручена женихом из плена бесов.

«Ребёнок, отданный чертям». Мальчик пропадает и остаётся в плену у бесов.

«О проклёныше». Проклятая девушка возвращается, но вскоре умирает от травм, полученных от нечистых.

7. «Самоглядное зеркало». Злую и завистливую мачеху разорвали, привязав к хвостам двух лошадей.

Ясно видно, что в сказках с известными концами, записанными Пушкиным, по сравнению со «Сказками и легендами пушкинских мест» гуманнее окончание в записях 1, 2, 5, 6 (сюжеты 2 и 3), примерно одинаково — в записях 4 и 6 (сюжет 1). Окончания записей 3 и 7 в этом отношении сравнить нельзя.

Библиография

1. Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Институт литературы. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 132—163.
2. Апология русской няни: к 250-летию Арины Родионовны. — М.: Русский мир, 2009.
3. Древние российские стихотворения / Собр. Киршею Даниловым. — М.: В типографии С. Селивановского, 1818.
4. Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 874.
5. Иезуитова Р.В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. — 1991. — Т. XIV. — С. 133—134.

6. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. / сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова; науч. ред. Я.Л. Левкович. — М.: СЛОВО/ SLOVO, 1999. — Т. 1—2.
7. Меркулов В.И. Древнее русское предание, ожившее в сказке Пушкина // Наш современник. — 2001. — № 6. — С. 96—99.
8. Мир Пушкина. Т. 3: Семейные предания Пушкиных. — СПб.: Пушкинский фонд, 2003.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Все произведения цитируются по этому изданию.
10. Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследование В.И. Чернышева / под общ. ред. Комиссии АН СССР; подготовка Н.П. Гринковой, Н.Т. Панченко. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
11. Ульяновский А.И. Няня А.С. Пушкина. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940.
12. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис.; отв. ред. В.Э. Вацуро. — 2-е изд., доп. и перераб. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989.

Сказки А.С. Пушкина и В.А. Жуковского на основе сюжетов Арины Родионовны

«Сказка о царе Салтане...»

Первая запись сказки, сделанная А.С. Пушкиным в ноябре 1824 года, легла в основу «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Текст этой записи почти в неизменном виде содержится в рассказе «Нянины сказки», включённом в настоящую книгу. В рассказе развёрнуты повторяющиеся эпизоды сказки, обозначенные в пушкинском конспекте «и проч.». Отметим только, что местами конспект сюжета сохраняет стилевые особенности речи няни, прежде всего в диалогах, например: *«Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — «Господь благослови тебя, дитятка...»*.

В 1828 году Пушкин сделал черновые наброски начала своей сказки, а вернулся к её сочинению в сентябре 1831 года, когда жил с молодой женой на даче в Царском Селе.

Сказка Пушкина — это авторское произведение в стихах, оно весьма значительно отходит от сюжета, записанного со слов Арины Родионовны, и имеет ещё другие источники. Само название сказки говорит об этом.

Имя Салтан — это вариант имени Султан, оно имеет арабское происхождение и означает «царь, правитель». А вот восточнославянское имя Гвидон происходит от древнееврейского Гидеон, Гидон, а в православных святцах Гедеон. Это имя означает «могучий воин». Есть похожее имя древнегерманского происхождения Гвидо, по смыслу близкое к слову «широкий». Пушкин подчеркнул значение имени Гвидон в самом названии сказки, указав, что он «могучий богатырь».

Царевны Лебеди в нянинном сюжете нет, там сам царевич обладает её волшебными качествами: у него во лбу звезда и на затылке месяц, у него 33 брата, он сам строит на острове город, сам обращается в муху и трижды летит

Меркина Александра. 13 лет. «Царевны Лебеди в няниной сказке нет, там сам царевич обладает её свойствами...»

вслед за кораблями в царство отца, сам переносит чудеса, о которых там узнал, к своему дворцу. В сказке Пушкина такие волшебные свойства переходят к царевне Лебеди. Так вместо одного появляется два главных героя, которые спустя время становятся семейной парой.

Белая лебедушка ассоциируется в народных песнях и былинах с прекрасной девушкой или молодой женщиной. Примером является былина из известного Пушкину сборника Кирши Данилова:

А и чуть было спустит калёну стрелу —
Провещится ему Лебедь белая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты Поток Михайло Иванович,
Не стреляй ты меня, лебедь белую,
Не в кое время пригожуся тебе».
Выходила она на крутой бережок,
Обернулась душой красной девицей.

Это один из источников образа царевны Лебеди в «Сказке о царе Салтане...».

Нет в сказке няни и колдуна-коршуна. Этот образ связан с демонической символикой, восходящей к славянским языческим верованиям. Коршун считался зловещей, нечистой птицей. Убив его, Гвидон разрушает злые чары, тем самым открывая путь себе и царевне к счастью:

*Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.*

Главные отрицательные персонажи — это мачеха царя в няниной сказке и сватья баба Бабариха в «Сказке о царе Салтане...». Имя Бабарихи Пушкин позаимствовал из песни о дурне, опубликованной в сборнике Кирши Данилова. Подумаем, как отличаются две злодейки по степени родства с царём и царицей. Сватья — мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга. В «Сказке о царе Салтане...» сватья — это важная персона, сидящая на приёмах рядом с царём. К тому же Гвидон считает её бабушкой и глаза её жалеет:

*Но жалеет он очей
Старой бабушки своей...*

Бабариха имеет двух верных союзниц — завистливых сестёр царицы ткачиху и повариху. Если Бабариха — сватья царя, то выходит, что она мать царицы и её сестёр, но тогда почему же она хочет известить родную дочь и внука? Если же Бабариха — мачеха царицы, то царю она всё равно сватья и её поведение более естественно. Возможен и другой вариант: Бабариха — это сватья родителей царицы и бабушка Гвидона, то есть мать царя Салтана или его мачеха. Последнее более логично. Поскольку в сказке-источнике фигурирует мачеха царя, то и в «Сказке о царе Салтане...» сватья баба Бабариха, возможно, тоже мачеха царя. Итак, Бабариха является, скорее всего, мачехой либо царя, либо царицы, но кого точно, из текста сказки не ясно.

В записи няниной сказки и в сказке Пушкина различаются чудеса, о которых купцы и мачеха / сватья баба рассказывают во дворце царя и которые потом переносятся в город его сына. В записи няниной сказки первое чудо —

сам царевич, у которого «ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в завойке месяц». В «Сказке о царе Салтане...» первое чудо — это большой православный город «с златоглавыми церквями», появившийся на ранее пустом острове.

Второе и третье чудо в няниной сказке таковы:

- «...у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки рассказывает, вниз идёт — песни поёт»;

- «...за морем стоит гора, и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро».

Сказочник-кот у Пушкина стал главным персонажем знаменитого пролога «У лукоморья дуб зелёный...» к поэме «Руслан и Людмила», а вместо боровов в «Сказке о царе Салтане...» вторым чудом стала затейница белочка, грызущая золотые орешки с изумрудными ядрами. Впервые о чудесном зверьке говорит Бабариха, и по просьбе князя Гвидона царевна Лебедь переносит чудо к его дворцу:

*Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под ёлкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызёт орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.*

<...>

*Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счёт орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.*

Неслучайно белочка поёт русскую народную песенку, ведь это подлинно фольклорный персонаж. Белка в народном сознании олицетворяется с понятиями ума,

изящности, ловкости, трудолюбия, благополучия. В половицах и поговорках она вызывает в основном приятные ассоциации.

Однако в народных сказках чудесницы белки, подобной пушкинской, нет. Отдалённые её прообразы можно найти в скандинавских сказаниях. Так, в 1908 году Н.Е. Ончуков издал сборник «Северные сказки», где опубликована записанная в Архангельской губернии и кое в чём похожая на «Сказку о царе Салтане...» сказка «Фёдор-царевич, Иван-царевич и их оклеветанная мать». В ней имеется необычная героиня: *«...среди моря есть остров, на острове есть сосна, на этой сосне ходит белка, на вершиночку идёт, песенки поёт, на комелёк идёт, сказки рассказывает и старины поёт. У этой белки на хвосту байна (баня. — Прим. авт.), под хвостом море, в бayne вымоешься, в море выкупаешься; то утеха, то забава»*. Вот такая «космическая» белка, поющая песенки и рассказывающая сказки, подобно пушкинскому «коту учёному», прототип которого из няниной сказки тоже ходит вверх-вниз, а не вправо-влево. Неизвестно, знал ли упомянутую выше сказку из Архангельской губернии или подобную ей А.С. Пушкин. Кроме того, на её сказителей могла оказать влияние и сама «Сказка о царе Салтане...».

Белка из сборника «Северные сказки» связана, возможно, с образом германо-скандинавской мифологии — белкой Рататоск (Грызозуб), бегающей по стволу Мирового древа Иггдрасиля вверх-вниз и переносящей бранные слова. С Рататоск порой связывают и пушкинскую белочку, но, на наш взгляд, такая связь если и есть, то уж очень слабая.

В старинном заговоре, записанном в Олонецкой губернии в XVII веке, фигурирует золотая белка: *«На мху стоит сосна золотая, на сосне золотой белка золотая...»*. Слышал ли Пушкин этот заговор или нет, неизвестно. Во всяком случае, ни одна из упомянутых выше сказочно-мифических белок орешки не грызёт. Источником великому поэту в этом отношении могла послужить русская народная поговорка: «Где белка, там и орешки».

Меркина Александра. 13 лет. «...на этой сосне ходит белка...»

Таким образом, затейница белочка, грызущая золотые орешки с изумрудными ядрами, это оригинальный литературный образ, введенный самим поэтом, который, возможно, опирался на отдалённые народные источники.

Четвёртое чудо в сказке няни и третье чудо «В сказке о царе Салтане...» имеют сходство, но далеко не полное. В первом случае из моря на один час выходят 30 отроков (в начале сказки их было 33), родных братьев царевича, которые *«точь-в-точь равны и голосом, и волосом, и лицом, и ростом»*, а потом злой старик загоняет их в море. После того как царевич приносит на берег 30 лепёшечек, испечённых на материнском молоке, и отроки их съедают, они узнают своего брата и на третий раз выходят без старика, царевич приводит их к матери.

В «Сказке о царе Салтане...» на берег выходят 33 богатыря — братья царевны Лебеди.

*В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,*

*Разольётся в шумном беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавицы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.*

А четвёртым чудом становится сама царевна Лебедь, которой, напомним, в няниной сказке нет.

Отметим ещё одну интересную деталь. В «Сказке о царе Салтане...» определённую роль играют кусачие насекомые: князя Гвидона, чтобы ему достичь «царства славного Салтана» вместе с корабельщиками, царевна Лебедь обращает поочерёдно в комара, муху и шмеля. В первой сказке няни Арины Родионовны царевич все три раза сам обращается в никого не кусающую муху. Думается, Пушкин так не просто разнообразил сказку, а с каждым циклом действия вводил в него насекомых, которые кусаются всё более, увеличивая напряжённость действия по мере приближения кульминации.

Ещё Пушкин ввёл в свою сказку остров-город русского фольклора Буян. Например, на острове Буяне в сказке «Иван-царевич и серый волк» и в 4-й записи няниной сказки стоит чудесный дуб, где спрятана смерть Кощея Бессмертного. Уже само название Буян создаёт атмосферу русской сказки, хотя в пушкинском произведении мимо этого острова всего лишь проплывают корабли «в царство славного Салтана». А вообще буяном называли открытое возвышенное место, базарную площадь. В XX веке название Буян в честь острова в сказке Пушкина дали реальному острову архипелага Северная Земля.

Отметим ещё одну важную деталь развязки. В няниной сказке злодейка-мачеха умирает, а «Сказка о царе Салтане...» заканчивается в православном духе — покаянием злодеек и их помилованием:

*А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой*

*Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.*

Таким образом, первая записанная Пушкиным сказка няни — это только в основных чертах канва для «Сказки о царе Салтане...», сочиняя которую великий поэт использовал много других фольклорных источников и собственную фантазию. И хотя в отличие от народных сказок она написана классическим четырёхстопным хореем, атмосфера русской сказки в ней ясно ощутима, чему способствует парная рифмовка стихов.

Пролог к поэме «Руслан и Людмила»

А.С. Пушкин написал знаменитый пролог «У лукоморья дуб зелёный...» в 1826 году и включил его во 2-е издание поэмы-сказки «Руслан и Людмила», вышедшее в свет два года спустя. Главным героем этого бессмертного пролога является «кот учёный», присутствующий в завязке и развязке:

*У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том:
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом.
Пойдёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.*

<...>

*И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...*

Образ «кота учёного» восходит к персонажу русской мифологии и волшебных сказок коту Баюну, в котором ча-

рующий голос птицы Гамаюн соединился с силой и хитростью сказочного чудовища. В сказках кот Баюн, сидящий на высоком железном столбе, песнями и заклинаниями лишает силы и усыпляет всех, кто хочет подойти к нему. Чтобы поймать Баюна, Иван Царевич надевает железный колпак и железные рукавицы. Покорённого кота он приносит во дворец к больному отцу. Своими сказками Баюн исцеляет царя.

Сказки о коте Баюне и «коте учёном» обрели особенную известность благодаря распространению лубочных картинок. «Кот учёный» — это приручённая и облагороженная версия кота Баюна. И конечно, главным прототипом «кота учёного» стал чудесный кот из 1-й записи няниной сказки, сделанной в ноябре 1824 года и уже цитированной выше. Представляя содержание поэмы «Руслан и Людмила» как одну из сказок «кота учёного», Пушкин подчеркнул связь своего произведения с русским фольклором.

В прологе присутствуют во множестве герои и реалии русских народных сказок, в их числе немало тех, которые в том или ином виде упоминаются в записях няниных сказок: «дуб зелёный» (записи 1 и 4), царь Кащей, царевна в темнице (подземном царстве) и бурый волк (запись 4), избушка без окон и дверей (запись 6) и «тридцать витязей прекрасных», выходящих из моря с дядькой (запись 1), позднее вошедших в «Сказку о царе Салтане...» как 33 богатыря, причём оба числа — 30 и 33 — упомянуты в 1-й няниной сказке.

Чтобы читателям стало понятнее, что именно использовал А.С. Пушкин из 4-й записи, приведём её полностью: *«Царь Кащей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж, покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: “Где-де твоя смерть?” — “В баране, — отвечает Кащей, — в козле, в венике”. — Дочь велит вызолотить рога барану и козлу, вызолачивает и веник — напрасно, Кащей жив. Наконец, он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван царевич идет за смертью Кащея. Голод. Попа-*

Карпова Диана. 15 лет. Иван-царевич и усмирённый кот Баюн

Данилевич Софья. 15 лет.
«Там на неведомых дорожках...»

Данилевич Софья. 15 лет.
«Избушка там на курьих ножках...»

дается ему собака, ястреб, волк, баран, рак. — Иван царевич говорит им каждому: «Я тебя съем», — но оставляет им живот. Приходит к морю, волк его перевозит, баран рогами сваливает дуб, собака ловит зайца, ястреб ловит утку, рак лапами выносит из моря яйцо. — Кощей тотчас занемог, дочь его получает яйцо; отец просит от неё месяца, недели, дня и проч.».

Поначалу кажется странным, что в прологе волк бурый, а не серый, как в других сказках, например в сказке «Иван-царевич и серый волк»:

*В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...*

Объяснение здесь простое: в диалектах Псковской губернии, где расположено сельцо Михайловское, встречалось восходящее к польскому языку словосочетание «бурый волк» в значении «тёмно-серый». Необычный эпитет «бурый» по сравнению с типичным «серым» привлёк поэта. В 1824 году там же в Михайловском Пушкин набросал строки задуманного им сказочного сюжета:

*Иван Царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся.*

В 4-й записи няниной сказки как раз фигурируют и волк, и Иван-царевич. На этом основании можно предположить (но не утверждать точно), что Пушкин намеревался сочинить сказку на основе сюжета 4-й записи, но потом оставил эту идею.

Упомянуты в знаменитом прологе и герои множества других сказок. Так, сказания о русалках, сидящих на деревьях, расчёсывающих свои прекрасные волосы гребнем и тем заманивающие прохожих с целью погубить их, были популярны в русских деревнях разных областей. Одно такое предание, распространённое в подмосковных селениях Захарово и Большие Вязёмы, гласило, что опасная русалка живёт в бучиле вязёмской мельницы. В детстве поэт мог слышать его.

Королевич, который «мимоходом пленяет грозного царя», это пленивший царя Давида Бова, сказание о котором поэт слышал от бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, о чём писал в лицейском стихотворении «Сон»:

*Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.*

Колдун, несущий в облаках богатыря, — это Черномор, несущий Руслана, в поэме «Руслан и Людмила». Ну а «ступа с Бабою Ягой», конечно, из сказок о Бабе Яге, которые поэт мог слышать от разных сказителей, в том числе в детстве в своей семье. А «невиданные звери» встречаются в самых разных народных сказках, в их числе чудесные боровы в 1-й записи няниной сказки, а также заяц, утка, собака, ястреб, волк, баран, рак в 4-й записи.

Как видим, в прологе «У лукоморья дуб зелёный...» Пушкин запечатлел богатство русского сказочного мира, восходящего к сказкам Арины Родионовны и к другим известным поэту сказкам, тем самым вводя читателя в волшебное пространство своей поэмы и представляя её как сказку «кота учёного».

«Сказка о царе Берендее...» В.А. Жуковского

Полное название этого произведения — «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери». Сказка сочинена Василием Андреевичем Жуковским на основе 2-й записи няниной сказки, подаренной ему А.С. Пушкиным, в августе-сентябре 1831 года в Царском Селе. Напомним, что это было своего рода творческое соревнование двух поэтов.

Поначалу Жуковский намеревался следовать только сюжету няни, проработав неясные места пушкинского конспекта, но потом добавил в свою сказку имена и сюжетные ходы из других источников, прежде всего из сказки братьев Гримм «Милый Роланд», которую он перевёл на русский язык ранее.

Василий Андреевич принял спорное решение писать сказку гекзаметром — шестистопным нерифмованным дактилем (стихотворным трёхсложным размером, где сильное метрическое ударение в стопе приходится на первый слог). При этом он постарался включить в сказку народные выражения, присказки, чтобы приблизить её по стилю к русским народным сказкам. Конечно, относительно «лёгкий» русский гекзаметр Жуковского сильно отличается от «тяжёлого», тяготеющего к греческому гекзаметру Н.И. Гнедича, переводившего «Илиаду» Гомера, но всё равно ощутимо чужеродное влияние античного размера на ритм русской сказки и построение фраз, порой нетипичное для русской речи.

Вот как начинается конспект няниной сказки: «Некоторый царь ехал на войну, он оставил жену свою беременную. Едучи домой, дорогою захотелось ему пить — видит он пролубь, и в пролубе плавает золотой ковшик, — но только хочет он испить воды, кто-то его хватъ за бороду и не выпускает. Царь взмолился — нет. “Подари мне, чего ты не знаешь”. Задумался бедный царь: “Как, чего я не знаю? Я всё знаю. Ну, так и быть, дарю”. Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана царевича, без него родившегося».

Вот как разработана эта часть сюжета В.А. Жуковским:

Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласие с женою; но всё им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть своё государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студёной воды...

<...>

Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит...

<...>

Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».
Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Всё!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! — опять силоватый послышался голос. — Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа».

<...>

Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам —
Там царица стоит на крыльце и ждёт; и с царицей

*Рядом первый министр; на руках он своих парчѣвую
Держит подушку; на ней же младенец,
прекрасный, как светлый
Месяц, в пелёнках колышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал.*

Имя сказочного царя Василий Андреевич выбрал очень удачно. Его привлекло народное предание о счастливом царстве берендеев, имевшее историческую основу. Берендеи упоминаются в русских летописях XI—XII веков, о них есть сообщение в I томе «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина. Здесь Жуковскому удалось объединить фольклор с историческими сведениями. С лёгкого пера Василия Андреевича легендарный царь Берендей вошёл в русскую литературу, например в сказочную пьесу А.Н. Островского «Снегурочка».

Далее Жуковский в основном следует сюжету няни с некоторыми изменениями и добавлениями. Иван-царевич вырос и узнал об обещании своего отца. Он приходит к морю, где плескаются 30 уток. Они, выходя из моря, набрасывают свои одежды и, обернувшись красивыми девушками, уходят, лишь одна остаётся, потому что Иван-царевич взял её платье. Это Марья-царевна, дочь подземного царя (Жуковский назвал его Кощею Бессмертным, хотя в других сказках этот персонаж живёт в замке на высокой горе, а не в подземелье. — *Прим. авт.*). Вместе попадают в подземное царство Иван-царевич и Марья-царевна. Она научает его, как себя вести, чтобы не разгневать царя, и помогает Ивану-царевичу выполнить трудные задания: влетает к нему в светлицу мухой (у Жуковского — пчёлкой) и узнаёт о них. Задания выстроить за ночь церковь (у Жуковского — дворец), узнать Марью-царевну по мухе (у Жуковского — по мошке) на лице среди 30 его дочерей, которые похожи как две капли воды. В третьем задании — сшить сапоги, пока в руках у Кощея горит соломинка, — Марья-царевна помочь не может, и они бегут из подземного царства. Чтобы отсрочить погоню, она остав-

ляет в комнате свои три слюнки, которые отвечают слугам голосом Ивана-царевича. Но вскоре обман раскрыт, за ними гонятся слуги царя, но в результате чудесных превращений Марье-царевне удаётся вводить их в заблуждение и заставлять возвращаться. Эти превращения разные. В сказке няни она в первый раз обращает себя в тын, а Ивана-царевича — в пшеничное поле, другой раз его — в старую церковь, а себя — в старого священника. И, наконец, за ними гонится сам подземный царь, но Марья-царевна разливает перед ним реку, и он вынужден вернуться. В сказке Жуковского превращения такие: речка и мостик; дремучий лес с множеством дорог и коней, которые приводят стражу снова к входу в подземное царство; священник и церковь. В церковь Кощей войти не может и в бешенстве убирается восвояси, где нещадно сечёт своих слуг.

После этого по сюжету няни Иван-царевич и Марья-царевна оказываются в своём государстве, а в сказке Жуковского — у неизвестного красивого города, который хочет осмотреть Иван-царевич. Оставаясь, Марья-царевна не велит ему целовать милого царского ребёнка, который выбежит ему навстречу, но так случается, и Иван-царевич забывает Марью-царевну. А далее В.А. Жуковский добавляет в сюжет сказочные события из «Милого Роланда» братьев Гримм: Марья-царевна сначала ждёт Ивана-царевича, обратившись в белый камень у дороги, а потом с горя обращается в нежный голубой цветочек — в надежде, что кто-нибудь его затопчет. Однако красивый цветочек берёт в свой дом пастух, и там начинаются чудеса: кто-то убивается и готовит, пока нет хозяина. Тот по совету ворожеи прячется и видит, что всё это делает голубой цветок, накрывает его платком, и Марья-царевна снова превращается в красивую девушку. Зная, что Иван-царевич женится, она идёт во дворец в наряде крестьянки. В няниной сказке Марья-царевна просто живёт у старушки и отпрашивается во дворец на свадьбу.

Затем Жуковский вновь возвращается к исходному сюжету няни. На стол обручённым подают пирог, испечён-

ный Марьей-царевной, Иван-царевич его надрезает, от туда выходят голубь с голубкой, голубка ходит за голубем и просит не забыть её, как Иван-царевич забыл Марью-царевну. Иван-царевич обо всём вспоминает и женится на Марье-царевне.

Как видим, Жуковский развернул сюжет пушкинского конспекта няниной сказки, изложил его в стихотворной форме русского гексаметра с включением фольклорных слов и выражений, дал удачные имена двум героям (царь Берендей и подземный царь Кощей Бессмертный). Однако при этом Жуковский не внёс принципиальных изменений в сюжет Арины Родионовны, за исключением эпизода с голубым цветочком по мотивам сказки братьев Гримм «Милый Роланд».

На наш взгляд, в «сказочном» творческом соревновании двух поэтов в 1831 году явно победил А.С. Пушкин. Его «Сказка о царе Салтане...» легче, естественнее, «воздушнее» по форме, в ней нет ничего лишнего, она в меру насыщена народными выражениями, содержит новые оригинальные образы (например, чудесницу белку и царевну Лебедь), имеет больше русских фольклорных источников, отчего некоторые первоклассники даже путают её с русской народной сказкой. «Сказка о царе Берендее...» В.А. Жуковского, безусловно, очень хорошее, интересное произведение, но его утяжеляют длинные строки гексаметра и несколько затянутый сюжет.

«Сказка о попе и работнике его Балде»

Эта сказка написана А.С. Пушкиным осенью 1830 года в родовом имении Большое Болдино Нижегородской губернии — в первую Болдинскую осень, самый плодотворный период наивысшего вдохновения великого поэта. В основу он положил первый сюжет 3-й записи няниной сказки. Приведём этот текст полностью.

«Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радёхонек, попа-

дья говорит: “Каков будет щёлк”. Балда дюж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идёт и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берёт пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. “Кого я там зашиб? Старого али малого?” И вылез старый. — “Что тебе надо?” — “Оброк собираю”. — “А вот внука я к тебе пришлю с переговорами”. Сидит Балда да верёвки плетёт да смотрит. Бесёнок выскочил. “Что ты, Балда?” — “Да вот стану море морщить да вас чертей корчить”. — Бесёнок перепугался. “Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь обнесёт три раза вокруг моря”. Бесёнок не мог. Балда сел верхом и объехал. “Ах, дедушка! Он не только что в охалку, а то между ног обнёс лошадь вокруг”. — Новая выдумка: “Кто прежде обежит около моря?” — “Куда тебе со мной, бесёнок? Да мой меньшой брат обгонит тебя, не только что я”. — “А где-то меньшой брат?” — У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил, бесёнок, запыхавшись, обежал, а Балда гладит уже другого, приговаривая: “Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря”. — Бесёнок в отчаянье. Третий способ — дед даёт ему трость. — “Кто выше бросит?” Балда ждёт облака, чтоб зашвырнуть её туда и проч. Принимает оброк в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит — и берёт его в мешке, вместо сухарей — утопляет ночью попадью вместо его — и проч.».

Великий поэт не очень значительно отклонился от сюжета Арины Родионовны: опустил эпизод с медведем, не вписавшийся в сюжетную линию, поменял местами «соревнования» с бесёнком за оброк, переставив в конец самый яркий эпизод с кобылой, не упомянул бездонную шапку и смягчил развязку для попадьи: поп её не топит. Нянин сюжет Пушкин законспектировал не до конца, но очевидно, что он завершается упомянутыми в начале тремя щелками попу в лоб, как и «Сказка о попе и работнике его Балде». Есть и другие не самые принципиальные изменения в ха-

рактиках героев (поп толоконный лоб, то есть челевек туповатый, и другие), в эпизодах (зайка якобы обегает море три раза, а не один, то же самое в отношении эпизода с кобылой). Вольная стихотворная форма (так называемый акцентный стих) сказки Пушкина и её разговорный ритм близки к русским народным сказкам и песням.

При жизни Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде» не публиковалась, потому что не прошла бы церковную цензуру. Она долгое время воспринималась как сатира, отражающая противоречие между властью духовенства и бесправным народом, а после 1917 года трактовалась в духе классовой борьбы. Впервые сказка была опубликована В.А. Жуковским в 1840 году в изменённом виде: поп был заменён купцом Кузьмой Остолопом, попадья — хозяйкой и так далее. В полном соответствии с авторской рукописью сказка впервые опубликована в 1882 году в 8-м издании собрания сочинений Пушкина под редакцией П.А. Ефремова.

Представление о «Сказке о попе и работнике его Балде» как о сатире на всё духовенство и тем более трактовка её в духе классовой борьбы, конечно, очень сужают смысл произведения великого поэта и лежащего в его основе сюжета няни, женщины верующей, православной. Да, сатира присутствует: поп смешон в своей скупости, тупости, хитрости и трусости, бесёнок — в своей неискущённости и глупости. Но это ли главное? Конечно, нет.

Пушкинская сказка имеет глубинный духовный смысл. Неправильно воспринимать сказочного попа как типичного представителя всего русского духовенства. Этот поп — олицетворение самой худшей его части, погрязшей в грехах. Точно так же Балду нельзя назвать типичным представителем простого русского народа уже потому, что он обладает сверхъестественными способностями: ест за четверых, работает за семерых, да ещё и почти бесплатно.

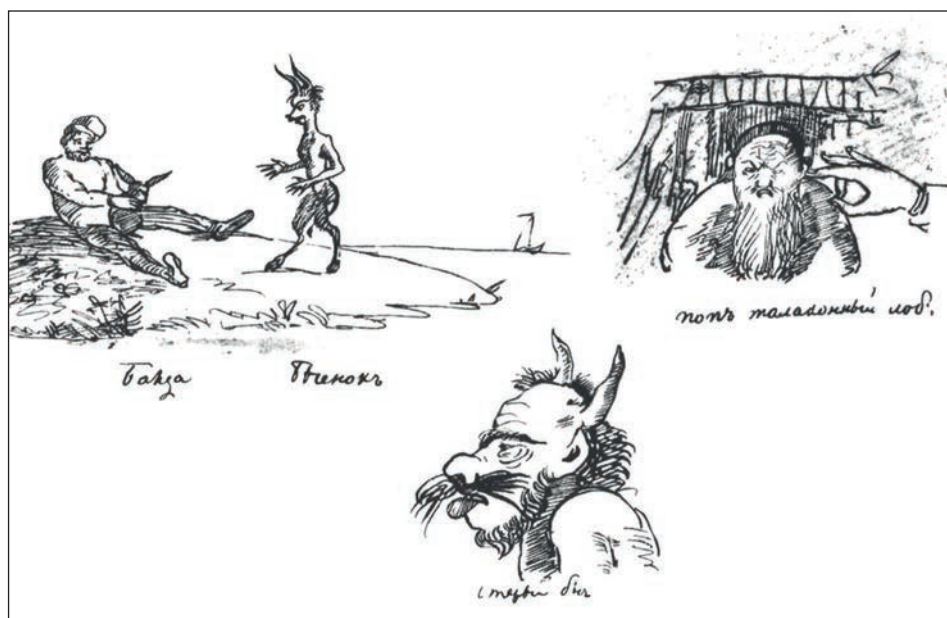
Балда (Болда) — это распространённое древнерусское имя-прозвище мужчин и женщин, возникшее в дохристианский период. Вплоть до начала XVIII века оно нередко писалось в документах вместе с православными именами,

например крестьянин Балда Кодрат из Олонца упомянут в 1564 году. Имя Балда имеет несколько значений. Во-первых, неумный и неловкий человек: тупица, бестолочь, дурень и тому подобное. Во-вторых, тяжёлое орудие труда или оружие: дубина, палица, кувалда (отсюда произошло слово «набалдашник»). Пушкинскому Балде подходит второе толкование, ведь он мужик смекалистый, ловкий, дюжий, работающий. И внешность его соответствует этим качествам, подтверждением чему служит авторская иллюстрация в рукописи сказки, где Пушкин изобразил Балду с зайкой и чертёнка на берегу моря.

Кстати, от имён Балда и Болда произошли названия поселений Балдино и Болдино, в том числе села Большое Болдино в Нижегородской губернии, которым владели Пушкины.

Острого социального конфликта между Балдой и попом в сказке нет уже потому, что работник нанимается к священнику по собственному желанию и сам назначает «смешную» плату за свой труд. Вспомним эту сцену:

*Пошёл поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай варёную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.*

Пушкин А.С. Авторские иллюстрации к
«Сказке о попе и работнике его Балде». 1830 г.

Поначалу поп собирался найти «служителя не слишком дорогого». Вполне оправданное желание для небогатого и рачительного священника. В старину многодетное сельское духовенство, особенно в отдалённых бедных приходах, часто нуждалось и едва сводило концы с концами. Но пушкинский поп живёт в достатке, раз в его хозяйстве есть работа для семерых человек, которых заменяет Балда, есть и земельный надел, который он возделывает. Да и семья у попа небольшая: попадья, поповна и маленький попёнок. Однако попа одолевает жадность, и он ведётся на соблазн Балды, нанимает его за три щелка в лоб в год, то есть почти бесплатно, да ещё и потребности чудо-работника очень скромные: он питается полбяной кашей, которая была очень распространённым и дешёвым блюдом. В общем, сплошная выгода для скупца. И заметим: погоня за нечестной дешевизной в корне отличается от рачительности и бережливости.

Встреча попа и Балды на базаре только на первый взгляд кажется случайной. В пушкинской сказке ничего просто так не происходит, и эта встреча ниспослана попу

свыше как испытание и впоследствии наказание за грехи, своего рода «Божья дубина». Началось с того, что поп «погнался за дешевизной», продолжилось его хитростью с подачи попадьи и изворотливостью, а дальше поп либо соврал про положенный ему оброк с чертей, либо бесёнок соврал, говоря Балде: *«Об оброке век мы не слыхали / Не было чертям такой печали»*. Однако нечистый лукав, и, скорее всего, именно он лжец, тем более в конспекте няниной сказки нет такой реплики чертёнка. Выходит, сказочный поп некогда совершил сделку с нечистой силой и имеет от этого материальную выгоду в форме оброка с чертей. Разумеется, это тягчайший грех, несовместимый с духовным званием священнослужителя и вообще с православной верой. Причём никакого раскаяния у попа-стяжателя нет и в помине, поэтому он и получает наказание в виде лишения ума после третьего щелка Балды, который приговаривал при этом поучение: *«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной»*. Добавим: за неоправданной дешевизной, с которой всё и началось, а потом этот грех выявил другой, гораздо более страшный, как говорят верующие, смертный.

А.С. Пушкин сделал к рукописи сказки ещё две иллюстрации, изобразив старого беса и попа, над которым занесена рука Балды, готовая сделать щелчок. Причём тучный испуганный поп кое-чем похож на старого беса: формой бровей, маленькими глазками и носом картошкой. Как говорится, с кем поведёшься, от того и наберёшься. А вот кисть Балды, занесённая для щёлка, не выглядит очень большой и тяжёлой. Ясно, что его щелчок не простой, а сверхъестественный: от обыкновенного щелчка, каким бы сильным он ни был, невозможно получить серьёзную травму, разве что шишка надуется. А языка и ума лишиться можно только со страху.

Таким образом, нравоучение в «Сказке о попе и работнике его Балде» носит преимущественно духовный характер, и суть сказки нельзя сводить к сатире на противоречия между духовенством и народом и тем более к классовой борьбе.

«Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»

Эту сказку А.С. Пушкин сочинил в 1833 году в Большом Болдине, в период второй Болдинской осени. Сказка написана классическим четырёхстопным хореем, как и «Сказка о царе Салтане...».

Одним из источников «Сказки о мёртвой царевне...» стала 7-я запись няниных сказок, а точнее конспект отдельных частей сказочного сюжета. Приведём запись полностью.

«Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. “Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной али брат названный; коли женщина, будь нам мать али сестра”... Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. “Если кровию нальются, то не жди нас”. — Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз — 12 дней, второй — 24, третий — 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха её приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают её. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят её в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в её труп, и проч.».

Сходство записи с сюжетом пушкинской «Сказки о мёртвой царевне...» лишь фрагментарное: царевна в лесу находит пустой дом, убирается в нём и затем живёт у братьев (у Пушкина у семи богатырей, в няниной сказке — у 12 богатырей) как их сестра. Женщина приходит к ней под видом нищенки (у Пушкина это служанка завистливой мачехи, у няни — сама мачеха), собаки (у Пушкина одна собака) её не пускают, но она всё равно дарит красавице волшебный предмет (у няни — рубашку, у А.С. Пушкина — отравленное яблоко), от которого царевна как бы умирает, братья хоронят её в прозрачном гробу на цепях.

Ясно, что 7-я запись Пушкина является не главным источником «Сказки о мёртвой царевне». Подобные сюжеты были распространены в пушкинских местах, и великий поэт мог слышать другие сказки такого типа. К примеру, в сказке «Самоглядное зеркало» из сборника «Сказки и легенды пушкинских мест» главная героиня не царевна, а крестьянка, которая бежит в лес от притеснений завистливой мачехи, имеющей волшебное «самоглядное зеркало», говорящее ей о том, что падчерица красивее её. Девушка поселяется у 12 разбойников как сестра, к ней приходит колдунья-мачеха и дарит ей сначала заколдованное платье, надев которое она как бы умирает, но братья, решив омыть «покойницу», платье снимают, и красавица оживает. Следующий подарок мачехи — заколдованное кольцо, но и его один из разбойников снимает с пальчика кажущейся мёртвой девушки. Этот разбойник на ней женится, у них рождается дитя, и мачеха напрашивается в няньки. Угостившись полученным от неё кусочком яблока, молодца превращается в лисицу и убегает, а потом мачеха пускает её в дом кормить ребёнка. По совету какого-то человека лисицу подстерегают, хватают и после нескольких превращений она снова делается прекрасной женщиной. А злую мачеху жестоко казнят.

Как видим, здесь есть сказочный артефакт — волшебное зеркало, а также «подарок» в виде кусочка отравленного яблока. В остальном же сказка «Самоглядное зеркало» похожа на 7-ю запись няниной сказки и довольно далека от пушкинской «Сказки о мёртвой царевне...», как и многие другие произведения русских сказителей с подобными сюжетами, записанные в XIX—XX веках.

Основным же источником «Сказки о мёртвой царевне...» являются немецкие сказки из сборника братьев Гримм. Сам Пушкин слабо владел немецким языком, но его друг В.А. Жуковский хорошо знал этот язык и как раз переводил сказки братьев Гримм. Кроме того, в библиотеке Пушкина имелась книга, изданная в 1830 году, где опубликованы французские переводы этих знаменитых немецких сказок. Точное название книги «Vieux contes. Pour l'amusement de

grands et des petits enfants» в переводе означает «Старые сказки. Для развлечения взрослых и маленьких детей». Французский язык великий поэт знал в совершенстве и в лице имел за это прозвище Француз. Сборник содержит несколько сказок, сюжетные перипетии и некоторые описания из которых легли в основу «Сказки о мёртвой царевне...». Прежде всего, это сказка «Белоснежка».

Кроткая пушкинская царевна «белолица, черноброва» и тем похожа на Белоснежку, мать которой смотрела на снег, когда была беременна, как и мать царевны. Есть в этой сказке и волшебное зеркало, говорящее о красоте падчерицы и тем возбуждающее зависть мачехи к Белоснежке. Мачеха велит псарю завести девочку в лес и убить, но тот жалеет её и приносит мачехе лёгкое и сердце добытого им оленя, а не падчерицы. Белоснежка находит дом семерых гномов-рудокопов и поселяется у них. Злая колдунья-мачеха, узнав об этом от зеркала, трижды приходит под видом торговки, крестьянки и пытается извести Белоснежку, но гномы дважды находят причину её «смерти»: слишком затянутую шнуровку платья, сдавливающую грудь, и отравленный гребень. А в третий раз это был кусочек отравленного яблока, который гномы не нашли. Они хоронят свою любимицу в хрустальном гробу на золотых цепях. В неё влюбляется королевич и просит отдать гроб с Белоснежкой ему. Слуги, неся гроб, спотыкаются, отравленный кусок яблока вылетает из горла Белоснежки, и та оживает. Принц женится на ней. На свадьбу является злая мачеха. Её заставляют танцевать до упада на углях в железных башмаках. Она падает замертво.

Пушкин использовал из сказки «Белоснежка» ряд поворотов сюжета и сказочные артефакты: волшебное зеркало, отравленное яблоко, хрустальный гроб... Однако сюжет «Сказки о мёртвой царевне...» гораздо богаче сюжета «Белоснежки», поскольку великий поэт, вводя в сказку образ ищущего свою невесту королевича Елисея, кое-что важное заимствовал от другой сказки из имеющегося у него французского перевода сказки «Der singende-springende Löweneckerchen» («Певчий попрыгун-жаворонок») из кни-

Александрова Мария. 17 лет. Самоглядное зеркало

ги братьев Гримм. В этой сказке молодая королева ищет превращённого в голубя супруга, обращаясь за помощью к солнцу, месяцу, ветрам, и южный ветер указывает ей искомое место.

Сюжетные линии немецких сказок перенесены великим поэтом в пространство русского мира, гармонизированы с источниками из русских народных сказок, поэтому трансформация семерых гномов в семерых богатырей выглядит вполне закономерной. Вся обстановка мест действия, описание сюжетных поворотов, прямая речь героев создают неповторимую атмосферу русской литературной сказки. И конечно, Пушкин по своему обыкновению убрал все детали сюжетов, мешающие восприятию читателем основной линии действия, смягчил конец для злодейки, которая умирает естественной смертью без всякого наказания:

*Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.*

Имя королевича Елисея выбрано из православных святцев, оно имеет еврейское происхождение и означает «бог-спаситель». И Елисей действительно спасает царевну, разбив её хрустальный гроб.

Имя Чернавка встречается в русском фольклоре, например в сборнике Кирши Данилова, и в русских литературных источниках, в числе которых пьеса А.И. Крылова «Поддипа» («Триумф»), сочинённая в 1800 году. На Руси и девушек-смуглянок называли чернавками, и служанок, выполняющих грязную, чёрную работу.

В «Сказке о мёртвой царевне...» немаловажным героем является пёс Соколка, который пытается защитить царевну от Чернавки и не дать своей любимой хозяйке попробовать отравленное яблоко. Образ Соколки восходит к русской сказочной традиции: собака всегда защищает своего хозяина или хозяйку, чует нечистую силу и предупрежда-

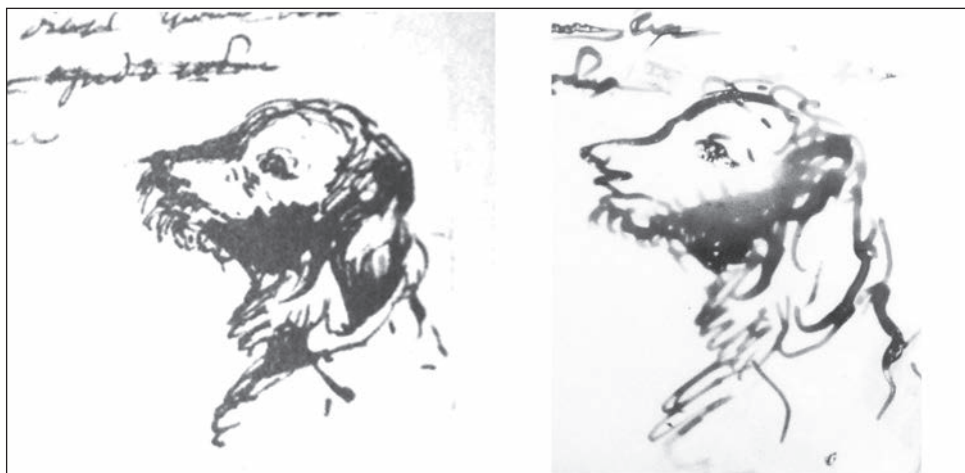
ет их (например, в сказке о лешем), всячески помогает им, платит добром за добро. Пример помощи собаки есть и в 4-й записи няниных сказок.

Выразительное изображение Соколки сделано Пушкиным на полях рукописи сказки. Нарисованная собака похожа на сеттера Руслана, любимца отца поэта и всей семьи. Руслан умер летом 1833 года в глубокой старости. Лист с рисунком представляет собой черновик текста, который в окончательном варианте таков:

*И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет,
Благодарствуй за обед», —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла...*

Изображение собаки — это авторская иллюстрация к стихам. Важно отметить, что Соколка — единственный пёс, которого в полной мере можно назвать героем произведения А.С. Пушкина. Он первым встречает прекрасную царевну у терема богатырей и сразу признает в ней хозяйку:

*Ей навстречу пёс, залааяв,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,*

Пушкин А.С. Изображения собаки в рукописи
«Сказка о мёртвой царевне...». 1833 г.
(Автопортреты в образе собаки?)

*На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь...*

Выполняя свои собачьи обязанности, Соколка всеми силами стремится уберечь царевну от зла, а когда беда случается, врывается в комнату хозяйки вместе с богатырями:

*Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох...*

Глаз собаки на рисунке Пушкина очень выразительный, почти человеческий, над ним словно бровь выведена. Нос удлинённый, лоб по внешней линии довольно плоский, как у сеттера Руслана, а по внутренней — округлый, похожий на высокий человеческий лоб. Внизу морды затемнение, сходное с бакенбардами. Не себя ли нарисовал поэт в образе собаки? Почему бы и нет! Ведь ранее, в 1825 году, изобразил же Пушкин свой профиль в виде лошадиного в автографе стихотворения «Андрей Шенье».

Ниже в рукописи «Сказки о мёртвой царевне...» расположен рисунок, ещё больше похожий на автопортрет

поэта в собачьем образе. Два изображения представляют собой как бы разные степени перевоплощения автора в персонажа-животного. Сочиняя, поэт вполне мог мысленно перевоплощаться в любых своих героев, в том числе в собаку.

«Портреты» Соколки показывают, насколько Пушкин сопереживал сказочным событиям, о которых писал. Он не просто составлял сюжет по мотивам русских и немецких сказок, а создавал по велению сердца собственное целостное произведение, опуская неважные детали первоисточников, проявляя собственную фантазию и перемещая действие в русский сказочный мир, выбирал соответствующую замыслу русскую литературную форму.

**«Сказка о рыбаке и рыбке»
и «Сказка о золотом петушке»,
в которых не использованы сюжеты
Арины Родионовны**

Эти сказки написаны Пушкиным по мотивам зарубежных фольклорных и литературных источников. Однако и в работе с ними великий поэт придерживался тех же подходов, что и при создании сказок на основе русского фольклора.

В 1833 году в Большом Болдине А.С. Пушкин сочинил «Сказку о рыбаке и рыбке». Золотая рыбка, несомненно, один из самых ярких и важных образов мира фауны в произведениях А.С. Пушкина. Впервые золотая рыбка появляется в стихах великого поэта в 1826 году, за семь лет до сочинения «Сказки о рыбаке и рыбке». В стихотворном наброске, который переключается с драмой Пушкина «Русалка», влюблённый в русалку князь сравнивает её с золотой рыбкой:

*О, скоро ли она со дна речного
Подыметя, как рыбка золотая?*

В «Сказке о рыбаке и рыбке» образ золотой рыбки получил развитие в ином направлении — духовном. Бескорыстный старик, поймав чудесную рыбку, отпускает её, проявляя к ней милость как православный христианин:

В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотой.
Как взмолилась золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо».

Сюжетная основа этой сказки позаимствована великим поэтом братьев Гримм из «Сказки о рыбаке и его жене» (опубликованной в том же сборнике французских переводов немецких сказок, что и «Белоснежка») и перенесена на русскую национально-историческую почву. Как писал М.К. Азадовский, «...устанавливается ряд очень характерных и убедительных совпадений, позволяющих установить прямую зависимость сказки Пушкина от гриммовского текста. Из деталей первой в тексте Гриммов отсутствует: мотив корыта (первое требование у Гриммов — новый дом), по-разному именуются рыбки: у Пушкина — золотая рыбка, у Гриммов — камбала, причём у Пушкина упущено указание, что рыбка — заколдованный принц. Наконец, Пушкин значительно усилил мотив покорности мужа. В сказке Гриммов старик только покорный муж, не смеющий ослушаться приказов жены и пользующийся вместе с ней дарами чудесной рыбы; у Пушкина — старик совершенно отделяется от старухи, чем достигается большая художественная и психологическая глубина. Текст немецкой сказки Пушкин переключил в план русской».

Интересно мнение протоиерея Николая Германского: «В образе простого и смиренного старика легко угадывается Россия, призванная Богом пребывать в трудах и молитвах и желающая жить спокойно и праведно... И вот за своё долготерпение старик сподобляется поймать рыбку, готовую исполнять его желания. Но удивительно то, что он ничего не просит у неё для себя. Почему? Да потому что у него всё есть: и мир на душе, и любимое дело, и даже сварливая жена, которой постоянно чего-то не хватает и с которой он обречён жить бок о бок всю свою жизнь».

Среди важных отличий пушкинской сказки от гриммовской — замена поэтом последних требований жены рыбака — стать римским Папой и Богом. В черновой версии сказки А.С. Пушкина эти требования присутствуют, но потом поэт их исключил, скорее всего, как противостественные для православной Руси. Однако, на наш взгляд, не это отличие от гриммовского текста является ключевым. Пушкинская сказка гораздо глубже исходной немецкой сказки именно благодаря центральному образу самой золотой рыбки. Неслучайно поэт опускает её видовую принадлежность и не соотносит с заколдованным принцем. Рыбка у Пушкина именно золотая, и это роднит её с золотым петушком из другой сказки. Золото у славянских народов символизирует божественную власть, богатство, исполнение желаний. Примером может служить былина о Садко, которому водяной даёт возможность выловить три рыбки с золотыми плавниками, и это приносит ему богатство:

*А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложь свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золота перья.
Как ударишь о велик заклад,*

*И поди свяжи шёлковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золота перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!*

Образную переключку этой былины со «Сказкой о рыбаке и рыбке» подтверждает первый стих черновой редакции: *«На Ильмене на славном озере»*. Важно также и то, что у древних христиан рыба была символом Христа Спасителя. По словам протоиерея Николая Германского, *«и в сказке Александра Сергеевича она также символизирует Господа, который всегда “гордым противится, а смиренным даёт благодать”, как сказано в Евангелии»*.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» золотая рыбка немногословна и милостива, пока требования старухи не выходят за рамки разумного и возможного. Это в полном смысле «государыня рыбка», как обращается к ней старик. Состояние моря зависит от настроения рыбки уже и в сказке братьев Гримм, но у Пушкина эта зависимость более яркая, существенная, глубинная. Золотая рыбка не отвечает на наглое требование старухи стать владычицей морскою. Молча скрываясь в своей стихии, она возвращает героев к разбитому корыту:

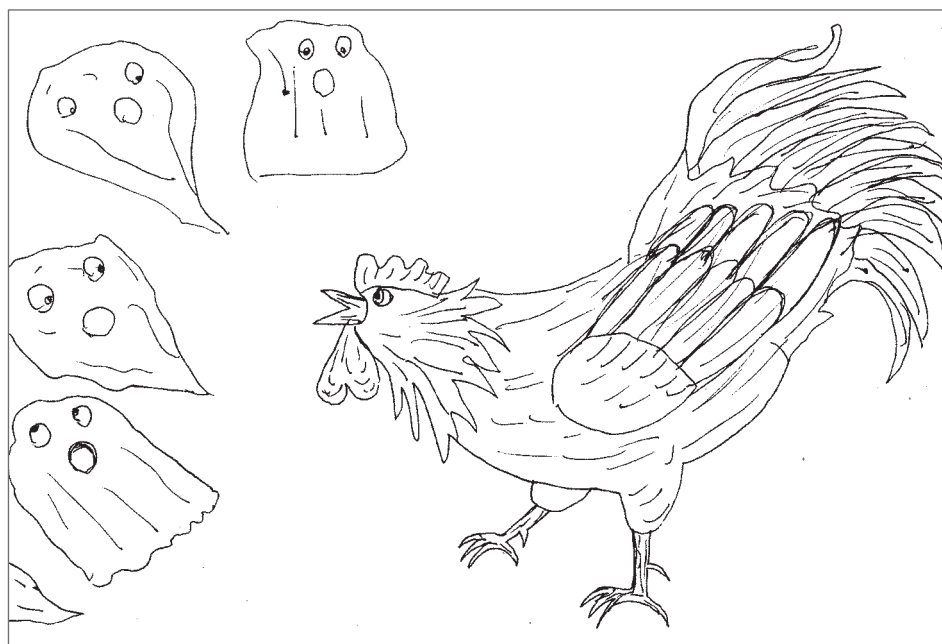
*Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.*

Так не отвечает Бог на человеческую мольбу, исполнение которой нанесло бы вред душе просителя.

Отметим, что «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкин написал свободным народным размером — акцентным нерифмованным стихом, близким к былинному стиху. А «Сказка о попе и работнике его Балде» написана акцентным стихом с парной рифмовкой. В акцентных стихах количество слогов с сильным ударением в строке приблизительно равное, а количество безударных слогов между ними произвольное. Пушкин был мастером акцентного стиха, его произведения в этом размере с тремя-четырьмя сильными ударениями в строке очень гармоничны по звучанию.

Меркин Сергей. 10 лет. «Божественной властью обладают золотой петушок и золотая рыбка»

Меркин Сергей. 10 лет.
«Нечистую силу... разгоняет утреннее пение петуха...»

В 1834 году, в период третьей Болдинской осени, сочинена «Сказка о золотом петушке». Этот образ занимает особое место в творчестве Пушкина:

*Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепет
И в то место обернётся».*

Написана «Сказка о золотом петушке» четырёхстопным хореем с чёткой парной рифмовкой, как большинство сказок А.С. Пушкина, поэтому читается и воспринимается легко. Однако за этой лёгкостью формы кроется глубокое содержание. Образ золотого петушка совсем не прост для понимания. «Легенда об арабском астрологе» Вашингтона Ирвинга и через неё восточный фольклор — лишь один из источников «Сказки о золотом петушке». У Ирвинга петушок медный и сидит не на спице, а на баране, который поворачивается в сторону опасности, а петушок только пронзительно кричит. У Пушкина же петушок именно золотой. Как уже отмечено выше, на Руси золото исстари символизировало вечную власть и волю Бога, воплощением которой являются золотые купола и кресты храмов. Самая лаконичная, самая символичная и самая трагическая сказка Пушкина сродни евангельской притче.

Вот что написала об этом исследовательница Е.И. Волкова: «Нечистую силу в русском фольклоре традиционно

разгоняет утреннее пение петуха. “Вдруг раздался лёгкий звон...” Петушок звучит, как живой колокол! Колокола звонили об опасности, и он кукарекает — звонит! Петушок — центральный персонаж сказки. Пушкин не выносит в название имени Дадона, это не “Сказка о царе Дадоне, мудреце и Шамаханской царице”, а “Сказка о золотом петушке”. Золотой петушок, как и золотая рыбка, воплощают в себе сверхъестественную всемогущую силу, которая вольна миловать и спасать, но ей же доступно и отмщение или воздаяние за грехи. Поистине божественной властью обладают золотой петушок и золотая рыбка, символами божественного всемогущества они и являются в сказках Пушкина».

Выводы

Самуил Маршак, выдающийся писатель, много и успешно сочинявший для детей, метко назвал пушкинскую сказку прямой наследницей русской народной сказки.

В качестве источника сюжетов и образов своих сказок великий поэт широко использовал народный фольклор, и в первую очередь записанные им сказки своей няни Арины Родионовны, которые легли в основу «Сказки о царе Салтане...» (запись 1-я «Некоторый царь задумал жениться...»), «Сказки о попе и работнике его Балде» (запись 3-я «Поп поехал искать работника...») и в большой степени в основу знаменитого пролога к поэме «Руслан и Людмила» (записи 1-я и 4-я «Царь Кашей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж...»). Сочиняя «Сказку о мёртвой царевне...», Пушкин отчасти использовал 7-ю запись («Царевна заблудилась в лесу...»).

2-ю запись «Некоторый царь ехал на войну...» великий поэт передал своему другу поэту В.А. Жуковскому, который написал на её основе «Сказку о царе Берендее...», лишь в одном эпизоде заимствовав фрагмент сюжета немецкой сказки «Милый Роланд». Остальные записи Пушкин и его друзья не использовали.

Помимо сказок Арины Родионовны А.С. Пушкин принимал во внимание в работе над упомянутыми выше произведениями другие русские сказки, песни, былины, поверья и народную символику, а также варианты европейских сказок о Бове, немецкие сказки братьев Гримм «Белоснежка» и «Певчий попрыгун-жаворонок» для «Сказки о мёртвой царевне...» и другие. Великий поэт вводил в свои сказки новых важных героев: царевну Лебедь, чудесницу белочку, королевича Елисея, верного пса Соколку. Формируя гармоничный сюжет, он отбрасывал всё лишнее, мешающее воплощению основной идеи сказки, переводил образы и события сказок европейских народов в план русской сказки, выбирал подходящую литературную форму — классический четырёх-стопный хорей или народный акцентный стих.

Даже сказки, в основу сюжета которых Пушкиным положены преимущественно зарубежные фольклорные и литературные произведения («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке»), имеют русские «родинки» в форме народной символики, лексики, ритмических особенностей и ключевых элементов православного мировосприятия.

Пушкин писал не только пером, но и сердцем, сопереживая своим сказочным героям. Его мудрые, интересные, совершенные по форме и содержанию сказки были, есть и будут любимы многими поколениями читателей, владеющих русским языком.

Библиография

1. Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Институт литературы. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 132—163.
2. Берёзкина С.В. Пушкинская фольклорная запись и «Сказка о царе Берендее» Жуковского // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. — Т. 13. — С. 267—278.
3. Бойко К.А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. — Л., 1976. — Вып. 13. — С. 113—119.
4. Бонди С. Сказки Пушкина // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. 3. — С. 467—475.
5. Волкова Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе: дис. ... д-ра культурологии. — М.: МГУ, 2001. Глава: «Золотой

петушок» как символ литературной эпохи: метасюжет о Спасителе в последней сказке А.С. Пушкина».

6. *Германский Николай*, протоиерей. Россия и судьбы мира // Наш современник. — 2015. — № 4. — С. 183.

7. Древние российские стихотворения / Собр. Киршеем Даниловым. — М.: В типографии С. Селивановского, 1818.

8. *Егорова Е.Н.* «Следы невиданных зверей...». Мир фауны в жизни и творчестве А.С. Пушкина. — М.: Литературное объединение «Утреша» Московской областной организации Союза писателей России; ДМУП «Информационный центр», МОБОО «Общество «Семь Я», 2020.

9. *Жуйкова Р.Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

10. *Иезуитова Р.В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. — 1991. — Т. XIV. — С. 133—134.

11. *Маршак С.Я.* Заметки о сказках Пушкина // Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Художественная литература, 1971. — Т. 7.

12. *Медриш Д.Н.* Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист. — М.: Наследие, 1996. — Вып. III. — С. 110—124.

13. *Меркулов В.И.* Древнее русское предание, ожившее в сказке Пушкина // Наш современник. — 2001. — № 6. — С. 96—99.

14. *Ончуков Н.Е.* Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губернии. — СПб., 1908.

15. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Все произведения цитируются по этому изданию.

16. *Рейсер С.А.* «Бурый волк» // Временник Пушкинской комиссии, 1979. — Л.: Наука, 1982. — С. 157—159.

17. Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследование В.И. Чернышева / под общ. ред. Комиссии АН СССР; подготовка Н.П. Гринковой, Н.Т. Панченко. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 342 с.

18. *Цявловская Т.П.* Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1983.

От автора сказок по мотивам сюжетов Арины Родионовны, не использованных А.С. Пушкиным

Значительную часть записанных в Михайловском сюжетов няниных сказок Пушкин не использовал. На их основе нами были сочинены сказки в стихах, опубликованные в настоящей книге. Ориентирами служили те принципы, руководствуясь которыми великий поэт писал свои сказки.

Сказка на основе записи о Балде, царевне и бесёнке

3-я запись няниной сказки использована поэтом не полностью. Её 2-й сюжет не вошёл в «Сказку о попе и работнике его Балде», поскольку не связан с основной идеей этой сказки. Небольшой фрагмент записи содержит пикантную подробность для взрослых, поэтому приводим её с небольшим сокращением: *«Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берётся вылечить царевну. С нею ночует — берёт с собою орехи железные и старые карты да молоток — знакомого бесёнка заставляет грызть железные орехи; играет с ним в щелчки и бьёт бесёнка молотком. На другую ночь то же. На третью делает куколку на пружинах, у которой рот открывается <...>. Бесёнок пойман и высечен, и проч.»*

Развязка описана не до конца, но ясно, что на третью ночь бес из царевны изгнан. И, скорее всего, Балда выигрывает у беса в карты, раз они наличествуют в конспекте. Упомянутая старинная народная игра в щелчки представляет собой следующее. От круглой палочки около 2 см толщиной отрезают 15–25 кусочков по 2–2,5 см в длину. Разрезают их вдоль, чтобы получились маленькие поленца. Одна сторона у каждого поленца получается плоская, а другая полукруглая. Начинаящий игру рассыпает поленца по столу, выбирает те, которые лежат примерно в оди-

Гречкина Кира. 16 лет. Балда играет в щелчки с бесёнком

наковом положении, и щелчком ударяет по одному из них, стараясь попасть в другое. Если попал, забирает выбитое поленце как выигрыш. После первого промаха в игру вступает другой игрок и делает то же самое. Когда все поленца разыграны, игра заканчивается, а побеждает тот, кто выбил больше поленец. Современным читателям эта игра практически неизвестна и вряд ли интересна, поэтому не включена в сюжет нашей «Сказки о Балде, бесёнке и царевне». Да и не так важно, во что именно играл Балда с бесёнком, который подрос, но не поумнел, зато стал хитрее и изворотливее.

Образ Балды в нашей сказке развивается в духовном плане: Балда по-прежнему трудолюбив и неприхотлив, идёт, куда его ведёт Бог, и, узнав о болезни царевны, направляется в царский дворец, чтобы избавить её от одержимости бесом. Перед дорогой Балда умывается святой водой и молится Богу, как это делают верующие люди (например, королевич Елисей в «Сказке о мёртвой царевне...»). Привлекает его не золото, которое он собирается потра-

тить на добрые дела, а возможность помочь страдающему ребёнку. Балда играет с азартным бесёнком в карты — в банального дурачка. Однако бесёнок лжив и изворотлив, как и положено нечисти. Несмотря на проигрыши и побои, он в первые две ночи всё равно не убегает прочь, а возвращается к царевне, продолжая её мучить, пока на третью ночь не получает от Балды три щелчка в лоб, последний из которых навсегда низвергает его в ад. Здесь щелчки такой же сверхъестественной силы, как и в пушкинской сказке.

Царевна в нашей сказке — маленькая девочка лет шести-семи. Примерно столько было Белоснежке, когда она попала к гномам. Избавленная от бесов, царевна сразу становится нормальным ребёнком, весёлым и послушным. А Балда, получив свои награды, снова отправляется в странствие уже на коне.

Сказка написана акцентным стихом с тремя ударениями в строке (так называемым трёхударником) и парной рифмовкой, как и пушкинская «Сказка о попе и работнике его Балде».

Сказки о проклёнышах

Неиспользованная 6-я запись А.С. Пушкина содержит три сюжета поучительных сказок о проклёнышах — проклятых детях. Причём проклятием считается и ругательство вроде «лукавый побери». Несчастные проклёныши попадают под власть нечистой силы, которая их носит, мучает и тому подобное. В старину такие сказки были широко распространены. Иногда они кончаются хорошо: молитва, любовь, добрые и отважные поступки близких людей снимают бесовские чары, вызволяют из плена нечисти, но иногда проклёныши пропадают навсегда или, вернувшись, умирают от травм, нанесённых бесами.

Большинству современных читателей такого типа сказки неизвестны, поэтому приведём 6-ю запись Пушкина полностью:

«1. О святках молодые люди играют игрища, идут в пустую избу. Один из них говорит: “Чёрт, жени меня”. Чёрт

выходит из-за печки, соглашается — женить. Невеста — дочь, проклятая отцом и матерью. Молодые едут в чужой город, заживают домком. Раз видят двух нищих, старика со старухой, и несут они младенца, что ни пьёт, ни ест уж 30 лет. Молодые зовут их, жена топором разрубает младенца, и вываливается оттуда осиновый чурбан. Она открывает им, что она их дочь.

2. В том же роде. Жених пропадает три года; невеста его узнает, что должно в лесу в пустой хижине три ночи ночевать, дабы достать его. Находит хижинку, около неё ходит; слышит голос его, но не видит входа. Видит ход чертей, между ими и он на гудке играет. Хижинка открывается (стукот), она видит там кучу змей, бросается туда — то был хворост, и проч.

3. Мать, рассердясь на сына, ему: “Лукавый тебя по-бери”. Мальчик исчезает. Тоже слышит его голос в бане, читая воскресную молитву (“Да воскреснет Бог”), она туда, а плачут в риге, у пруда. “Господи, — говорит она, — прости моё согрешение!” — Мальчик тут. — “Я был там и там... и огни, и много их”, и проч.».

Третий и первый сюжеты легли в основу наших «Святочных сказок Арины Родионовны» с конкретизацией деталей, но без коренных изменений, с такими же добрыми концами. Сказка погружает читателей в мир пушкинского детства, когда няня во время Святок рассказывает на ночь сказки своим подопечным — Саше, Оле и Лёвушке Пушкиным.

Поскольку записи Пушкина очень краткие, нами было отчасти учтено содержание родственных сказок из книги «Сказки и легенды пушкинских мест». По поверьям, бесы забирают проклёныша, а вместо него с родителями живёт его бездушный двойник, которого вернувшийся проклёныш должен ударить топором крест-накрест, и тогда двойник превращается в осиновый чурбан. Например, в сказке «Проклятая невеста» красивая девушка появляется перед молодцем, вылезая из подпола, и он соглашается на ней жениться, а после свадебного застолья происходит следующее: «Вот она легла с мужем, полежали; она спрашива-

Дмитриева Л.В. К «Святочным сказкам Арины Родионовны»

ет: “А где у вас топор? Да ты, говорит, не бойся, скажи, где топор?” Он сказал. Она встала и ушла. Потом прошло несколько время — пришла и легла с мужем. Слышат: в деревне крик, вопль. Он говорит: “Что это такое? Пойдём, послушаем”. Она говорит: “Пойдём”. Встали, пошли в дом, где шум. Видят, расслабленная девица лежит в крови с отрубленной головой. Новобрачная схватила топор и ударила по трупу крест-накрест — и тогда он обратился в осиновый чурбан. Она сказала матери (это была её мать): “Ты не плачь об этом чурбане, а ты бы плакала обо мне: как ты меня проклала, а я сколько лет жила у нечистых, а вот молодец меня избавил!”»

В нашей сказке подобные «кровавые» подробности, конечно, опущены: проклятую невесту бесы сразу переносят в избу к будущему жениху, а младенец, заместивший проклёныша-дочь родителям, оказывается осиновым чурбаном, который засевший в нём бес покидает после удара топором. Причём бес мучил именно родителей, поскольку после таинства венчания молодница больше неподвластна нечистой силе.

Второй нянин сюжет записан Пушкиным очень кратко, схематично. Из конспекта не ясна причина, почему жених попал в плен к бесам и пропал, откуда невеста узнаёт, как вызволить жениха, во что превращаются бесы во вторую и третью ночь. Поэтому при разработке сюжета нашей сказки «Пропавший жених» использованы некоторые идеи из других русских народных и европейских сказок и сказаний о помощи православных святых, которые являются людям в трудную минуту.

Имя главной героини — невесты Анфисы — выбрано не случайно, оно греческого происхождения и означает «цветущая». Это символ её душевной и внешней красоты. Имя жениха Анфим — парное к Анфисе. В исходной няниной сказке, возможно, жених был проклят родителями. А в нашей сказке Анфим соблазняется добычей — лисой, но охотится безуспешно и ругается с упоминанием нечистой силы (как бы сам себя прокликает), после чего лиса превращается в бесовку, зачаровывает его и уводит в плен.

Каримова Аделина. 13 лет. Анфиса идёт за водой

Источником здесь является образ лисы в сказках и поговорках как плутовки, обманщицы, коварной бестии («Лиса семерых волков проведёт»).

Красавица Анфиса отказывает всем, кто к ней сватается, молится о пропавшем Анфиме, ищет его, избегая праздничных гуляний с подружками. Святой старец-монах открывает ей, как спасти жениха: надо трижды переночевать одной в лесной избушке, взяв с собой святую воду, топор и в третий раз кошку. Всё происходит в Страстную неделю накануне Пасхи. Девушка обращается с молитвой к святым, которые помогают изгонять бесов: святителю Николаю Чудотворцу, Пантелеимону Целителю и Никите Бесогону. После молитвы у лесной избушки появляются окна и дверь. В первую ночь Анфим из горницы пропадает, а малые бесы, танцевавшие под игру Анфима на гудке (струнном смычковом народном инструменте), превращаются в хворост, которым Анфиса топит печь. Во вторую ночь матёрые бесы превращаются в поленья, которые она рубит топором и сжигает в печи, а в третью ночь в избушке пляшут развязные бесовки, которые превращаются в крыс. Тут наступает черёд кошки, она их уничтожает, подобно тому, как Кот в сапогах из известной французской сказки Шарля Перро ловит и загрызает превратившегося в мышь людоеда. В русских сказках кот и кошка порой выручают других героев (например, петушка из пасти лисы в сказке «Кот и петух»), в народных песнях они соотносятся со свадебными приметами, как «Кошурка», упоминаемая Пушкиным в «Евгении Онегине». В сказках также встречается отрицательный образ крысы как пособницы зла, нечистой силы. Особенно крыс не любили в Западной Европе, да и на Руси их не жаловали, в отличие от кошек, которых всегда ценили, в первую очередь, за умение уничтожать вредных грызунов.

У нашей сказки, разумеется, счастливый конец: на третью ночь Анфим остаётся лежать в избушке, кропя его святой водой, Анфиса окончательно освобождает жениха от бесовских чар, он кается в своём грехе, они вместе радостно встречают Пасху. Утром пойманные кошкой крысы

превращаются в фиалки (эта идея почерпнута из сказки Андерсена «Дикие лебеди»), а опустевшая бесовская избушка исчезает. Жениху и невесте является святой старец, который их благословляет на брак. На Красную горку молодые венчаются и далее живут в совете и любви.

Вот такими добрыми и поучительными (но без назойливой назидательности) получились сказки по мотивам сюжетов Арины Родионовны о проклёнышах. Сказки написаны классическим рифмованным четырёхстопным хореем, как и большинство сказок А.С. Пушкина.

Сказка по мотивам записи о царевице-кузнеце

Пушкинская запись № 5 включает в себе довольно сложный сюжет волшебной сказки с элементами авантюрных приключений главного героя. Отдельные места конспективны и не совсем ясны, а другие, особенно диалоги героев, записаны достаточно подробно. Наша «Сказка о Петре-царевице» сочинена по мотивам этой записи со значительными изменениями и дополнениями из других источников. Написана сказка классическим рифмованным четырёхстопным хореем, причём части с парной, перекрёстной и охватной рифмовкой чередуются, разнообразя ритм этого довольно объемного произведения.

Наша сказка ориентирована на семейные ценности, с чем и связан ряд изменений сюжета. Например, в няинной сказке героиней является злая царица-мать, которая изменяет мужу, ссорится с ним и приказывает повару зарезать собственного новорожденного сына. Такое вот кошмарное начало. В нашей сказке вместо одной героини появляются две: кроткая красавица царица Алёна и её злодейка — завистливая наперсница и ворожея Каина, которая «наследует» все отрицательные черты и поступки царицы из няинной сказки. Имена, конечно, выбраны не просто так. Сказки про сестрицу Алёнушку, Алёну (Елену) Прекрасную имели широкое распространение на Руси. Имя Каина — женский вариант имени библейского злодея Каина, коварного убийцы своего брата Авеля.

Герасимова Полина. 8 лет. К «Сказке о Петре-царевиче»

Основные сюжетные линии заимствованы, конечно, из няниной сказки. Вот цитата из 5-й записи: *«Младенец уговорил повара принести вместо своего собачье сердце, а подменить кузнецкого сына. Молодой царевич собирает маленькую шайку, ребята признают его царём, ибо по его велению берёза преклонилась, а лягушки замолкли»*. В нашей сказке царевич-кузнец именуется Петром в честь российского императора Петра I, который владел многими ремёслами. Собирает царевич не шайку, а дружину, ребята вырастают и становятся защитниками своего села и окрестностей по аналогии с 33 богатырями в «Сказке о царе Салтане...». Растёт Пётр не один, а вместе с любимым названным братом Иваном, настоящим сыном кузнеца. В няниной сказке царь вместо своего растит именно кузнецкого сына, а как произведён обмен детей, неизвестно. Нам такая замена показалась банальной.

Царевич Пётр обладает чудесными способностями: наследует от матери знание языка зверей и понимает иностранные языки. Пётр и Иван становятся искусными кузнецами. Пётр умеет общаться с лошадьми и так ловко

подковывает их, что они стоят спокойно, их не надо жёстко удерживать. Это взято из жизни: так подковывал лошадей мой дед Алексей Спиридонович Егоров, кузнец по профессии (отсюда и имя героя сказки, названного отца Петра). В селе говорили, что мой дед якобы знал «волшебное слово», понятное лошадям. Это мне рассказывал родной дядя Иван, который в детстве наблюдал, как подковывал лошадей Алексей Спиридонович.

Как и в 5-й записи няниного сюжета, в нашей сказке государь узнаёт, что Петра называют в селе царём, приезжает и начинает его испытывать, задавая разные задачи, часть из которых взята в нашу сказку почти в неизменном виде, а другая часть значительно изменена: *«Приезжай же ко мне завтра ни верхом, ни пешком, покажи мне своего друга и недруга и принеси мне дар, которого я бы не взял»*. Кузнец приезжает на козле, приносит ястреба под блюдом и приводит жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьёт — она его бранит и убегает, собаку бьёт, та визжит и к нему ласкается. Царь догадывается, что кузнец умён умом сыновним. Призывает его и едет с ним и со своим мнимым сыном прогуливаться. Подъезжают к сосновой роще. *«Что б из неё сделать, мой сын?»* — спрашивает царь. — *«Да наковальню»*, — отвечает *«царский»* сын. *«А ты, кузнец?»* — *«Терема царские»*. Видят еловую и берёзовую — тот же вопрос. Ответы в том же духе. — Царь привозит кузнецова сына домой. Мать его в него влюбляется. Новый Иосиф, он убегает и притворяется дурачком. Погонщики его настигают, он... ест и вшей бьёт. — *«Что ты делаешь?»* — *«Убавляю и прибавляю и недругов побеждаю»*. Не узнав его, оставляют».

В «Сказке о Петре-царевиче» его врагом является матёрый волк, которого он бьёт в наказание. Место царицы-матери занимает коварная мачеха Каина, которая после смерти царицы Алёны обвораживает царя и женит его на себе. Аналогия с библейским прекрасным Иосифом, в которого влюбилась развратная жена его хозяина, остаётся в силе, но в нашей сказке такое сравнение излишне, поэтому опущено.

Каримова Аделина. 13 лет.
Царица Алёна у колыбели сына

Далее Пётр возвращается во дворец не нищим, как в нянинном сюжете, а шутом, чтобы под этой личиной проучить мачеху. Спасшая его в младенчестве повариха Маня, его крёстная, открывает ему, что он царский сын. Его жена, искусница и золотошвейка Катерина, шьёт ему шутовской наряд. Однако Пётр разоблачён новым любовником мачехи купцом Шелковниковым. Царевича-кузнеца осуждают на виселицу. Дальше многое (но не всё) соответствует ня-

Деньжонкова Арина. 16 лет. Пётр-царевич и лесовичок

Деньжонкова Арина. 16 лет.
Царевич с рожком и купец Шелковников на эшафоте

ниному сюжету: «Царь и царица едут смотреть казнь королевича. Он хохочет. “Чему?” — да тому, что передние колеса едут за лошадьё, а задние-то за чем? (*allusion à la reine que suit le roi*). [Намёк на царицу, которая следует за царём (*франц.*)]. Приезжают. Царевич просит позволения играть на рожке. Рать его вооружается, ступает на ступень, на другую, на третью, и <он> всё играет в рожок, наконец, опять хохочет. — “Чему, дурак?” — “Сам ты дурак: взгляни, как мои голуби твою пшеницу клюют”. — и проч. На шёлковой виселице вешает он сводника, купца Шелковникова...»

В записи № 5 ничего не говорится о том, откуда у царевича взялся рожок. В «Сказке о Петре-царевиче» главный герой играет на волшебном рожке, который получает в отрочестве в дар от старичка-лесовичка за спасение от нападения лисицы. Лесовичок — популярный персонаж русских сказок, своего рода маленький добрый леший, который помогает людям.

Злодей купец Шелковников в финале нашей сказки сам неуклюже повисает на им же приготовленной царевичу петле, а мачеха умирает от потрясения: узнав в Петре царского сына, что подтвердил его крестик с государевым клеймом, она падает с высокого трона и разбивается насмерть. Конец получился без насильственной смерти для отрицательных героев, как и в «Сказке о царе Салтане...». А положительные герои дальше живут счастливо, и их государство процветает при мудром правлении царя Петра с царицей Екатериной.

И эта сказка «добрым молодцам урок» без докучной назидательности.

Елена Егорова

Словарь редких и устаревших слов

Амбар — хозяйственное строение для хранения зерна, муки, иногда других товаров.

Барыня — русский народный танец.

Басурман — человек не православной веры, иноверец.

Батист — тонкая мягкая хлопчатобумажная ткань.

Бесы — бесплотные существа более высокого ранга, чем черти, злые духи, бывшие некогда светлыми ангелами, но возгордившиеся и во главе с сатаной восставшие против Бога, за что были низвержены с Неба на землю.

Брашно — кушанье, блюдо за столом, угощение.

Вороной, враной (о лошади) — чёрной масти, чёрного окраса (как ворон).

Ворог, вражина — враг.

Гильдия — союз купцов, ремесленников, игроков и т.п., первая гильдия объединяла самых богатых купцов.

Грош — здесь: мелкая монета; но в разное время в разных странах грош был монетой как малого, так и большого достоинства, серебряной, медной, из сплава серебра и меди, в конце XVIII века грош приравнялся в России к двум копейкам, в XIX веке практически вышел из употребления.

Гудок — древнерусский смычковый трёхструнный инструмент, имеет деревянный выдолбленный кузов овальной или грушевидной формы и плоскую деку с отверстиями.

«Да воскреснет Бог...» — христианская молитва Кресту Господню о защите от нечистой силы.

Детина — рослый и сильный молодой мужчина.

Дроги — длинная телега без кузова, передок и задок которой соединены продольными брусками.

Дрожки — легкий открытый рессорный экипаж на одного-двух человек.

Допрежь — прежде, до.

Захолустный — расположенный в глуши.

Зреть — видеть.

Зыркать — бросать взгляд, искать взглядом.

Истукан — статуя, скульптурное изображение языческого божества, в переносном смысле — бесчувственный человек, равнодушный к окружающему.

Исчадьё — порождение.

Иуда (нарицательное) — предатель, подлец (по имени апостола Иуды, предавшего Христа).

Кадушка — кадка, небольшая бочка, деревянная ёмкость для заготовки впрок солений, квашений, мочений либо для воды в бане, кадушки изготавливались из досочек, стянутых обручами.

Каламбур — игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначащих слов или словосочетаний.

Канон — молитвы, песнопения, церковное установление, совокупность норм и правил; ставить свечи на канон означает ставить на подсвечник у образа (обычно праздничного, поставленного на аналой) либо у креста (при поминании об упокоении), перед которым совершается канон.

Козни — тайные и злые умыслы, направленные против кого-либо.

Кочет — петух.

Крамола — измена, лукавые замыслы, возмущение, мятеж, смута, восстание.

Красная горка — народный весенний праздник, который проводят в следующее после Пасхи воскресенье; по поверью, справлять свадьбу в этот праздник особенно благодатно.

Кручина — тоска, печаль.

Кум, кума — крёстный отец (крёстная мать) сына или дочери, а также отец (мать) крестника (крестницы).

Лик — лицо.

Лицедей — актёр.

Лукавый — именование сатаны, дьявола, демона (предводителя злых сил) в христианстве, в другом смысле прилагательное, означающее хитрый, подлый, обманный, лживый, двусмысленный.

Матёрый — взрослый, опытный.

Мастак — мастер.

Меды — алкогольные напитки разной крепости, основным сырьем для которых является мёд; на Руси меды были слабоалкогольными.

Молодуха — молодая жена в течение года или нескольких первых лет после свадьбы.

Мощи — нетленные останки святых, сохраняющие дарованную им благодать.

Мыза — отдельно стоящая усадьба с собственным хозяйством, поместье в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях, Прибалтике, Финляндии.

Нелюдь — злодей, подобный зверю, лишённый каких-либо добрых человеческих качеств.

Непраздна (о женщине) — беременна.

Нечисть — нечистая сила, потусторонние злые духи (бесы, черти, оборотни и тому подобные существа).

Никита Бесогон — великомученик Никита, святой, живший в Римской империи в IV веке и сожжённый на костре за исповедание христианства; ему молятся об изгнании бесов и освобождении от бесовских прельщений.

Никола Чудотворец — святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских (на территории современной Турции); почитается как чудотворец; ему молятся во многих нуждах, в том числе об изгнании бесов.

Оброк — натуральный или денежный сбор с зависимых людей в пользу хозяина, при крепостном праве взимался с крестьян их владельцами.

Оконница — оконный переплет в виде металлической решетки со слюдяным или стеклянным заполнением.

Орнамент — узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов.

Отродье — потомство как порождение злого начала.

Пантелеймон — святой великомученик и целитель Пантелеимон, живший в Малой Азии, казнённый в начале IV века за исповедание христианства; ему молятся об исцелении от недугов, в том числе душевных.

Паче — сильнее, больше.

Паяц — шут.

Пень стоеросый — глупец, тупица.

Плащаница — полотно, простыня, погребальная пелена, а также церковная пелена с изображением погребения Иисуса Христа после распятия, по богослужебному чину выносятся на поклонение в Страстную Пятницу и вносятся обратно в алтарь вечером Страстной Субботы; в обязательную церковную утварь входит также плащаница с изображением Успения Пресвятой Богородицы, выносимая из алтаря для поклонения на этот праздник.

Плевелы — сорные злаковые растения.

Плис — хлопчатобумажная ткань с ворсом («бумажный» бархат), получившая распространение с XVII века, из плиса шили недорогую верхнюю одежду и сапоги.

Погань — мерзкий, гадкий человек или предмет.

Под мухой — выпивши, под хмельком.

Подблюдное гаданье — один из самых ярких видов святочных гаданий, основанный на принципе вытаскивания жребия-предмета из под блюда.

Покамест — пока, до настоящего времени.

Полати — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

Пострел — ловкий озорник, сорванец.

Почивальня — спальня.

Почивать — спать, отдыхать.

Почить — умереть, в другом значении — уснуть.

Приданое — имущество и деньги, выделяемые невесте её семьёй при вступлении в брак.

Радивый — усердный, старательный, трудолюбивый.

Балконская Василиса. 14 лет. Царевич спасает лесовичка

Разговеться — поесть непостной пищи впервые после поста.

Рига — большой сарай для сушки снопов и обмолота.

Рогожа — грубая хозяйственная ткань, которая первоначально производилась из волокон растения рогоз (отсюда и название), а позже и из лыка (мочала), из рогожи изготавливались кули, мешки, половики, рабочая одежда.

Сбруя — набор предметов, предназначенных для запряжки и седлания лошади.

Сбитень — восточнославянский горячий напиток из воды, мёда и пряностей, лечебных трав.

Святки — праздничные дни от Рождества Христова до Крещения Господня.

Сеновал — крытое помещение для хранения сена.

Сморчок — вид грибов с пористой сморщенной шляпкой.

Снедь — пища, яства.

Статская дама — первостепенный женский придворный чин.

Страстная Седмица — неделя перед Пасхой, когда на богослужениях в храмах вспоминают смертные мучения (страсти) Иисуса Христа.

Суженый — жених.

Супостат — противник, недруг.

Тать — вор, разбойник, преступник.

Трактир — недорогая придорожная гостиница или постоялый двор с харчевней.

Трапеза — в традиционной русской культуре акт совместной еды и питья, форма бытового и социального общения между людьми.

Трепак — русский народный танец с дробным притопыванием.

Троеперстие — сложение пальцев правой руки, когда мизинец и безымянный пальцы поджаты, а три остальных соединены; используется для крестного знамения верующими Русской Православной Церкви с середины XVII века.

Трындычиха — болтушка, любительница потрындеть.

Тюфяк — матрац, набитый соломой, мочалом, шерстью, обычно простеганный и предназначенный для постели.

Узреть — увидеть.

Утроба — живот, брюхо, чрево.

Ушлый — опытный, смыслённый, хитрый и ловкий в делах.

Фазан — крупная птица из отряда куриных с ярким оперением.

Хандра — тоска, уныние.

Хворост — сухие опавшие сучья или ветки.

Чепрак — мягкая подстилка под седло, часть сбруи.

Червонец — золотая монета, достоинство которой зависело от её веса.

Чернец — монах, инок.

Чёрт — злой дух рангом ниже беса, адское зловредное существо, которое изображается с рогами, рылом, хвостом и копытами на ногах; в художественной литературе бес и чёрт, как правило, не различаются.

Чертоги — дворец, богатый дом, палаты.

Чечётка — танец, основанный на чётком отбивании ритма стопами.

Шафер — лицо, состоящее при женихе или невесте в свадебной церемонии.

Эшафот — возвышение, помост для казни.

Яства — кушанья, блюда.

Упоминаемые географические названия

Болдино (Большое Болдино), имение и усадьба Пушкиных в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, ныне усадьба входит в состав Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино».

Вязёмы, имение князей Голицыных, село, ныне посёлок Большие Вязёмы в Одинцовском городском округе Московской области; в усадьбе в 1987 г. открыт Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина.

Гатчина, город в Санкт-Петербургской губернии (ныне районный центр Ленинградской области), в котором располагалась возведённая во второй половине XVIII века царская резиденция, ныне Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина».

Захарово, подмосковное сельцо и усадьба М.А. Ганнибал в 1804–1810 гг., ныне в Одинцовском городском округе Московской области, в составе Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Кобрино, деревня в Петербургской губернии, ныне в Гатчинском районе Ленинградской области, в 50 км от Петербурга, четвёртая часть деревни с угодьями принадлежала Н.О. Ганнибал в конце XVIII — начале XIX века.

Михайловское, сельцо, родовое имение Ганнибалов в Псковской губернии (ныне в Пушкиногорском районе Псковской области в составе Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское»).

Москва, первопрестольная (до 1712 г.) и современная столица России (с 1918 г.), самый крупный город Российской Федерации.

Псков, исторический город на северо-западе России, административный центр Псковской губернии (ныне области), которая занимала земли вокруг берегов Финского залива, Ладожского и Чудского озёр.

Санкт-Петербург, исторический город на северо-западе России, основан в 1703 г. императором Петром I, с 1712 по 1918 г. столица Российской империи, именовался Петроградом (1914–1924 гг.), Ленинградом (1924–1991 гг.), ныне центр Ленинградской области, второй по численности населения и значению город Российской Федерации.

Санкт-Петербургская губерния, административно-территориальная единица Российской империи в 1708–1914 гг., затем до 1924 г. Петроградская и до 1927 г. Ленинградская губерния, ныне Ленинградская область.

Суйда (Воскресенское), село в Санкт-Петербургской губернии (ныне посёлок в Гатчинском районе Ленинградской области), имение А.П. Ганнибала (с 1759 г.), где родилась и выросла Арина Родионовна, ныне там работает музей.

Тригорское, имение П.А. Осиповой в Опочецком уезде Псковской губернии, в 3 км к западу от сельца Михайловского, ныне в составе Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Царское Село, загородная императорская резиденция и город (с 1808 г.) в Приневской низине в 24 км от Санкт-Петербурга, ныне г. Пушкин, административно подчинённый г. Санкт-Петербургу, крупный туристический, научный, учебный и военно-промышленный центр, дворцово-парковый ансамбль входит в состав Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село».

Упоминаемые исторические лица

Алексей Никитич (1791–1841), крепостной сельца Захарова, сын Никиты Андреевича, муж с 1805 года Марии Фёдоровны, дочери Арины Родионовны.

Апраксин Фёдор Алексеевич (1733–1789), граф, владелец Суйдинской мызы до 1759 г., до этого времени семья Арины Родионовны была у него в крепостной зависимости.

Арина Родионовна (1758–1828), крепостная М.А. Ганнибал, няня и кормилица О.С. Пушкиной, няня Л.С. Пушкина и А.С. Пушкина.

Вульф Алексей Николаевич (1805–1881), сын П.А. Осиповой от первого брака, друг А.С. Пушкина.

Вяземский Пётр Андреевич (1792–1878), русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель, друг А.С. Пушкина.

Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (1697–1781), русский государственный деятель, военный инженер, генерал-аншеф, крестник Петра I, прадед А.С. Пушкина по линии матери.

Ганнибал Иван Абрамович (1736 или 1737–1801), русский военный деятель, генерал-поручик, герой сражения при Наварине (1770), в Чесменском сражении (1770) управлял огнём всей морской артиллерии и способствовал победе, строитель и командир крепости в г. Херсоне, двоюродный дед А.С. Пушкина, крёстный отец Н.О. Пушкиной.

Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818), дочь А.Ф. Пушкина, жена О.А. Ганнибала (с 1773 г.), бабушка А.С. Пушкина по линии матери.

Ганнибал Осип (Януарий) Абрамович (1744–1806), сын А.П. Ганнибала, служил в морской артиллерии (капитан 2-го ранга), дед А.С. Пушкина, с женой М.А. Ганнибал жил в разъезде с 1776 г., вторично женился в 1779 г. на У.Е. Толстой, брак признан незаконным и официально расторгнут в 1781 г.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт, переводчик «Илиады» Гомера, член Российской академии, был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 г.

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), барон, русский поэт, критик, журналист, издатель, близкий лицейский друг А.С. Пушкина.

Егор Фёдорович (1782—?), старший сын Арины Родионовны.

Екатерина II Великая (1729–1796), русская императрица в 1762–1796 гг.

Жуковский Василий Андреевич (1793–1852), выдающийся русский поэт, критик, переводчик, с которым А.С. Пушкин встречался в детстве, впоследствии близкий друг великого поэта.

Ирина Кирилловна, родная тётя и крёстная Арины Родионовны.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, историк, автор «Истории Государства Российского».

Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851), урождённая Колыванова, жена Н.М. Карамзина с 1804 г., впоследствии преданный друг А.С. Пушкина.

Козлов Никита Тимофеевич (1778 — не ранее 1858), крепостной камердинер С.Л. Пушкина, дядька А.С. Пушкина в детстве и позднее его камердинер, был грамотным, писал стихи на темы народных сказок.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец, драматург.

Ларион Кириллович, родной дядя и крёстный Арины Родионовны.

Лукерья Кирилловна (ок. 1730 — 1796/7), крепостная в с. Суйда, мать Арины Родионовны.

Мария Фёдоровна (1789–1858), младшая дочь Арины Родионовны, жена Алексея Никитича.

Надежда Фёдоровна (1787 — не позднее 1833), старшая дочь Арины Родионовны, жена Н.Т. Козлова.

Никита Андреевич (около 1766 — не ранее 1834), зажиточный крестьянин сельца Захарова, ратник Московского ополчения 1812 года, награждённый памятной серебряной медалью, отец Алексея Никитича.

Николай I Павлович (1796–1855), российский император в 1825–1855 гг.

Осипова Прасковья Александровна (1781–1859), урождённая Вындомская, в первом браке Вульф, помещица сёл Тригорское Опочецкого уезда Псковской губернии и Малинники Старицкого уезда Тверской губернии, друг А.С. Пушкина.

Павел I Петрович (1754–1801), российский император в 1796–1801 гг.

Павлищев Лев Николаевич (1834–1915), российский чиновник, писатель-мемуарист и журналист, автор воспоминаний об А.С. Пушкине, который ему приходился родным дядей.

Павлищев Николай Иванович (1795–1863), учёный, переводчик, сенатор, муж О.С. Пушкиной.

Пётр I Алексеевич Великий (1672–1825), русский царь в 1682–1721 гг., российский император в 1721–1725 гг.

Пётр Полуэктович (1692/6 – 1772), приёмный отец Родиона Яковлевича, отца Арины Родионовны.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Пушкин Алексей Фёдорович (1717–1777), прадед А.С. Пушкина по линии матери (отец М.А. Ганнибал), внук стольника Петра Петровича Пушкина (1644–1692), прадеда поэта по отцовской линии и прапрадеда по материнской линии, липецкий помещик.

Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852), брат А.С. Пушкина, воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее

Гречкина Кира. 16 лет. Пушкин, Языков и няня в Михайловском

Черепко Светлана. 13 лет. А.С. Пушкин и няня за чаепитием

(1814–1817) и Благородного пансиона при Петербургском университете (1817–1821, курса не окончил), впоследствии капитан Нижегородского и Финляндского драгунских полков, служил в Министерстве внутренних дел, в Одесской портовой таможне; А.С. Пушкин любил и опекал его.

Пушкин Михаил Сергеевич (1811–?), брат А.С. Пушкина, умер в младенчестве.

Пушкин Николай Сергеевич (1801–1807), брат А.С. Пушкина.

Пушкин Павел Сергеевич (1810–1810), брат А.С. Пушкина.

Пушкин Платон Сергеевич (1817–1819), брат А.С. Пушкина.

Пушкин Сергей Львович (1767–1848), отец поэта, капитан-поручик Егерского полка до 1797 г., в 1802–1814 гг. служил в Комиссариатской комиссии в Москве, затем до 1817 г. — в Варшаве, статский советник, увлекался литературой, театром, писал стихи.

Пушкина Надежда Осиповна (1775–1836), мать А.С. Пушкина, внучка А.П. Ганнибала, жена и троюродная племянница С.Л. Пушкина.

Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868), в замужестве Павлищева, старшая сестра А.С. Пушкина.

Пуцин Иван Иванович (1798–1859), декабрист, выпускник Царско-сельского лицея, однокурсник и близкий друг А.С. Пушкина.

Родион Яковлевич (1728–1768), крепостной в с. Суйда, отец Арины Родионовны.

Симеон Родионович (1755–?), крепостной в с. Суйда, старший брат Арины Родионовны.

Стефан Фёдорович (1797/8–?), младший сын Арины Родионовны.

Толстая (Толстых) Устинья Ермолаевна, урождённая Шишкина, новоржевская помещица, вторая (незаконная) жена О.А. Ганнибала.

Ульяна Яковлевна (около 1767–1811), крепостная Пушкиных, няня А.С. Пушкина в 1799–1805 гг.

Фёдор Матвеевич (1756–1801), крепостной М.А. Ганнибал, супруг Арины Родионовны.

Шварц Дмитрий Максимович (1797–1839), чиновник, одесский знакомый А.С. Пушкина.

Языков Николай Михайлович (1803–1846), поэт, друг А.С. Пушкина.

Сказочная галерея

Рис. Юхариной Варвары. 16 лет

Чирко Лидия. 8 лет.
Святочные сказки

Фаткулина Ралина. 12 лет.
Нянины сказки

Бадамшина Эвелина. 14 лет.
Сказки перед сном

Марданова Альмира. 12 лет.
Сказка о коте учёном

Ковалева Ярослава. 13 лет.
«Зажигает няня свечки...»

Карташева Варвара. 12 лет.
«Саша трёт ладошкой глазки...»

Латыева Дарья. 13 лет.
Нянины сказки

Деменчук Валерия. 11 лет.
«Я боялся — упаду...»

Орлова Мария. 15 лет.
«Слышит, плачет у пруда...»

Меркина Александра. 13 лет.
«А кругом огни, огни...»

Туманова Елизавета. 12 лет.
Бесы унесли Ваню к пруду

Бамбурова Марина. 14 лет.
Ангел спас Ваню

Акладская Злата. 14 лет.
«Дар счастливый дал ей Бог...»

Дорофеева Вера. 9 лет.
Царица Алёна и зверушки

Лазарева Ксения. 14 лет.
«Преподносит хлеб да соль...»

Мусиенко Софья. 15 лет.
Пётр-царевич в кузнице

Лукоянова Лилия. 12 лет.
Царь с царицей

Халикова Диана. 12 лет.
«Молодцы дивятся все...»

Логвинова Елена. 14 лет.
«Царь решил оставить царство...»

Антонова Екатерина. 11 лет.
«Чтоб за хвост кота
схватить...»

Карпова Диана. 15 лет.
Повариха Маня спасает царевича

Ларина Анна. 13 лет.
Конь царевича Петра

Власова Дарья. 14 лет.
«Добрый ангел меня спас...»

Колушева Полина. 13 лет.
Пётр-царевич и животные

Аницаева Варвара. 11 лет.
Царица Алёна на прогулке

Шкиль Денис. 14 лет.
Анфиса и Анфим

Пупышева Анастасия.
12 лет. Анфиса прядёт

Павлова София. 11 лет.
«Вы, подружки, не зовите...»

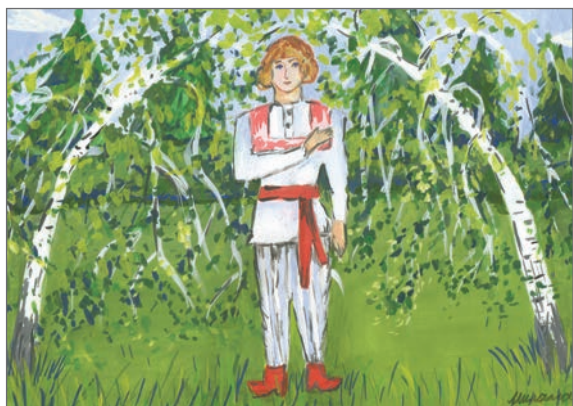
Наумов Евгений. 13 лет.
Лесовичок дарит Петру рожок

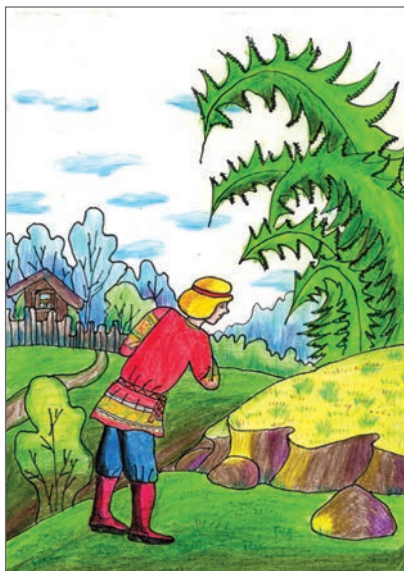
Ямщиков Вадим. 13 лет.
Пётр играет на рожке

Коновалова Валерия. 11 лет.
«Квакают в реке лягушки...»

Парамонова Милана. 12 лет.
«Все берёзы поклонились...»

Кулевская Есения. 10 лет.
«Тоже елям поклонился...»

Мазурина Полина. 11 лет.
Свадьба Ивана и Насти

Орешкина Софья. 11 лет.
Пётр в образе шута

Иванова Софья. 15 лет.
Анфиса видит танец бесов

Захарченко Ангелина. 12 лет.
«По селу идёт Анфиса...»

Минкина Сафина. 12 лет.
Царь и шут

Сурина Дарья. 11 лет.
«На куклу сыграем тогда...»

Резникова Варвара. 14 лет.
Иван и Анастасия

Волкова Вероника. 12 лет.
«И игра закипела...»

Закирова Аделина. 12 лет.
«Расплясались бесы рьяно...»

Рожко Вероника. 11 лет.
Игра в дурачки с бесом

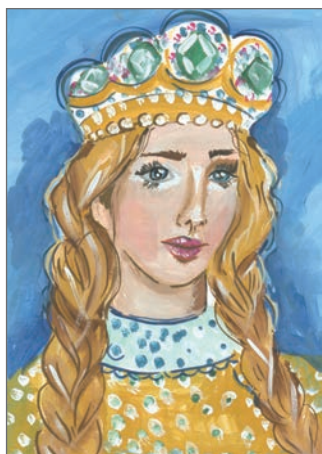
Нуралиева Оиша.
9 лет

Антонова Екатерина.
11 лет

Столяр Артём.
9 лет

Зиновьева Елена.
11 лет

Халикова Диана.
12 лет

Аминова Мария.
11 лет

Бибенина Арина.
11 лет

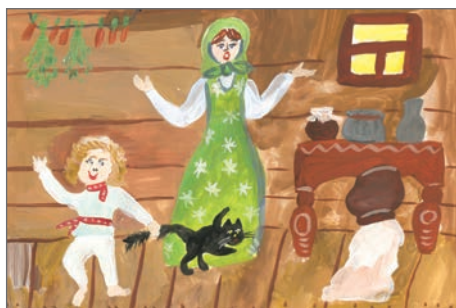
Белокурова Софья.
11 лет

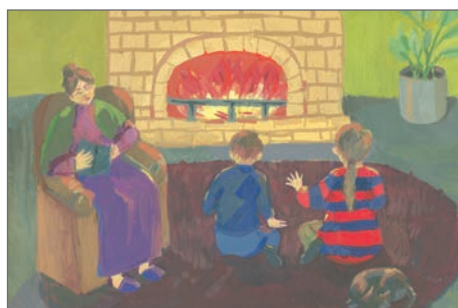
Валеева Диляра.
12 лет

Катырева Анна. 9 лет

Костоусова Анна. 8 лет

Латыпова София. 10 лет

Логунова Елизавета. 9 лет

Сорокина Арина. 9 лет

Порфирьев Кирилл. 9 лет

Юнусова Яна. 11 лет

Петров Артём. 9 лет

Панфилов Вячеслав. 12 лет

Панфилов Денис. 12 лет

Семенчук Данила. 9 лет

Лисицына Софья. 10 лет

Якупова Яна. 12 лет

Бакатова Акси́нья. 9 лет

Надрокóв Евгений. 12 лет

Гóдунова Милана. 9 лет

Сычева Татьяна.
12 лет

Сердюкова Полина.
9 лет

Савина Алиса.
11 лет

Коренькова Варвара.
8 лет

Фомиченко Кира.
9 лет

Павлова София.
11 лет

Шадыбаева Венера.
12 лет

Аниськова Мария.
9 лет

Панфилова София.
9 лет

Дубровкина Дарина.
10 лет

Дубровкина Кира.
10 лет

Коновалова Ксения.
9 лет

Ткачева Полина.
11 лет

Кутакова Полина.
14 лет

Хилинина Полина.
11 лет

Петухова Анна.
9 лет

Штыров Захар.
8 лет

Ребакин Александр.
17 лет

Кривonos Надежда.
11 лет

Ручьёва Мария.
9 лет

Плесовская Таисия.
10 лет

Маинская Татьяна.
11 лет

Кокшарова Милана.
13 лет

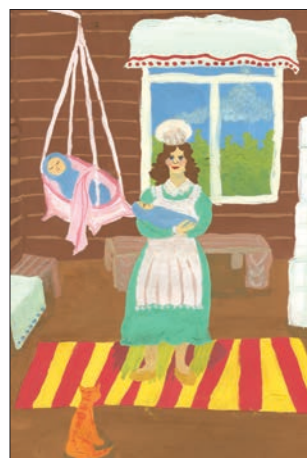
Раджабова Самира.
13 лет

Оренбуров Владислав.
13 лет

Исломова Фаришта.
11 лет

Андреева Софья.
14 лет

Всероссийский конкурс юных иллюстраторов «Неизвестные сказки няни Пушкина»

Конкурс проведён в сентябре — декабре 2023 года в рамках одноимённого проекта МООБО «Общество «Семь Я», Литературным объединением «Угреша» имени Я.В. Смелякова, Государственным музеем-заповедником А.С. Пушкина «Болдино», Московской губернской универсальной библиотекой и другими партнёрами. Проект поддержан Фондом-оператором президентских грантов по результатам 2-го конкурса 2023 года.

В конкурсе участвовало не менее 1090 школьников. На всероссийский этап номинированы 286 юных художников из 23 населённых пунктов России. Они представили на конкурс 572 иллюстрации, из них 522 цветные и 50 монохромные. В настоящей книге опубликованы 308 лучших иллюстраций 186 юных художников. Возрастная структура участников всероссийского этапа такова: 7-8 лет — 4%, 9-10 лет — 21%, 11-12 лет — 36%, 13-14 лет — 27 %, 15-17 лет — 12%.

Юные художники рисовали с любовью к нашему великому поэту и его няне Арине Родионовне. Многие иллюстрации отличаются оригинальностью и точно передают содержание и ключевые образы сказок и очерков. Участвуя в проекте, школьники значительно улучшили свои знания в области русских народных сказок и литературных сказок А.С. Пушкина, узнали много нового о няне Арине Родионовне, о её роли в воспитании великого поэта, его брата и сестры и о сказках няни.

Представленным работам членами конкурсной комиссии присвоены творческие уровни от 1-го (высшего) до 4-го (низшего). 1-й уровень получили 37% работ, 2-й уровень — 40%, 3-й — 19%, 4-й — 4%. Средний уровень составил 1,9.

Главного приза удостоена **Елена Хадж-Шейхмус**.

Призовые места заняли следующие участники.

Номинация «Цветная книжная иллюстрация»

1-е место:

Говоров Евгений, Капралова Мария,

Махмутарзинова Диана,

Мусиенко Софья, Фурсенко Мария, Якимова Яна

2-е место:

Дмитриева Маргарита, Забродина Дарья,

Новикова Элина, Развеева Анна, Юхарина Варвара

3-е место:

Бильданова Адиля, Ковалева Дария, Попова Вера,

Романова Кристина, Янушко Валерия

Номинация «Монохромная книжная иллюстрация»

1-е место — не присуждено

2-е место: **Дорофеева Мария**

3-е место: **Деньжонкова Арина**

Диплом лауреата-финалиста присуждён 26 участникам: в номинации «Цветная книжная иллюстрация» — 21, в номинации «Монохромная книжная иллюстрация» — 5. Все финалисты удостоены специальных призов.

Диплом лауреата конкурса присуждён 76 юным иллюстраторам, трое из них удостоились специальных призов, а семеро — поощрительных призов, в том числе самый юный лауреат *Ефимовых Артём* (8 лет, г. Дзержинский Московской области). Дипломантами конкурса стали 110 участников, похвальные грамоты получили 49 человек.

Среди учебных заведений выделены 5 ведущих школ проекта, которые удостоены диплома лауреата конкурса и специальных призов: МБУДО «ДШИ № 6» (г. Оренбург), МБУДО «ДХШ № 2» Елабужского муниципального района (Татарстан), МБОУ «Школа № 124 с углублённым изучением отдельных предметов» (г.о. Самара), МАОУ «СОШ № 61» (г. Чебоксары) и МБОУ «Немчиновский лицей» (р.п. Новоивановское Одинцовского г.о. Московской области).

Дипломов лауреата и специальных призов также удостоены 5 самых активных и успешных школ проекта: МБОУ «Лицей № 3» им. гл. маршала авиации М.Е. Голованова» (г.о. Дзержинский Московской обл.); изостудия «Арт-мастер» (МАУК КЭЦ, г. Дзержинский Московской обл.); МОУ «СОШ п. Динамовский Новобурасского района Саратовской обл.»; МБУДО «ДШИ им. А.С. Розанова» (г. Кировск Мурманской обл.); МБУДО «ДХШ имени М.Г. Абакумова» (г. Коломна Московской обл.). Ещё 13 учебных заведений награждены дипломом лауреата конкурса, а 3 школам и студиям оформлены благодарственные письма.

Конкурсная комиссия отметила благодарственными письмами и призами работу всех 42 преподавателей, руководивших юными участниками конкурса. 8 самых активных и самых успешных педагогов удостоены специальных призов: *Антонова Наталья Владимировна* и *Кострова Лариса Арнольдовна* (МАОУ «СОШ № 61», г. Чебоксары); *Васильева Наталия Владимировна* (МБУ ДО «ДХШ № 2» Елабужского МР, Татарстан); *Виноградова Клавдия Валерьевна* (МБОУ «Немчиновский лицей», р.п. Новоивановское Одинцовского г.о. Московской обл.); *Мурадова Любовь Николаевна* и *Сулимова Светлана Владимировна* (МБУДО «ДШИ № 6», г. Оренбург); *Цибер Людмила Борисовна* (МОУ «Школа № 124», г.о. Самара); *Шабунин Дмитрий Евгеньевич* (изостудия «Арт-мастер» МАУК КЭЦ, г. Дзержинский Московской обл.).

17 активным и успешным педагогам присуждены поощрительные призы. Ещё 17 преподавателей удостоены благодарственных писем.

Елена Николаевна Егорова, автор проекта и книги «Неизвестные сказки няни Пушкина», является членом Союза писателей и Союза журналистов России, руководителем литобъединения «Угреша» и членом Совета МОБОО «Общество "Семь Я"», автором более 40 книг и 20 детских литературно-художественных проектов, лауреатом московских областных литературных премий имени М.М. Пришвина, имени Я.В. Смелякова (дважды), премии Главы Республика Карелия имени Г.Р. Державина «Во славу Отечества»

и других, а также она четырежды лауреат премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за социальные проекты. Она удостоена многих ведомственных, муниципальных, общественных наград и благодарности полномочного представителя президента России в ЦФО за многолетнюю плодотворную деятельность в области литературы и искусства.

Главного приза удостоена 15-летняя **Елена Хадж-Шейхмус**, ученица Немчиновского лицея (р.п Новоивановское Одинцовского г.о. Московской области). В 2020 году Елена заняла 1-е место во Всероссийском творческом конкурсе «Мир детства и отрочества Михаила Лермонтова» в категории «Юные художники» (номинация «Книжная графика»). В 2022 году удостоилась главного приза Всероссийского конкурса юных иллюстраторов «Счастье в глазах». Её работы, выполненные под руководством преподавателя Виноградовой К.В., украшают обложки изданий для детей «Счастье в глазах», «Самый лучший подарок» и настоящей книги.

Команда проекта от души благодарит всех юных художников и преподавателей за активное участие в конкурсе проекта, всех партнёров и волонтеров — за помощь в организации и проведении мероприятий, а Фонд-оператор президентских грантов и попечителей — за финансовую поддержку.

Капралова Мария
12 лет, г. Чебоксары

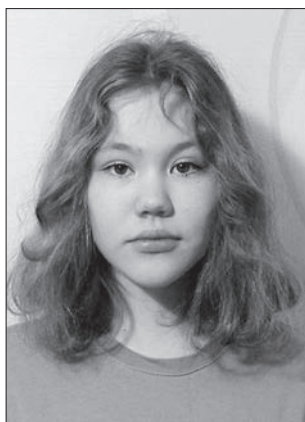
Говоров Евгений. 13 лет,
г.о. Дзержинский Моск. обл.

Фурсенко Мария
14 лет, г. Оренбург

Дорофеева Мария. 15 лет,
г.о. Дзержинский Моск. обл.

Дмитриева Маргарита
14 лет, г. Чебоксары

Новикова Элина
12 лет, г. Елабуга

Бильданова Адиля
14 лет, г. Елабуга

Романова Кристина
12 лет, г. Чебоксары

Янушко Валерия
14 лет, г. Оренбург

Якимова Яна
14 лет, г. Чебоксары

Мусиенко Софья. 15 лет,
г.о. Одинцовский Моск. обл.

Махмутарзинова Диана
15 лет, г. Оренбург

Забродина Дарья
15 лет, г. Оренбург

Развеева Анна
17 лет, г.о. Самара

Юхарина Варвара
16 лет, г. Раменское Моск. обл.

Попова Вера
13 лет, г. Оренбург

Деньжонкова Арина
16 лет, г. Коломна Моск. обл.

Ковалева Дария. 10 лет,
г.о. Дзержинский Моск. обл.

Педагоги проекта

Антонова Н.В.	Кострова Л.А.	Саушкина А.С.
Васильева Н.В.	Куклева А.Н.	Семёнова Г.А.
Ветошева Р.А.	Лебедева Д.В.	Серёгина Т.Н.
Виноградова К.В.	Лунина М.В.	Склярова Е.В.
Гольков М.А.	Мурадова Л.Н.	Скрятина О.Н.
Даладова В.В.	Новикова Е.Н.	Смирнова Е.Ю.
Добротворцева И.А.	Новикова Н.В.	Стародубцева Л.Н.
Дмитриева Л.В.	Околева В.В.	Сулимова С.В.
Дуванова А.А.	Попыкина В.Н.	Тарасова М.Г.
Егорычева Т.А.	Принт Е.К.	Федорова И.В.
Зенкина В.В.	Прядко Р.В.	Цибер Л.Б.
Карпова А.О.	Романова Р.М.	Шабунин Д.Е.
Комолова О.В.	Самсонова О.А.	Шумилова Е.В.
Кондратенко Н.В.	Саттарова Н.М.	Шустова Е.А.

Партнёры проекта

ГАУК Московской области «Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина»

ГБУК Нижегородской области «Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»

ГАУК Московской области «Московская губернская универсальная библиотека»

МАУК «Культурно-эстетический центр», г.о. Дзержинский Московской области

ДМУП «Информационный центр», г.о. Дзержинский Московской области

МБУК «Централизованная библиотечная система, г. Дзержинский»

МБОУ «Школа № 124 с углублённым изучением отдельных предметов» г.о. Самара

МБОУ «Лицей № 3 им. Главного маршала авиации М.Е. Голованова», г.о. Дзержинский Московской области

МБУДО «ДШИ № 6», г. Оренбург

МБУДО «ДХШ № 2» Елабужского муниципального района (Татарстан)

МАОУ «СОШ № 61», г. Чебоксары

Попечители проекта

Ерастов Г.И. (ООО «Торговый Дом «Нефтьмагистраль»), Бизюк Е.Н., Варшавский А.Е., Береза Т.Н., Егорова Е.Б., Егорова М.Е., Фатьянова Д.А., Филатова И.В., Филатов А.С. и другие.

Содержание

Сказки в стихах по мотивам сюжетов Арины Родионовны

Святочные сказки Арины Родионовны	3
Сказка о Петре-царевиче	27
Пропавший жених	125
Сказка о Балде, бесёнке и царевне	159

Нянины сказки. Рассказ из серии <i>«Детство Александра Пушкина»</i>	176
---	-----

Очерки о сказках

Няня Арина Родионовна и её сказки	183
Сказки А.С. Пушкина и В.А. Жуковского на основе сюжетов Арины Родионовны	208
От автора сказок по мотивам сюжетов Арины Родионовны, не использованных А.С. Пушкиным	246

Словарь редких и устаревших слов	261
Упоминаемые географические названия	267
Упоминаемые исторические лица	269

Сказочная галерея	273
-------------------------	-----

Всероссийский конкурс юных иллюстраторов <i>«Неизвестные сказки няни Пушкина»</i>	289
--	-----

Елена Николаевна Егорова

Неизвестные сказки няни Пушкина

Сказки в стихах, рассказ, очерки

Технические редакторы: В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова

Корректоры: О.С. Бахтиярова, О.Н. Крендясова

Дизайнер оформления: Е.Н. Егорова

Автор иллюстраций на обложке Елена Хадж-Шейхмус (15 лет).

Лицевая сторона: А.С. Пушкин записывает сказки своей няни в Михайловском. Обратная сторона: рисунки к «Святочным сказкам Арины Родионовны», к сказке «Пропавший жених», к «Сказке о Балде, бесёнке и царевне» и к «Сказке о Петре-царевиче».

Авторы виньеток в тексте: Хадж-Шейхмус Елена (15 лет, с. 1, 108, 272), Никифорова Яна (9 лет, с. 26), Игнатьева Дарья (13 лет, с. 35), Столяр Артём (9 лет, с. 83), Виноградова К.В. (с. 124, 295, цветная и монохромная рамки для виньеток), Стригина Полина (15 лет, с. 158), Дорофеева Мария (15 лет, с. 207), Аминова Мария (11 лет, с. 245), Каримова Аделина (13 лет, с. 260, 268), Срыбная Софья (15 лет, с. 266).

Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова Московской областной организации Союза писателей России

140093, Московская область, г. Дзержинский, ул. Томилинская, д. 20а.

Центральная библиотека. Тел. +7 (903) 660-90-98

Сайт: <http://www.lito-ugresha.narod.ru>. E-mail: lito_ugresha@mail.ru

Московская областная благотворительная общественная организация «Общество «Семь Я»

140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Спортивная, 12.

Тел. (495) 551-17-90. Сайт: www.seveni.ru. E-mail: seveni1@mail.ru

Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»

607940, Нижегородская обл., Большеболдинский р-н,
с. Большое Болдино, ул. Пушкинская, 144. Тел. (83138) 22-759.

Сайт: <http://www.boldinomuzey.ru>. E-mail: muzey.asp@mail.ru

Сдано в набор 10.12.2023. Подписано в печать 15.01.2024.
Формат 70x100/16. Гарнитура «Bookman». Печ. л. 18,5. Тираж 2000 экз.

ISBN 978-5-6047169-4-6

9 785604 716946

Отпечатано в ООО «Ярославский

полиграфический комбинат»

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 97.

Тел.: (4852) 21-87-15.

Заказ № 2400780